

СТУДЕНТ

ЖУРНАЛ АВАНГАРДА СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

5 _____

6 _____

7 _____

8 _____

ЗА ДРУЖБУ ВО ВСЕМ МИРЕ!

АДРЕСА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

- ЖАПАКОВ Науруз, поэт, Кара-Калпакская АССР,
г. Нукус, ул. Горького, д. 7.
- ПУКК Холгер Янович, прозаик, (как и надо было ожи-
дать), Эстонская ССР, г. Таллин, ул. Кольде, д. 4.
- КИРДЯШКИН Тимофей Андреевич, морд. прозаик,
Москва, Новослободская ул., д. 73, кв. 5.
*При печатании имени следует уделять особое
внимание, чтобы не оскорбить писателя.*
- ХАЛТУРИН Иван Игнатьевич, прозаик, критик, Москва
В-17, Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 5.
- ДУДКИН Дмитрий Константинович, драматург, Таджик-
ская ССР, Душанбе, ул. Свириденко, д. 19, кв. 7.
- ПОЦЮС Альгирдас Зеноно, прозаик (с таким именем
можно быть и романтиком) Литовская ССР,
г. Вильнюс, ул. Антакальнио, д. 12а, кв. 15.
- КУКУШКИН Василий Николаевич, г. Ленинград, П-183,
ул. Савушкина, д. 13а, кв. 52.
- ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей, Москва, Н. Красносельская
ул., д. 45, кв. 45, тел. Е 1-96-45.
- ВИНОКУРОВ Евгений Мих., Москва, ул. Фурманова,
д. 3/5, кв. 43, тел. Г 6-95--94.
- ДОРОШ Ефим (Гольдберг Еф. Яковлевич), Москва, Н.
Песчаная ул., д. 11/6, кв. 52, тел. Д 7-05-17.
- ГИГИБЕРИЯ Дмитрий Ясонович, поэт, Абхазская АССР,
Сухуми, Пионерская ул., д. 6.
- ГОГОБЕРИДЗЕ Елена Давыдовна, лит. Москва, ул. А.
Толстого, д. 16, кв. 10.
- ГОГИАШВИЛИ Кукури П., драматург, Грузинская ССР,
Тбилиси, Гогешавили, д. 43.
- КРИВДА Григорий Федосеевич, Укр. ССР, Донецк, 3-й
Игнатьевский пр., д. 20, кв. 34 (Кривду между
прочим легко найти в СССР и без адреса).

СТУДЕНТ

ЖУРНАЛ АВАНГАРДА СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

*... кроме ослов, никто против
истин ... возражать не станет.*

И. Эренбург

5-8

©

Copyright Flegon Press, 1967.
2, Florence Street,
London, N.1.

В выпуске:

Н. Асеев
О. Бергольц
А. Вознесенский
Е. Долматовский
И. Дзюба
М. Драй-Хмара
Е. Евтушенко
Б. Ефимов
В. Инбер
В. Каверин
В. Коротич
Н. Марголин
Э. Межелайтис
А. Молчаливый
П. Новицкий
Н. Однопозов
Б. Окуджава
В. Симоненко
Б. Слуцкий
Г. Соловьев
А. Сурков
Е. Тарапута
Т. Тэсс
Д. Фальковский
А. Федор
Е. Храмов
И. Эренбург

*Printed in The United Kingdom for Flegon Press
by Multilingual Printing Services
200 Liverpool Road, London, N.1.*

Встреча со Сталиным

Нижеприведенный отрывок взят из книги «Жертва культа личности» написанной Б. Ефимовым, дважды лауреатом Сталинской премии, мужем бывшей секретарши Ленина. Известный каррикатурист Б. Ефимов рассказывает о трагической судьбе своего брата, советского журналиста М. Кольцова, редактора «Правды». Книга вышла в издательстве «Флегон Пресс».

В эти дни брат чрезвычайно занят на всякого рода совещаниях и собраниях, ему приходится рассказывать о своих испанских впечатлениях самым различным аудиториям слушателей.

Несомненно, самой серьезной из этих аудиторий была и самая немногочисленная из них, всего из пяти человек. Это были Сталин и четверо самых приближенных к нему лиц. Вопросы к Кольцову и его подробные ответы заняли больше трех часов. Наконец беседа пришла к концу.

— И тут, — рассказывал мне Миша, — он стал как-то чудить... Встал из-за стола, прижал руку к сердцу, поклонился... »Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?« — »Мигель, товарищ Сталин«, — ответил я. »Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания«. — »Служу Советскому

Союзу, товарищ Сталин!» Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул, и произошел какой-то странный разговор. »У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» — спросил он. »Есть, товарищ Сталин«, — удивленно ответил я. »Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — »Конечно, нет, — еще более удивляясь, ответил я, — и в мыслях не имею«. — »Ну, вот и отлично! — сказал он. — Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель!«

На другой день, делясь впечатлениями о прошедшей накануне беседе, один из вчерашней четверки сказал Кольцову:

— Имейте в виду, Михаил Ефимович, вас ценят, вас любят, вам доверяют!

— Что ж, Мышонок, — сказал я, когда брат рассказал мне об этом, — по-моему, это очень приятно.

— Да, приятно, — произнес Миша задумчиво. — Но знаешь, что я совершенно отчетливо прочел позавчера в глазах »хозяина«, когда я уходил и он провожал меня взглядом?

— Что?

— Я прочел в них: »Слишком прыток . . .«

. . . . .

Сталинская доктрина требовала чтобы дети отвечали за грехи родителей. В настоящее время, дочь Сталина, которая после смерти папаши защитила диссертацию по вопросам социалистического реализма живет свободно в Москве.

Автореферат С. И. Сталиной на соискание ученой степени канд. филол. наук был напечатан Академией Наук при ЦК КПСС под заголовком: »Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе«. (Проблема идеи народности и партийности в романах Тихий Дон, Молодая гвардия и Жатва).

Советуем западным туристам приложить некоторые усилия и попытаться встретиться с гражданкой С. И. Сталиной при посещении СССР.

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

1

Голос, я хочу, чтоб ты замолк.
Пусть душа моя кричит в тревоге,
больно уколотившись о клубок
провода ржавой на дороге.

Почему, зачем ее несущ?
Молча шел. Не задавал вопросов.
Может быть, я думал, ветку розы
рыжую от ржавчины несущ?

Нет, не ветку. Как бы ни тяжел
голос этой правды неминуемой —
признаюсь, я очень долго шел,
проводом оплетен колючей.

Солнца, света жаждала душа
и в ночи осенней и суровой
свой венок несла, едва дыша,
ржавый,
металлический,
терновый.

2

На любых путях моей души
вырастала всюду выше ржи
ты, колючая проволока!

Ты росла в окопах и во рвах,
в этих язвах, в этих гнойных швах
о колючая проволока!

Все твои побеги расцвели
из кровоточащих ран земли,
о колючая проволока!

Круг тюрьмы росли твои цветы,
кровью и слезами политы,
о колючая проволока!

Над концлагерями ты цвела,
пожирая души и тела,
о колючая проволока!

Обвила зеленые леса,
в синие вонзилась небеса,
о колючая проволока!

Обвила, ползучая змея,
землю. Не простит тебе земля!
О колючая проволока!

Нравилось тебе живую плоть
жалить, рвать, терзать, кусать, колоть,
о колючая проволока!

И уже не удивлялся я,
всюду натываясь на тебя,
о колючая проволока!

И без крови, словно без воды,
ты ржавела и слабела ты,
о колючая проволока!

3

Злые тени постепенно отступают,
и душа моя выходит из ночи,
через проволоку смело проникают
солнечные добрые лучи.

Греется душа, присев на камень,
обескровлена, бледна и чуть жива.
И останки рыжих ржавых капель
пожирает вешняя трава.

Это не ржавчина.
Это крови следы,
пепел пожарища,
печати беды.

Эту ржавчину
потоки каких дождей
смоют начисто
с круглой планеты моей?

Будь же проклята
навсегда, навек,
колючая проволока —
я говорю, Человек!

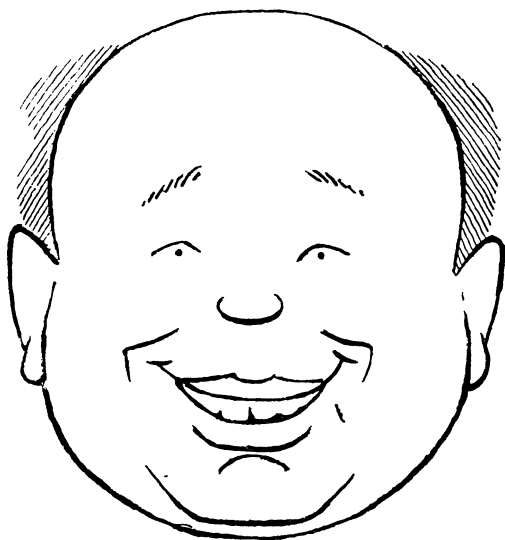
5

Ветку розы я держу,
ржавую, с колючими шипами.
Прошлую беду не ворошу —
все равно не выразить словами.

Только выдают меня
слезы в горле.
А вокруг — безлюдье.
Только двое — Я и Тишина —
бледные стоим на перепутье.

Мы бросаем проволоку прочь,
ветку ржавую и неживую.
И уходим, покидая ночь,
на дорогу, солнцем залитую.

Перевел С. Куняев

Н. Анциферов

УЖЕ НЕ СПИНУ . . .

*Мне батъка позволял намаылить спину,
Я это делал с радостью большой,
Но счастлив был всего наполовину
И, словно в цирк, просился я в забой.*

Н. Анциферов

Я тоже счастлив лишь наполовину,
А то, пожалуй, и всего на треть:
На этих слов нежаркую лавину
Ей-ей, не очень радостно смотреть.

Когда опять, стихослагатель милый,
Ты в родственном окажешься кругу,
Позволь, чтобы отец тебе намаыл,
Уже не спину за твою строку . . .

Г. Соловьев

МЕДИЦИНА И ЖИЗНЬ

»Перед странной задачей остановились мы в послевоенные годы — доказать, что наша медицинская наука развивается с необычайной быстротой или, по меньшей мере, быстрее, чем наука других стран или всего мира. Нам и никому другому принадлежали все величайшие открытия XIX и XX века — это утверждалось в книгах и статьях, в кино и театре. И никто не замечал, что наряду с защитой придуманного, мнимого первенства мы теряли подлинное, добытое в мучительных трудах и исканиях. Существовали десятки причин, из-за которых мы теряли это реальное первенство, но самая главная из них заключалась в том, что никто из нас не имел права делиться своими открытиями даже с лабораторией соседа.

О, эта тайна, этот сумрак, в котором мы едва различали друг друга. Еще и сейчас — я пишу это в 1956 году — не расквитались мы с тем невежественным вздором, с той таинственной чепухой, вокруг которой городились опутанные колючей проволокой заборы и которые после рабочего дня хранились в запечатанных сейфах! Сколько ловких людей, не имеющих никакого отношения к медицинской науке, получили высокие звания под покровом этой искусственной тайны, без которой почему-то невозможно было ни работать, ни жить.

Мнимая, выдуманная наука нуждалась в мнимом оживлении и широкие дискуссии были организованы, чтобы показать всему миру блеск творчества, столкновения мнения. Но под этим искусственным светом становились видны лишь потрепанные декорации догматизма, готовых представлений, подсказанных мыслей».

В. Каверин

ПОИСКИ И НАДЕЖДЫ. Роман.

* * *

...Больной С. поступил на первую клиническую больницу г. Минска. Была установлена язва желудка.

Больного обследовали на рентгеновском аппарате, оперировали и назначили лекарства. К нему относились хорошо и врачи и медперсонал. Но все же С. не остался доволен больницей. Почему? После операции больной на протяжении трех недель не мылся, не мог почистить зубы. Мелочь? А люди которые лежат в больнице месяцами а то и годами?

Н. Марголин, инженер конструктор,
В. Солоухин, главный врач Войстамской больницы
Смаргонского района Белорусской ССР.

* * *

БИТНИКИ И КИБИТНИКИ

Западной культуре распада, выдвинувшей поэтов битников, советский простой человек и особенно простая культура, противопоставляют поэтов кибитников.

Для читателей незнакомых с советской передовой, передвижной техникой приводим объяснения соответствующей терминологии. (По словарю Ушакова).

Кибитка — крытая повозка, легкое переносное жилище у кочевых народов.

Юрта — переносное жилище, кибитка у нек-рых кочевых народов (обычно конусообразной формы).

Вооруженные этими знаниями наши читатели смогут понять легче значение алтайского поэта, драматурга, актера и режиссера П. Кучияка который на протяжении многих лет занимал руководящее положение в государственном аппарате. Вот цитата из К.Л.Э., т. 3, стр. 933: »В 1933 опубликована первая реалист. поэма на алт. яз. »Арбачи« о нелегкой доле алт. женщины. Неск. лет руководил красной юртой-передвижкой«.

В 1943 г. красные органы оклеветали нелегально поэта и сняли его с руководящей работы, снимая при этом и его голову.

СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА ОБРЕЗАЛА БАБЕЛЯ

(В НЕКОТОРЫХ МЕСТАХ)

В Лондонском издательстве Брайда Букс появилась книга с произведениями Бабеля. Такую книгу стоит, конечно, приветствовать. Но зачем же Лондонскому издательству цензурировать Бабеля?

Книга вышедшая в Лондоне была напечатана не по первым изданиям Бабеля, а по советскому изданию 1957 года (Госиздат Художественной Литературы, Москва).

Лондонское издание снабжено предисловием преподавателя русского языка английского университета, А. Б. Мэрфи. Однако, в предисловии вовсе не упоминается, что это цензурированная версия, а не та, которая была написана Бабелем.

Причины неупоминания могут быть две: либо господин писавший предисловие не знал, что это издание отличается от оригинала, либо знал, но предпочел скрыть с тем, чтобы легче было продать книгу. Мы предпочитали бы первый случай.

В своем предисловии господин А. Б. Мэрфи утверждает также, что после 1957 года Бабель не печатался и его произведения невозможно найти на рынке.

Здесь вероятно было бы уместно указать, что издательство Флегон Пресс выпустило за последние три года два издания книги «Конармия» в нецензурированной форме и эти книги можно достать во всех русских магазинах Западной Европы или Америки.

В советском предисловии 1957 года, подписанного Эренбургом, вполне справедливо указывается, что Конармия это — «высокое искусство», что Бабелем восторгались Горький, Маяковский, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Генрих Манн и другие знаменитости мира.

На каком же основании анонимные писцы Московского издательства Художественной Литературы взяли

на себя право исправлять язык, стиль и содержание произведений Бабеля? Изменения в языке Бабеля — малые, и мы не будем останавливаться на них.

Нужно, однако, указать на некоторые перемены стиля и содержания сделанные цензурой с целью «отшлифовки» рассказов Коармии.

В области стиля были выброшены некоторые предложения совершенно «невинные», как например, «мне не забыть его рассказа». (Пятое предложение рассказа «Прищепка»), или вместо «и вот мы сидим на боченках» просто «мы сидим на боченках», «Гедали» 5-й абзац).

В рассказе «Измена» из предложения «душа горит и рвет огнем тюрьму тела и острог постылых ребер» были выброшены последние четыре слова.

Предложение «сведенный с ума воспоминанием о мечте моей, об Аполеке . . .» было заменено выражением «в начале» (У святого Валента).

В «Эскадронный трунов» слова аэропланы заменены несколько раз словами «машины», вместо «желтый блеск» — просто «блеск».

В некоторых местах ножницы цензуры действовали потому, что стиль Бабеля был более реалистичным, чем требовалось соцреализму. Например в рассказе «Иваны» Бабель пишет «. . . и увидел на земле труп поляка, залитый моей мочей. Она выливалась у него изо рта, брызгала между зубов и стояла в пустых глазницах». Это последнее предложение было выброшено, как ненужное.

«Угрюмый, тусклый огонь желания», о котором говорил Тютчев, привлекал к себе Бабеля, потому что этот огонь всегда освещает не маску человека, а его лицо» — пишет Эренбург в своем предисловии. Но так как рабочий класс может не понять, что хотел сказать Тютчев, то Эренбург высказывается более ясно «О той любви, которую старые католики называли «плотской», а современные пуритане именуют «животной», Бабель писал откровенно без лицемерной стыдливости.

Советская цензура, в плену лицемерной стыдливости против которой советское же издательство выступает, оказалось не лучше старых католиков, или современных пуритан, так как то что Бабель «откровенно писал» было выброшено безцеремонно.

Приведем несколько примеров. В рассказе «Сашка Христос» отец героя встречается со старушкой-попрошайкой, которая просит не побрезгать ею и вскарабки-

вается на лавку. Бабель »откровенно« пишет — »Тараканыч лег с ней и набаловался сколько мог«. По мнению советской цензуры такие подробности могут подорвать советскую мораль и, следовательно »набаловался сколько мог« было выброшено. Следует, однако, сказать, что ни здесь, ни в других местах, вместо выброшенных слов и предложений не ставятся точки, как было принято при царской цензуре, для указания цензурированных мест.

Рассказ »Вечер« процензурован в четырех местах. Выброшена, между прочим, следующая весьма невинная фраза — »так смотрит на профессора, преданного науке, девушка жаждущая неудобств зачатия«.

В рассказе »Чесники« процензурированного в трех местах, вместо 54-х слов Бабеля поставлено одно слово цензуры »там«. Были выброшены следующие предложения Бабеля: »две пухлых сестры в передничках укладывались там на траве. Они толкались молодыми грудями и отпихивались друг от дружки. Они смеялись замирающим бабьим смешком и подмигивали мне снизу, не мигая. Так подмигивают пересыхающему парню деревенские девки с голыми ногами, деревенские девки, взвизгивающие, как обласканные щенята, и ноچующие на дворе в томительных подушках скирды. Подальше от сестер . . .« Все это было заменено одним словом »там«.

В рассказе »История одной лошади« Бабель пишет — »и он рассказывал мне о женщинах так подробно, что мне было стыдно и приятно слушать. Это, я думаю, потому, что нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони«. Цензура выбросила подчеркнутую часть и читатель узнает, что Бабеля потрясали некоторые страсти, но какие именно, ему конечно трудно догадаться.

В другом месте Бабель описывает смерть сына рабби, который умер без штанов. Две толстогрудые машинистки притащили его в редакцию. »Девицы, уперши в пол кривые ноги незатейливых самок, сухо наблюдали его половые части, эту чахлую, нежную, курчавую мужественность изчахшего семита«. Увидевши такую картину, советская цензура немного растерялась. Соблюдать соцреализм или лицемерную стыдливость? А может быть лучше пойти на компромисс и вырезать кусочек из реалистического описания? Если вырезать, то какой именно кусочек?

Курчавость и чахлость не представляет никакой политической опасности. А вот нежность, это предмет политических недовольств. Бунтующие советские молодые поэты требуют ее открыто:

»нежности!

нежности! хочется нежности!«

Евтушенко посвящает тоже целое стихотворение нежности и заканчивает его скептически: «нежностью только за смерть награждают».

Таким образом, по политическим причинам из полового описания Бабеля было вырезано слово «нежную» и осталась вышеуказанная часть семита «чахлой и курчавой», но не нежной. Бабель от этого не пострадал, думает цензура, а вот молодежь защищена от идеализирования непартийных предметов.

Политические вырезки были произведены почти во всех рассказах «Конармии». Советская пресса критиковала Окуджаву, что в повести «Будь здоров школяр» допускается, что советский воин боится смерти, ранения или может быть плохо настроенным. Это не типично советскому воину — говорит цензура, и начала вырезать у Бабеля все, что по их мнению не должно быть типичным. Из перепуганного участника войны рассказа «Иваны» (— Стой! — кричал я, цепenea. — Кто идет?), получился отважный боец:

— Стой! — кричал я. — Кто идет?

В рассказе «У святого Валента» была такая сцена: «Мы недоверчиво отступали перед лицом ужаса, ужас наступал нас и щупал мертвыми пальцами наши сердца».

Такой сцены не найти в новом советском редактировании.

В рассказе «Гedaли» Бабель тоскует по детству: «О, истлевшие талмуды моего детства. О, густая печаль воспоминаний». В издании 1957 года этой тоски вы не найдете.

В рассказе «Солнце Италии» Бабель писал: «Душа, налитая томительным хмелем мечты, улыбалась неведомо кому, и воображение, слепая счастливая баба, клу-билась впереди июльским туманом».

Улыбаться неведомо кому, чего ради классовому врагу, это неправильно политически. Хмель мечты не дол-

жен владеть советскими бойцами. И вот целое это предложение вылетело из «Конармии» 1957 года.

В рассказе «Смерть Долгушева» Бабель согрешил также, но цензура поправила его во время и вырезала последнее предложение.

В рассказе «Вечер» Бабель говорит о «мордатом» победителе. Как же доблестный красноармеец может быть «мордатым»? И вот цензура снова победила и мордатого Василия советский читатель больше не увидит.

В рассказе «Вечер» реализм Бабеля превращается в обвинение, он говорит: «Вся партия ходит в передниках измазанных кровью и калом...» Попытайтесь найти это предложение в Лондонском издании Брайда Букс или в советских изданиях 50-х и 60-ых годов.

Или вот это описание галицийских крестьян в рассказе «Берестечко». «Соседство трех племен, деятельных и деловитых, разбудило у них упрямое трудолюбие, свойственное иногда русскому человеку, когда он еще не обовшивел, не отчаялся и не упился».

Что касается Троцкого, то Бабель понаделал массу ошибок. По его мнению, Троцкий был чуть-ли не лучше Ленина. Вот что можно прочесть в оригинале рассказа «Соль», там где в Госиздате 1957 года стоит одна единственная точка, разделяющая два предложения. Эта точка заменяет следующее предложение: «Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане, вытягивают они нас — Ленин и Троцкий — на вольную дорогу жизни...»

В рассказе «Эскадронный Трунов» — говорилось о каких-то приказах Троцкого. Сейчас все это хорошо прочищено цензурой и советские граждане могут читать рассказ без опасности.

Из рассказа «Чесники» была вырезана часть, показывающая отсутствие уважения к Ворошилову.

Мы не упомянули всех вырезок советской цензуры, произведенных в сборнике «Конармия». Приведенные примеры показывают, однако, что именно не подходит советским цензорам, и чего нельзя, к сожалению, найти в книге Брайда Букс, предназначенной для западных читателей.

ПАРТИЙНЫЙ АНЕКДОТ

Советские официальные органы обыкновенно не любят и не понимают анекдотов. Однако, время от времени появляются анекдоты которые им приходится по вкусу и они с охотой способствуют их распространению. Вот пример одного из таких анекдотов:

Три служителя культа решились поделиться своим опытом и рассказывают друг другу как они делят с богом приход своих церквей.

Пастор: »Я делю деньги на две кучки и беру себе ту которая меньше«.

Ксендз: »Я делю деньги на две равные части. Одну из них даю церкви а другую беру себе«.

Раввин: »Я кладу все собранные деньги на поднос и кидаю их вверх. Бог берет себе сколько ему нужно, а я подбираю остальное«.

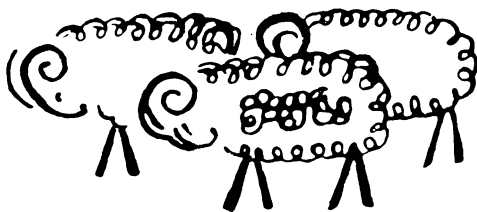
* * *

ПЕРЕДОВОЙ ПАСТУХ

Действительно в нашем краю есть много замечательных пастухов и один из старейших из них, который более 40 лет пасет колхозное стадо это товарищ Смирнов из колхоза 9-го Января. Помимо того, что он в совершенстве овладел своим мастерством, он еще и пишет замечательные стихи о пастухах. Многие у него учатся и признательны за его советы и рекомендации.

Федор А.

Корреспондент Московского Радио

БУЛАТ ОКУДЖАВА

ПЕСЕНКА О ПРЕСНЕ

Арбат беру с собою
Без него я ни на шаг,
Смоленскую на плечи я забрасываю
И Пресню я беру
И не так чтобы так,
    А красную, красную, красную.
Мы въезжаем, мы въезжаем
Не спроста и не вдруг
По асфальтовой дорожке неминуемой
Заколдованный круг
Из рук и разлук
    Сотворение Москвой именуемое.

* * *

Маленькая женщина стоит у окна,
Маленькая женщина одна, одна.
Там белая зима, там черные дома,
Ах, кого она ждет, не знает сама.
Никто не спешит к ней, никто, никто
Книжки бы читать, все не то, не то.
В окно она смотрит, молчит, молчит,
В хрупкое стекло она молча глядит.

* * *

Усталость ноги едва волочит,
Гитара корчится под рукой,
Надежда голову мне морочит,
А дождь сентябрьский льет такой.

Мы из компании. Мне привычны,
Дождь и ветер, дождь и ты.
Пускай болтают что не типичны,
В двадцатом веке твои черты.

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
Пускай завистник свое кричит,
Моя гитара меня обнимет,
Интеллигентно, она смолчит.

Тебе не первый, тебе не первый,
Предъявлен веком не легкий счет.
Моя гитара, мой спутник верный,
Давай хоть дождь смахну со щек!

* * *

ШУТОЧНАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

А что я сказал медсестре Марии,
Когда обнимал ее —
Ты знаешь, а вот офицерские дочки
На нас на солдат не глядят.
А поле клевера было под нами
Тихое, как река
И волны клевера набегали
И мы качались на них.
Ты Мария раскинув руки
Плыла по этой реке
И были черными и бездомными
Голубые ее глаза.
И я сказал медсестре Марии,
Когда наступил рассвет —
Нет, ты представь — офицерские дочки
На нас на солдат не глядят.

* * *

В будни нашего отряда,
В нашу окопную семью
Девочка по имени Отрада
Принесла улыбку свою.
И откуда на переднем крае
Где даже земля сожжена
Тонких рук доверчивость такая,
Улыбки такая тишина.
Пусть пока мы шагом тяжелым
Проходим по улице вдоль
Редкие счастливые жены
Над твоей злословят судьбой.
Ты клянись, клянись моя рота
Самой высшей клятвой войны
Перед девочкой с южного фронта
Нет у нас ни грамма вины,
И всяких разговоров отрава
Завелася вокруг каменных стен
Мы идем на запад Отрада,
Греха перед пулями нет.

* * *

Вот счастливый человек,
Это видно по всему,
Но почему же, почему
У него короткий век.

Вот влюбленный человек,
Это видно по всему,
Но почему же, почему
У него печальный век.

Вот несчастный человек,
Это видно по всему,
Но почему же, почему
У него бессрочный век.

* * *

Беру часы на браслетке я
Ты прощай моя зарплата последняя.
Вижу слезы жены, нету в том моей вины,
Это в дверь постучали, костяшки войны.

А часики тикают, тикают, тикают
Тикают ночи и дни;
И тихую, тихую, тихую
Тихую жизнь мне пророчат они.

Вот закончилось значит сражение,
Вот лежу я в траве без движения,
Голова моя в огне, и браслетка на мне,
А часы, как чужие стучат в стороне

И все тикают, тикают, тикают,
Тикают ночи и дни
И тихую, тихую, тихую,
Тихую жизнь мне пророчат они.

Следующие стихи Б. Окуджавы были напечатаны в
разных советских сборниках и журналах.

ПЕСЕНКА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Когда метель кричит как зверь —
протяжно и сердито,
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

И если ляжет дальний путь,
нелегкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И, уходя в ночной тиши,
без лишних слов решайте:
огонь сосны с огнем души
в печи перемешайте.

Пусть будет теплою стена
и мягкой — скамейка . . .
Дверям закрытым — грош цена,
замку цена — копейка!

* * *

В саду Нескучном тишина.
Встает рассвет светло и строго.
А женщину зовут Дорога . . .
Какая дальняя она!

ДВА ВЕЛИКИХ СЛОВА

Не пугайся слова »кровь« —
кровь, она всегда прекрасна,
кровь ярка, красна и страстна,
»кровь« рифмуется с »любовь«
Этой рифмы древний лад!
Разве ты не клялся ею,
самой малостью своею,
чем богат и не богат?
Жар ее неотвратим . . .
Разве ею ты не клялся
в миг,

        когда один остался
с вражьей пулей
        на один?

И когда упал в бою,
эти два великих слова,
словно красный лебедь,

        снова
прокричали песнь твою.
И когда пропал в краю
вечных зим,

        песчинка словно,
эти два великих слова
прокричали песнь твою.
Мир качнулся.

        Но опять
в стуже, пламени и бездне
эти две великих песни
слились так, что не разнять.
И не верь ты докторам,
что для улучшения крови
килограмм сырой моркови
нужно кушать по утрам.

Раскрываю страницы ладоней,
молчаливых ладоней твоих.
Что-то светлое и молодое,
удивлённое смотрит из них.

Я листаю страницы.

Маячит

пережитое.

Я как в плену.

Вон какой-то испуганный мальчик
сам с собою играет в войну.

Вон какая-то женщина плачет —
очень падают слезы в цене,
и какой-то задумчивый мальчик
днем и ночью идет по войне.

Я листаю страницы,

листаю,

я влюбленно листаю листы:
пережитого громкие стаи,
как синицы,

летят на кусты.

И уже не найти человека,
кто не понял бы вдруг на заре,
что погода двадцатого века
началась на арбатском дворе.

О, ладони твои все умеют,
все, что было, читаю по ним,
и когда мои губы немеют,
припадаю к ладоням твоим,
припадаю к ладоням горячим,
в синих жилках веселых тону . . .

Кто там плачет? . .

Никто там не плачет . . .

Просто дети играют в войну!

Не верю в Бога и судьбу.

Молюсь прекрасному и высшему
предназначенью своему,

на белый свет меня явившему . . .

Чванливы черти, дьявол зол, бездарен Бог —

ему неможется . . .

О, были б помыслы чисты!

А остальное все

приложится.

Верчусь, как белка в колесе,

с надеждою своей за пазухою,

ругаюсь, как мастеровой,

то тороплюсь, а то запаздываю.

Покуда дремлет бог войны —

печет пирожное пирожница . . .

О, были б небеса чисты!

А остальное все

приложится.

Молюсь, чтоб не было беды,

и мельнице молюсь,

и мыльнице,

воде простой, когда она из золотого крана вырвется,

молюсь, чтоб не было разлук,

разрух,

чтоб больше не тревожиться.

О, руки были бы чисты!

А остальное все приложится.

КАК Я СИДЕЛ В КРЕСЛЕ ЦАРЯ

Век восемнадцатый.

Актёры
играют прямо на траве.
Я — Павел Первый,
тот, который
сидит России во главе.
И полонезу я внимаю,
и головою в такт верчу,
по-царски руку поднимаю,
но вот что крикнуть я хочу:
»Срывайте глупые наряды!
Презренье хрупким каблукам . . .
Я отменяю все парады . . .
Чешите все по кабакам . . .
Напейтесь все,
переженитесь
кто с кем желает,
кто нашёл . . .
А ну, вельможи, оглянитесь!
А ну-ка денежки на стол! . . .«
И золотую шпагу нервно
готов я выхватить, грозя . . .
Но нет, нельзя.

Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.
И снова крикнуть я хочу:
»Ребята,
наострите руки,
вам это дело по плечу:
смахнем царя . . . Такая ересь!
Жандармов всех пошлем к чертям —
мне самому они приелись . . .
Я поведу вас сам . . . Я сам . . .«
И золотую шпагу нервно
готов я выхватить, грозя . . .
Но нет, нельзя.

Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.
Мгновение — и закричу:
»За вашу боль, за ваши муки
собой пожертвовать хочу!
Не надо, судей не жалейте,
иначе — всем по фонарю.
Я зрю сквозь целое столетье . . .
Я знаю, что я говорю!«
И золотую шпагу нервно
готов я выхватить, грозя . . .
Но нет, нельзя.

Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя.

* * *

Нацеленный глаз одинокого лося.
Рога в серебре, и копыта в росе.
А красный автобус вдоль черного леса,
как заяц, по белому лупит шоссе.

Шофер молодую кондукторшу любит.
Ах, только б автобус дошел невредим . . .
Горбатых снопов золотые верблюды
упрямо и долго шагают за ним.

Шагают столбы по-медвежьи, враскачку,
друг друга ведут, как коней, в поводах,
и птичка какая-то, словно циркачка,
шикарно качается на проводах.

А лес раскрывает навстречу ворота,
и ветки ладонями бьют по лицу.
Кондукторша ахает на поворотах:
ах, ей непривычно с мужчиной в лесу!

Сигнал повисает далекий-далекий.
И смотрят прохожие из-под руки:
там красный автобус на белой дороге,
у черного леса, у синей реки.

СЫНУ

Он входит точно по утру,
когда рассветный тарарам
еще не смог очнуться,
лишь стоит под рукой дверям
едва-едва качнуться.

Он входит в день мой неспроста
походкой Черного Дрозда . . .
Что для него приметы? . . .
И сразу
на свои места
становятся предметы.

И он стоит невдалеке,
храня минуту эту,
и держит красный мяч в руке,
как целую планету.

А по смешным его трусам
бежит, змеясь,
каемка,
и красный мяч
назло часам
позванивает тонко.

Мой Черный Дрозд,
упрямец мой,
весь как тростиночка
прямой,
других забот не помня,
стоишь ты перед ней самой —
перед Хозяйкой полдня.

А я — не свет и не ручей . . .
Ты — мой . . .
А я ты знаешь
чей? . . .

И с кем сводить мне счеты? . . .
Среди рассветных мелочей
есть грустные заботы.

Вопрос удач совсем не прост,
и как бы там ни гнуться,
ты улетаешь,
                                Черный Дрозд,
чтоб, может, не вернуться.
И за тобой уходит вскач,
впервые тронут болью,
мой Черный Дрозд,
твой красный мяч
по золотому
полю.

* * *

Надежда, белою рукою
сыграй мне
                                что-нибудь такое,
чтоб краска схлынула с лица,
как будто кони — от крыльца.

Сыграй мне
                                что-нибудь такое,
чтоб ни печали, ни покоя,
ни нот, ни клавиш и ни рук . . .
О том,
                                что я несчастен,
  врут!

Еще нам плакать и смеяться,
но не смиряться, не смиряться .
Еще не пройден тот подъем . . .
Еще друг друга мы найдем . . .

Все эти улицы — как сестры.
Твоя игра — их говор пестрый,
их каблучков полночный стук . .
Я жаден до всего вокруг.

Вокзал прощанье нам прокличет,
и свет зеленый расцветет,
и так легко до неприличья
шлагбаум руки разведет.

Не буду я кричать и клясться,
в лицо заглядывать судьбе . . .
Но дни и версты будут красться
вдоль окон поезда,

к тебе.

И лес, и горизонт далекий,
и жизнь,

как паровозный дым,
всё — лишь к тебе,

как те дороги,

которые

когда-то

в Рим.

* * *

Человек стремится в простоту,
как небесный камень — в пустоту,
медленно сгорает

и за предпоследнюю версту
нехотя взирает.

Но во глубине его очей,
будто бы во глубине ночей,
что-то назревает . . .

Время изменяет его внешность,
время усмиряет его нежность,
словно пламя спички на мосту
гасит красоту . . .

Человек стремится в простоту
через высоту.

Главные его учителя —
Небо и Земля.

ПОСЛЕДНИЙ МАНГАЛ*

Тамазу Чиладзе
Джансугу Чарквиани

Когда под хохот Куры и сплетни,
в холодной выпачканный золе,
вдруг закричал Мангал Последний,
что он — последний на всей земле,
мы все тогда над Курой сидели
и мясо сдабривали вином,
и два поэта в обнимку пели
о трудном счастье, о жестяном.
А тот мангал, словно пес, на запах
орехов, зелени, бастурмы,
качаясь, шел на железных лапах
к столу, за которым сидели мы.
И я клянусь вам, что я увидел,
как он

в усердье своем простом,
как пес, которого мир обидел,
присел,

вильнув жестяным хвостом!
Пропахший зеленью, как духами,
и шашлыками — еще лютей,
он

словно свергнутый бог,
в духане
с надеждой слушал слова людей . . .
. . . Поэты плакали. Я смеялся.
Стакан покачивался

в руке,
и современно шипело мясо
на электрическом очаге.

---

*) Жестяная печурка для шашлыка, выходящая из употребления.

ПОЭЗИЯ В СТОЛОВКЕ ЗАВОДСКОЙ

Поэзия в столовке заводской,
где щи кипят, где зреют макароны,
где ежедневно, как прибой морской,
ты переходишь в бой из обороны.

Здесь изучили всё за много лет,
испробовали всё и повидали,
от праздников и до военных бед . . .
И сыты были и недоедали.

В столовку заводскую, в гром ее,
поэзия, неси свое искусство:
здесь нужно откровение твое
не менее, чем мясо и капуста.

Такие совершенства обнаружь,
чтобы под стук подносов и ботинок
желудков жар и жар сердец и душ
вступали ежечасно в поединок.

Покуда правды жаждет род людской,
будь начеку, не допусти промашку,
встань во весь рост в столовке заводской,
поэзия,
с душою нараспашку!

МАЛЯРЫ

Б. Окуджаве

Эй, выходите, маляры,
веселой пестрою гурьбою!
Давайте красить в голубое
сырые, темные дворы.
Давно закрасить вам пора
цвета разрухи и разлуки,

иначе для чего вам в руки
сто птиц веселого пера.
Верните краски красоте —
вы не обманщики, ребята,
ведь те дворы не виноваты
ни в сырости, ни в темноте.
Оденьте мир в мильон одежд,
и пусть лихие ваши кисти
багрянцем оживляют листья
людских увянувших надежд.
И здесь вам не придется лгать!
Дружной работайте, артели,
ведь эти листья не хотели
в разгаре лета увядать.
Вам ни на что запрета нет,
но пусть белила и румяна
не тронут грязно-желтый цвет,
цвет властолюбья и обмана.
Умерьте справедливый пыл,
над этим цветом не колдуйте,
лишь черной краской окантуйте,
чтоб отовсюду виден был!
Следите пристально за ним
и подновляйте ежечасно,
чтоб не прикинулся он красным
или каким-нибудь иным.
Вы не участники игры.
Ваш труд — музыка и поэзия.
Какая славная профессия!
Айда, ребята, в маляры!

ДОБАВКИ К СОВЕТСКОЙ УКРАИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

»Процесс «СВУ» — судебный процесс в деле контрреволюционной буржуазной украинской националистической организации, под названием СВУ (19. 5. 1930 г.)... Организаторами и руководителями СВУ были: украинский буржуазный литературовед С. О. Ефремов (бывший товарищ руководителя контрреволюционной Центральной Рады, бывший руководитель ЦК партии украинских социалистов-федералистов) . . . СВУ поддерживало связи с иностранным Петлюровским Центром через польское и немецкое консульства в Киеве. На открытом судебном процессе СВУ, гражданскими обвинителями выступили... советский украинский писатель О. А. Слисаренко. Все материалы процесса, показания свидетелей полностью доказали контрреволюционную деятельность СВУ. Все обвиняемые признали себя виновными в своих преступлениях против украинского народа«. (Украинская Энциклопедия, том II, стр. 578).

Редакторы Украинской Энциклопедии вероятно не читали доклад товарища Хрущева на 20-м Съезде КПСС. Никита Сергеевич объяснил довольно подробно, как десятки тысяч советских граждан были обязаны признавать себя виновными в приписываемых им преступлениях. Рекомендуем редакторам Энциклопедии изучить более подробно материалы съездов партии, известные всем советским гражданам и, следовательно, впредь не отставать от масс на целых десять лет.

«ЛАНКА» — литературное объединение писателей «правопопутного» характера. Основана в 1924 году писателями, которые вышли из «АСПИС». Основное ядро «Ланки» составляли — Б. Антоненко-Давидович, М. Ивченко, Г. Косынка, В. Подмогильный, Е. Плужник, Т. Осъмачка и проч. Творчество большинства писателей — членов Литературного объединения «Ланки» проникнуто мотивами разочарования и находилось под влиянием буржуазно-националистической идеологии. В конце 20-х годов М. Ивченко и Т. Осъмачка перешли на сторону вражеских классовых сил, а другие члены «Ланки», переборов идейные шатания, постепенно приблизились к передовым литературным течениям». (Том 7, стр. 568).

Два «шатающихся» члена, которые приблизились к передовым литературным течениям, были расстреляны раньше, за несколько лет до тех, которые перешли на сторону вражеских классовых сил. Третий прожил еще два года и только один из них вышел живым из концлагеря.

«ВАПЛИТЕ» — (Свободная (вольная) Академия пролетарской литературы) — Литературная организация Украины, 1925-28 г. . . . фактически, этой организацией, находящейся на буржуазно-националистических позициях, руководил Н. Хвылевой. В политических вопросах «Ваплитяне» ориентировались на «психологическую Европу», другими словами, на европейскую буржуазную литературу. Прикрываясь демагогическими утверждениями поддержки генеральной линии коммунистической партии, Хвылевой и его сторонники в действительности выступали против политики партии, пытаясь оторвать Украину и ее культуру от советской России. В «Ваплите» входили разные по своим мировоззрениям писатели и часть из них не соглашалась со взглядами Хвылевого. За идеологические ошибки общее заседание выбросило в 1928 году из организации Н. Хвылевого, М. Ялового и О. Досвитного. Во главе «Ваплите» стал Н. Кулиш. Но и после этого организация оставалась на своих прежних позициях. Опубликование в журнале «Ваплите» антисоветского романа Хвылевого «Вальдишепы» вызвало осуждение позиций «Ваплите» общественным мнением и это заставило организацию ликвидировать себя . . . В 1930 г. образовалась новая литературная организация «Пролитфронт», в которую вошли главным образом

бывшие члены «Ваплите». Эта организация на словах заявляла о необходимости борьбы со вражеской идеологией украинского буржуазного национализма, но на деле поддерживала линию «Ваплите». В литературном процессе Украины «Ваплите» сыграло крайне отрицательную роль, задержавши творческое развитие некоторых советских писателей, которые перестали временно развиваться под ее влиянием». (Том 2-й, стр. 219).

Так как организация «Ваплите» проводила линию выброшенных руководителей, это служит доказательством, что вся организация была согласна с их линией, и что руководители были выброшены в результате указаний сверху. Ввиду того, что ликвидация первой организации и образование другой организации «Пролитфронт» не привело к ликвидации общей политики писателей, то было решено впредь ликвидировать не организацию, а писателей. Это решение было проведено в действие в 1933 году, когда был арестован Яловый и начались репрессии, в следствие которых застрелился Хвылевый. Затем были репрессированы Досвитный, Кулиш и др.

«ПЛУГ» — Союз украинских советских сельских писателей. Основан в Харькове в 1922 году. В некоторых городах республики эта организация имела свои филиалы. В инициативную группу «Плуга» входили — С. Пилипенко, И. Сенченко, А. Панов, Г. Коляда, И. Шевченко и проч. . . Основываясь на идее тесного объединения революционного крестьянства с пролетариатом, «Плуг» ставил своим заданием воспитать широкие крестьянские массы в духе пролетарской революции, призывая их к активному участию в гражданской жизни. «Плуг» способствовал повышению культурного уровня советского села и к появлению новых литературных сил». (Том II, стр. 262).

Все вышепомянутые поэты и писатели были впоследствии расстреляны или замучены в концлагерях.

«ГАРТ» — Союз пролетарских писателей Украины. Основан в 1923 г. «В основу своей работы объединение «Гарт» ставит Марксистскую идеологию и программные постулаты коммунистической партии», — говорилось в уставе «Гарта». «Гарт объединял самых известных революционно-пролетарских писателей Украины (П. Ты-

чина, В. Сосюра, И. Микитенко, И. Кулик, В. Блакитный и проч.)». (Том 3-й, стр. 138).

Первые два писателя сумели спасти свою шкуру. Вторые два были расстреляны, как враги народа, а В. Блакитный умер в возрасте 31-го года. Он не печатался в Советском Союзе с 1925 по 1958 год.

«АСПАНФУТ» (Ассоциация панфутуристов) — литературное группирование на Украине, 1922-24 г.; позже Комункулът, Новая генерация... В «Аспанфут» входили — М. Семенко, Г. Шкурупий, Ю. Шпол (М. Яловый), О. Слисаренко, О. Влызько и проч.». (Том I, стр. 336).

Все вышеупомянутые поэты были расстреляны в 30-х годах.

«АСПИС» — (Ассоциация писателей) — Киевская литературная группировка (1923-24) писателей-правопопутчиков и буржуазного лагеря. (Сюда входила также литературная группа неоклассиков); точной творческой программы Ассоциация не имела. С переходом В. Подмогильного, Е. Плужника, Б. Антоненка-Давидовича и Г. Косынки в литературную группу «Ланка», Ассоциация «Аспис» перестала существовать». (Том I, стр. 337).

Из всех вышеупомянутых имен только Антоненко-Давидович избежал расстрела. С 1933 г. он не печатался, попал в концлагерь, но был реабилитирован в 1956 г.

«ЗАПАДНАЯ УКРАИНА» — литературная организация, которая существовала на Украине в 1925-33 гг. Объединяла свыше тридцати писателей и художников, происходящих из Западной Украины, которые остались в Советской Украине после первой мировой войны, а также политические эмигранты 20-х—30-х гг. Активными членами организации были — Д. Загул, Н. Ирчан, Д. Бедзик, А. Шмигельский, В. Бобильский, В. Гжицкий, Н. Марфиевич, Л. Дмитерко, Н. Кичура, Ф. Малицкий, Н. Сопилка, М. Козорис, И. Ткачук, В. Гадзинский, Г. Гаско и проч. . . . На основе программы и заданий организации — способствовать подготовке широких народных масс к присоединению к Советской Украине, писатели Западной Украины черпали темы для своих произведений, главным образом, из жизни трудящихся западно-украинских земель». (Том 5, стр. 211).

Больше половины вышеуказанных писателей были впоследствии расстреляны, как шпионы-провокаторы, заброшенные иностранной разведкой в СССР. Другие — как Бедзик и Марфиевич просидели 20 лет в концлагере. И всего лишь один из них — Шмигельский спас свою шкуру, превратившись в хорошего сталиниста.

Вот сообщение ТАСС от 18-го декабря 1934 г., напечатанное в советских газетах:

«С 13 по 15 декабря сего года Выездная Сессия военной коллегии Верховного Суда СССР, под председательством тов. Ульриха В. В., в составе членов коллегии Рычкова Н. М. и Горячева А. Д. рассмотрела дело: Крушельницкого Антона, Крушельницкого Ивана, Крушельницкого Тараса, Сказинского Романа, Лебединца Михаила, Шевченко И. Р., Карабута Анатолия, Сидорова Петра, Скрыпы-Козловского, А. Григория М., Фальковского Дмитрия, Косынки-Стрельца Григория, Оксамита Михаила, Щербинь Александра, Терещенко Ивана, Бурезового Константина, Влизько Олексия, Дмитриева Евгения, Богдановича Адама, Бутузова Порфирия, Пятницы Владимира, Блаченка Якова, Полевого Доминика, Хоптяра Ивана, Борецкого Петра, Лукьянова-Светозарова Лерни, Проценко Г. И., Пилипенко Константина, Магьяша Сергея, Лященко Александра, — по обвинению в организации подготовки террористических актов против работников советской власти. Суд установил, что большинство обвиняемых прибыли в СССР через Польшу, а часть через Румынию имея задание совершать акты террора на территории СССР. На основе постановления ЦИК СССР... Выездная Сессия военной коллегии Верховного Суда СССР приговорила всех вышеупомянутых лиц к расстрелу. Их имущество конфискуется. Приговор исполнен».

В настоящее время признано официально, что из вышеприведенного списка писателей, поэтов и политических деятелей никто и не мечтал о террористических актах. Многие из них приехали в СССР полные энтузиазма для строения социалистического общества. Сообщения, подобные вышеприведенному, появлялись в советской прессе на протяжении многих лет.

Мы воспроизводим на следующих страницах биографические данные советских писателей, которые писали на украинском языке, и делаем несколько дополнений

или предложений в надежде, что наши коллеги из издательства Украинской Советской Энциклопедии примут их во внимание при редактировании 2-го издания этой Энциклопедии.

Мы хотим уточнить, что на нижеследующих страницах идет речь только о писателях, поэтах, литературоведах и критиках, и что из-за отсутствия места в журнале, мы не могли коснуться вопроса украинских режиссеров, артистов, ученых, искусствоведов, композиторов и проч. О том, как их сжигали живыми (Юхименко Иван, режиссер), расстреливали или мучили голодом надеемся написать в будущем, если до тех пор это не будет изображено в советской прессе. Следует отметить также, что мы не упоминаем здесь советских писателей, расстрелянных в 18, 19, 20 или 21 гг. Это объяснялось тем, что — как говорит Украинская Энциклопедия — они оказались в лагере буржуазной контрреволюции. Мы остановимся только на тех писателях и поэтах, которые критиковали перегибы коллективизации 1930-1933 годов, которые не соглашались с культом личности в 1937 году, или которые были совершенно невинными и были расстреляны на основе ложных доносов. Этих последних характеризует замечательно Эренбург: «Все это были такие же люди, как и те что гуляли на воле, вернее всего сказать, что в тюрьме сидели неудачники».

Коммунистическая партия обратила внимание на эти недостатки и вынесла соответствующее постановление: она реабилитировала их имена, выдала несколько посмертных премий, а одному из тех, которые попали в опалу — удалось получить эту премию при жизни. Те, которые остались в живых, после длительного пребывания в концлагерях, получили право на прописку в Киеве. Дважды лауреат Сталинской премии — Борис Ефимов сообщает, что многим из тех, которые вернулись из концлагерей, счастье улыбнулось снова, так как председатели колхозов выделили им квартиры из двух комнат, да еще и с верандой. Теперь, даже самые заядлые враги Советского Союза должны признать, что ни в одной стране мира писатели не имеют тех возможностей, которые щедро предоставляются им в СССР.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

«Мы много сторон и событий нашей жизни, проходивших через душу советского человека — коснулись пока лишь *поверхностно и чаще всего фальшиво*».

(Ольга Берггольц, «Дневные звезды», 1964)

СПИСОК УКРАИНСКИХ

РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

(НЕ ПОЛНЫЙ)

Андриенко Иван, прозаик, выслан в концентрационный лагерь в период культа личности. В Энциклопедии не упоминается. Рекомендуем привести биографические данные в следующем издании.

Антоненко-Давидович, Борис Дмитриевич (литературные псевдонимы: *Богдан Верный*, *Петр Котик*, *Антоненко Б.*) украинский писатель, родившийся 5 августа 1899 года в городе Ромны в рабочей семье. Учился в Харьковском и Киевском университетах. Начал печататься с 1923 года. Был членом литературной организации «Ланка» и «Марс». В некоторых рассказах изображал гражданскую войну и мирное строительство. В книге «Смерть» (1928), «Украинской землей» (1930) находятся элементы неправильного подхода к важным вопросам современности, особенно к национальному вопросу.

Следует добавить: был в ссылке и с 1933 года до 1958 года, не печатался.

Произведения: «Запыленные силуэты», Харьков, 1925; «Тук, тук», Киев, 1926; «Шкаф», Харьков-Киев, 1930; «Паровоз Ч-273», Харьков-Одесса, 1933; «Крылья Артема Летучего», Киев, 1959.

Атаманюк Василий Иванович (1897-1939). На странице 560, 17-го тома приводятся имена писателей, входивших в литературную организацию «Западная Украина». Утверждается также, что эта организация имела важную роль в развитии пролетарской литературы на Западной Украине.

Следует включить биографический очерк поэта погибшего в расцвете сил в период культа личности.

Бачинский Юлиан, 1870—?) публицист. Репрессирован в период культа партии. Работал в редакции Укр. Энци до 1934 года.

Била Крыница Ф., поэт, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Билиловский Цезарь Александрович (20. 2. 1859—1934), поэт. Добавить: умер от голода.

Блаkitный Василий Михайлович (1894-1925), поэт прозаик, сатирик, политический деятель. Выступал с неправильной национальной позицией. В литературной деятельности чувствовалось влияние мелкобуржуазной партии эсэров что привело к печатанию идейно неправильных статей.

Следует объяснить, почему его произведения не печатались до 1958 года.

Бобинский Василий Петрович (11. 3. 1898—2. 1. 1938), поэт и публицист. В 1927 году получил украинскую государственную премию за поэму «Смерть Франка». Был членом литературной организации «Западная Украина». Добавить: умер в концентрационном лагере. С 1938 по 1958 г. его произведения не печатались.

Божко Савва Захарович (1901-27. 4. 1947), писатель и журналист. Закончил Коммунистический университет имени Артема в 1923 году. Принадлежал к литературной организации «Плуг». Добавить: был репрессирован в период культа личности и с 1936 года не печатался.

Борзяк Димитрий, писатель. Арестованный в начале 1930-х годов. Покончил самоубийством в тюрьме, перерезав себе вены куском стекла. В Энциклопедии совершенно не упоминается.

Бузько Д. И., писатель. На странице 611 в томе 17-м говорится: «Сценарии писали украинские писатели Г. Д. Епик, С. М. Лазури, Д. И. Бузько, О. Ф. Досвитный, М. Б. Бажан... русские писатели В. В. Маяковский и Е. Бабель, а также режиссеры В. И. Пудовкин...»

В Энциклопедии нигде не даются данные относительно писателя Д. И. Бузько, репрессированного в период культа личности. Следует дать биографические данные.

Буревый Кость, прозаик, драматург, пародист. Расстрелян в 1934 году. В Энциклопедии не упоминается.

Бэн Степан (Бендюженко), (1900—?) поэт, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Ванченко Петр, писатель, выслан на каторгу в период культа личности. Дать биографические данные.

Влызько Алексей Федорович (17. 2. 1908-16. 12. 1934), поэт. Входил в литературную организацию «Молодежь». Первая книга стихов «Скажу за всех» (1927 г.) была премирована на конкурсе 10-летия Октября. В сборниках «Живу, работаю», и «Книга баллад» (1930) замечаются формалистические влияния украинских футуристов, с которыми поэт был связан в конце 20-х годов. В следующих годах Влызько написал ряд произведений, посвященных В. И. Ленину и темам социалистического строительства.

Просим редакцию Украинской Энциклопедии объяснить, почему же этот поэт был расстрелян наследниками Ленина.

Вороний Марк (М. Антиох), (1904—?) поэт, сын поэта Н. Вороного. Репрессирован в период культа личности. Совершенно не упоминается в Энциклопедии.

Вороний Николай Кондратович (1871-1942), поэт. Работал также журналистом и режиссером. Его сборник «Лирические поэзии» (1912) и особенно «За Украину» (1921) отличались буржуазно-националистическими и декадентскими мотивами. В 1920-25 гг. Вороний был в эмиграции. В 1926 году возвратился на родину. Поэтические произведения Вороного отличаются разнообразием жанров и форм и совершенством стиха. Вороний известен также, как переводчик с русской, французской, немецкой и польской литератур. Ему принадлежит украинский перевод «Интернационала», «Варшавянки» и «Марсельезы».

К этим сведениям, напечатанным в Украинской Советской Энциклопедии, следует добавить, что в 30-х годах Вороного выслали в лагерь, как врага народа и с 1929 по 1959 года он совершенно не печатался на своей родине.

Вражливый Василий Яковлевич (литературный псевдоним — Штанька) (1903-1938), писатель. Родился на Полтавщине в семье крестьянина. Учился в Харькове. Начал печататься с 1924 года. Был членом литературной организации «Плуг» и «Ваплите». Писал о социалистическом строительстве на Украине, а также о новой советской интеллигенции. Ему принадлежит рассказ «Отец» (1929) и роман «Дело сердца» (1933).

Произведения: »В аврале«, Харьков, 1924; »Земля«, Харьков, 1925; »Жизнь белого дома«, 1927; »Молодость«, 1929; и »Победа«, 1932. К этим сведениям, напечатанным в Энциклопедии, следует добавить, что молодой писатель был выслан в Сибирь для красного строительства, но не в состоянии одержать победу над условиями каторги, попал в землю в возрасте 35 лет.

Вухналь Юхим (Ковтун Иван Димитриевич) (1906-1937). На странице 559 тома 17, Энциклопедии Вухналь упоминается с другими тремя писателями, как представитель сатирико-юмористической литературы 20-х годов.

Следует добавить, что за свой юмор Вухналь поплатился каторгой и жизнью.

Гаско Мечислав Эдмундович, родился 27. 1. 1907 года в Луцке на Волыни. Поэт. Еще с раннего возраста стал подпольным работником коммунистической партии. Был преследован польскими властями и сидел в тюрьме. В 1925 году приехал в Советскую Украину. Учился в Одессе и Харькове. Начал печататься с 1926 года. В сборниках *»По обеих сторонах границы«* (1929); *»Шлю вам свой привет«* (1931) и других воспекает новую советскую жизнь и дружбу народов.

К этому нужно добавить, что ни преследования и ни тюрьма не кончились для Гаско с его приездом на Советскую Украину. В 30-х годах он был выслан в ссылку и возвратился оттуда только в 1956 году. С 1931 по 1958 год не печатался.

Гедзь Юхим, писатель юморист. В Энциклопедии не упоминается. Репрессирован в период культа личности.

Гжицкий Владимир Зенонович, родился 15. 10. 1895 г. в Тарнопольской области. Писатель. Во время первой мировой войны был солдатом австрийской армии. В 1919 году приехал в Харьков. В 1929 году написал роман *»Черное озеро«* о социалистических преобразованиях в Алтайском крае. В романе *»Захар Вовгура«* (1932) изображается жизнь шахтеров Донбасса во время первой пятилетки. Писал также пьесы для детей и проч. В 1959 году написал первую книгу трилогии *»В широкий свет«* о жизни Галиции перед первой мировой войной.

К этим сведениям, напечатанным в Энциклопедии, следует добавить что писатель приехал в Советскую Украину с намерением строить коммунизм. Сталину коммунизм Гжицкого не пришелся по вкусу и Гжицкому

предложили путешествовать по России в направлении Сибири, где он просидел в Коми АССР до 1956 года. Выйдя из лагеря Гжицкий решил, что исторические сюжеты являются менее опасными, чем сюжеты социалистического строительства, которые могут привести к лишению свободы.

Голоскевич Григорий (1884—?). Литературовед. В Энциклопедии не упоминается. Повесился в сталинской тюрьме, в Тобольске.

Горбань Константин, критик. В Энциклопедии не упоминается. Репрессирован в сталинское время.

Горбань Николай, историк и писатель (1899—?). В Энциклопедии не упоминается. Репрессирован в сталинское время. На ссылке в Казахстане.

Гордиенко Дмитрий Прокофьевич (1901-1942), писатель. Родился на Полтавщине. С детства работал в батраках и чернорабочим на сахарных заводах. Участник гражданской войны. Начал печататься в 1923 году. Автор рассказов и репортажей о коллективизации и индустриализации страны, а также автор романа о Донбассе «Тинда» (1930).

К этим сведениям, напечатанным в Энциклопедии, следует добавить что с 1933 года Гордиенко не печатался, так как был выслан на каторгу. Реабилитирован в 1956 г.

Грудина Дмитрий, (1898—?) критик. В Энциклопедии не упоминается. Арестован в 1931 г.

Десняк (Василенко) Василий (1897—?) критик марксист, редактор журнала «Критика». Репрессирован в 30-х годах. Привести биографические данные.

Дикий Антон, поэт репрессирован в период Ежовщины. Дать биографические данные.

Добровольский Спиридон, писатель, репрессирован за свой патриотизм. Дать биографические данные.

Досвитный Алексей (Александр Федорович Скрипаль, 8. 11. 1891-23. 7. 1934) писатель, член ВКПб с 1919 года. Родился в Харьковской области. За революционную агитацию в царской армии был приговорен к смерти, но убежал за-границу. Жил в Америке, Италии и Японии. В 1918 году вернулся на Украину. В 1919-22 гг. работал партийным журналистом. Начал заниматься литературой с 1920 года. Автор рассказов о Китае, Америке, подпольной деятельности в Польше и проч. В романе

«Кварцит» (1932), в рассказах «Жебрачка» и «На плавнях» (1929) изобразил советскую действительность. Был членом ВАПЛИТЕ и в произведениях, как «Нас было трое» и проч. чувствуется влияние национальной позиции этой литературной организации.

К вышеприведенным сведениям из Украинской Энциклопедии следует добавить, что этот писатель, который сумел вырваться из рук царской полиции, не мог удрать из советского концентрационного лагеря и погиб от рук той власти, установлению которой он сам активно содействовал.

Драй-Хмара Михаил Опанасович (10.10.1889-19.1.1939), поэт и литературовед. Родился в Полтавской губернии, закончил Киевский университет (1913), был научным сотрудником Академии Наук УССР. Принадлежал к литературной группе «неоклассиков».

К этим и другим сведениям Энциклопедии следует добавить, что Драй-Хмара был профессором Каменец-Подольского университета и сотрудничал в Харьковском журнале «Красный Путь» и в «Литературной Ярмарке» Хвильевого. Начал печататься с 1919 года. В начале деятельности примыкал к символистам. Драй-Хмара прославился сонетом «Лебеди», в котором в аллегорической форме описывает судьбу украинских советских поэтов-неоклассиков. Этот сонет послужил причиной преследования Драй-Хмары, и никакие объяснения о том, что это — подражание Малармэ, не помогли. Поэт был арестован в 1935 году и послан в Колымские концлагеря, где умер от голода, как это видно из его писем, посланных жене: «Я очень, очень похудел. Запасы жира, которые когда-то были у меня на животе и на груди, пропали совершенно. Грудь — это только шкура да кости: все ребра выходят внаружу. Жилы рук и ног распухли, как у старых людей. Больше всего болят у меня руки, так как руками приходится работать больше всего, и руки эти стали у меня такими слабыми, как у ребенка» (16 Апрель, 1938).

«Я не могу тебе писать: если не отдохну, то падаю на работе, и тогда меня подвешивают на веревках... Ноги опухли» (20. 8. 1938).

Кроме оригинальных поэзий, Драй-Хмара занимался переводами. В 1930 году подготовил антологию французской поэзии на украинском языке, для которой

сделал переводы Метерлинка и Малармэ. Антология пропала в архивах НКВД.

Дубровский Виктор, (1876—?), литературовед. Автор словарей. Арестован в 1929 г. Погиб в концлагере.

Дукин Николай Владимирович (1905-1943), писатель, родился в Харьковской области. После окончания педагогических курсов, учительствовал в Харькове. Начал печататься с 1924 года. Принадлежал к литературной организации «Плуг». Автор нескольких сборников рассказов из жизни советского села. Писал также для детей («Артель Артемова», 1929; «Юхим Бурлай», 1934).

Произведения: «Ильичевка в авангарде», 1931; «Весна начинается в декабре», 1932; «На вершине», 1936.

Нужно добавить, что писатель не печатался с 1936 года, что советская власть дала ему возможность узнать не только жизнь советского села, но и жизнь лагерей.

Епик Григорий Данилович (17. 1. 1901-28. 1. 1942), писатель, родился в Днепропетровской области в семье рабочего. В молодости работал на железной дороге, участвовал в борьбе за установление советской власти на Украине. Учился в институте Красной Профессуры. Принадлежал к литературной организации «Плуг», «Ваплите». Редактировал журнал «Молодой Большевик» (1925). «Ваплите» повлияла отрицательно на некоторые из его произведений («Нэпия», «В осени»). Литературную деятельность начал, как поэт (сборник поэзий «Красная Кобза» 1923), ранние рассказы и повести полные революционной романтики. Выступал также как драматург. В романе «Первая весна» (1931) изображена классовая борьба в селе во время коллективизации. Роман «Петро Ромен» посвящен жизни рабочего класса (1932).

Следует добавить что в 1934 г. был послан в красный концлагерь, где смог проверить на практике свою теорию о классовой борьбе.

Ефремов Сергей, (1876—?), литературовед, академик, арестован в 1929 г. Следует дать литературные и биографические данные.

Загоруйко Филипп, писатель, репрессирован в сталинское время. Следует включить в следующее издание Энциклопедии.

Загул Дмитрий Юрьевич (1890-1938), поэт. Родился в Северной Буковине. Учился в Черновицком университете. В годы первой мировой войны перешел на сторону

советской власти и работал в Киеве. Первый сборник поэзии «У зеленых гор» (1918). Сборник «На грани» (1919) характеризуется абстрактностью образов, элементами мистики и символизма. В книгах «Наш день» (1924), «Мотивы» (1927) Загул выступил, как певец советской действительности. Принадлежал к литературным организациям Западная Украина, ВУСПП. Известный как критик и литературовед. Написал книгу «Поэтика» (1923), «Литература или литературищина» (1926). Переводил много с западно-европейской литературы, особенно произведения Шиллера, Гете и Гейне.

Следует добавить, что Загул происходил из семьи бедного крестьянина и остался сиротой с раннего детства. С 1915 года жил в Киеве и занимался активной деятельностью в литературной сфере: входил в группу «Мусaget», сотрудничал в «Мистецтви» (Искусстве) и проч.

Начал печататься с 1906 года в «Новой Буковине». Подписывался также именами И. Майдан, Б. Тиверец, Г. Юрас, М. Сучасный и проч. Арестован в 1935 г. Умер в концлагере.

Зеров Николай Константинович (26.4.1890-13.10.1941), литературовед, профессор, поэт и переводчик. Родился на Полтавщине в семье учителя. Закончил Киевский университет (1912). Литературную деятельность начал в 1914 г. Принадлежал к литературной группе «неоклассиков». Напечатал «Новая украинская поэзия» (1921), «Сказка в украинской литературе» (1931), и проч. Поэзия Зерова посвящается темам древности, украинской истории. Зеров переводил из латинской, французской, польской и других литератур.

В следующем издании Энциклопедии нужно упомянуть хотя бы самое главное произведение Зерова, а именно — «Соннетариум», над которым Зеров работал 15 лет. Этот сборник содержит 85 оригинальных сонетов и 28 переведенных из Петрарки, Эредия и Ронсара. С 1926 года не печатался. Был арестован в 1935 г. и выслан на Соловки.

Иванов Павел, писатель, репрессирован в 1930 годах. Дать биографические и литературные сведения.

Изюмов Овсий, (1898—?), литературовед, автор словарей, репрессирован в сталинское время. Дать соответствующие сведения.

Ирчан Мирослав (литературный псевдоним Андрея Дмитриевича Бабьюка, 1897-1937), писатель, родился в Коломыйском районе в семье бедного крестьянина. Закончил Львовскую учительскую семинарию (1914). В первой мировой войне был в националистических частях, так называемых «сечевых стрелцах». В начале 20 года перешел на сторону Красной Армии и боролся в ее рядах против польской шляхты и петлюровцев. В этом же году вступил в члены коммунистической партии. С 1922 года жил в Праге, где продолжал учиться в университете, принимал активную деятельность в работе пролетарских организаций Чехословакии. В 1923 году по запросу Рабоче-фермерского Товарищества выехал в Канаду. Там начал активную издательскую деятельность: редактировал журнал «Работница», был секретарем заокеанского филмала «Гарт», одним из руководителей одного из Товариществ украинских рабоче-фермеров. В 1929 году возвратился в советскую Украину. В Харькове был руководителем писательской организации «Западная Украина» и главным редактором журнала «Западная Украина».

Ирчан — автор произведений разных по жанру рассказов, повестей, пьес и проч. Первая книга «Смех Нирваны» (1918), хотя написана в символистической форме, вышла как ответ писателя на ужасы империалистической войны. Сборник рассказов «Фильмы революции» (1923) проникнут сильной верой в победу пролетариата. «Трагедия Первого Мая» (1923) и «В бурьянах» (1925) — это художественно-мемуарная летопись действительности. Он описал революционную борьбу трудящихся Галиции за их социальное и национальное освобождение (пьеса «Подземная Галиция» 1926), разоблачала суть империалистических войн, буржуазную власть и особенно «американский способ жизни» (пьесы «Семья щеточников» 1925, «Радий» 1928, повесть «Карпатская ночь» 1927).

Деятельность Ирчана, которая развивалась под знаком революционной идейности, борьбы за социалистический реализм, является ценным наследием украинской советской литературы.

К вышеприведенным сведениям следует добавить только, что партия оценила его деятельность и реабилитировала его имя в 1956 году. Его родственники торжественно получили бумагу о реабилитации писателя расстрелянного в 1937 г. и перестали преследоваться.

Йогансен Михаил (Майк) Гервасиевич (литературный псевдоним В. Вецелиус, М. Крамар, 1895-1937) — писатель, родился в Харькове в семье учителя. Закончил Харьковский университет. Был членом литературной организации ГАРТ и ВАПЛИТЕ. Первый сборник вышел в 1921 г. В Стихотворении «Революция» (1923), в сборнике «Пролог до коммуны» (1924) и проч. показал себя воспевателем советской власти. С 1925 года печатался также в прозе. В некоторых поэтических произведениях Йогансена чувствуется влияние импрессионизма, а в прозе — формалистические искания. Йогансену принадлежат также работы по лингвистике и теории литературы. К этим сведениям украинской Энциклопедии нужно добавить, что Йогансен был одним из самых активных поэтов литературного Ренессанса 20-х годов.

Он был один из приятелей Хвылевого и писал в таком стиле, что его понимали только высокообразованные люди. Его соратник А. Лейтес вспоминал Йогансена таким образом: «Йогансен — это типичный ювелир звукосочетания, талантливый геолог словарных недр, филолог поэзии». Он может служить учителем современным формалистам, как например, Вознесенский.

Заячий вечер. Снег.
Ах, белая стелется ночь
И прыгает, как усталый синий китаец
Из-за сосуллек
Звериных ног,
Из-за забытых
Детских книг.
Знакомый является
Заяц
За ярами, за елями, за ячмень,
Замаячит
Заячья тень.

(В украинском тексте еще больше слов начинаются на букву »З«, как например, . . . »зъявляется« вместо »является«; »з поза сосонок«, вместо »из-за сосуллек« и проч.). Одно его стихотворение начинается таким образом:

Эй,
Пацаны всех стран объединяйтесь,
Утрите ваши носы и носы отцов . . .

Йогансен был арестован во время Ежовщины. Ходят слухи, что после пыток поэт сошел с ума и был расстрелян, так как не был способен к работе в Сибирском лесу.

Казка Аркадий, (1890-1933), поэт, покончил самоубийством в одесской тюрьме НКВД. Включить в следующее издание.

Каляник Иван Тимофеевич (настоящее имя *Калянников*, 20. 3. 1911-10. 4. 1939), поэт. Родился в Брянской области в семье служащего. Учился в Харьковском Техникуме. Начался печататься с 1922 года. В сборниках «Высокий путь», 1932; «Поэзии» 1933 и проч. выступает, как певец социалистического строительства на Украине. В сборнике «Западные повести» (1934), «Гордость» (1936) описывает советский Таджикистан.

Нужно добавить, что Каляник был репрессирован и погиб в неволе, в возрасте всего лишь 28 лет.

Капельгородский Филипп Иосифович (14. 11. 1882—21. 11. 1942), писатель. Родился в Сумской области. Учился в Полтавской Духовной Семинарии, откуда был исключен в 1902 году за участие в революционных кружках и революционных действиях. После освобождения из тюрьмы работал (1909-1910) в газете «Терек», где сотрудничал с С. М. Кировым. Литературную деятельность начал с 1902 года. Автор многих фельетонов и сатирических стихов. В сборниках «Эй, не удивляйтесь» (Дивуйте?), «Раздайся море» (1927) и в других рассказах выступает против врагов колхозного движения. В романе «Шургай» изобразил героизм трудящихся Кубани в гражданской войне. Ему принадлежит также пьеса «Чаривна сопилка» (Чудесная свирель).

Нужно добавить, что Капельгородский был репрессирован в 1937 г. и в советской печати его произведения не появлялись до 1961 года.

Капустянский Иван, литературовед. Репрессирован в период культа личности. С 1934 г. в ссылке. Следует включить в следующее издание Энциклопедии.

Касьяненко Евгений, переводчик и журналист. Репрессирован в Сталинское время. Следует включить в следующее издание Энциклопедии.

Кирилленко Иван Ульянович (1902-1942), писатель. Член ВКПб с 1927 года. Родился в Днепропетровской области в семье рабочего. Закончил Харьковский инсти-

тут Красной Профессуры (1928). Литературную деятельность начал с 1923 года. В первом сборнике стихов «Такты» (1927) изобразил романтическую жизнь и борьбу сельских комсомольцев. Тема рассказов «Сергей Коваль» (1927), «Над ямой» (1928) и незаконченного романа «Ровесники» — гражданская война на Украине. В книгу «С фронта металла» (1931), кроме стихов, вошли также рассказы о Днепропетровском металлургическом заводе, где работал сам автор. На этом же материале написан и роман «Перешифтовка» (1932). Написал также несколько повестей «Курсы» (1927), «Кучерявые дни» (1928) и пр. о советской молодежи и классовой борьбе в селе. Лучшая из них — это «Аванпосты» (1933); роман «Весна» (1936) — продолжение «Аванпостов».

Следует добавить к этим сведениям Энциклопедии, что Кирилленко был арестован на основе ложных доносов и послан в концлагерь. Был реабилитирован посмертно, в 1960 году.

Кичура Милетий, поэт, погибший в ссылке. Еще не реабилитирован.

Коваленко Борис Львович (25. 11. 1903-24. 8. 1938) — литературовед и критик, член коммунистической партии с 1927 года. Родился в Черниговской области в семье железнодорожника. Кончил Киевский Институт Народного Образования, 1925. Был аспирантом Института Марксизма-Ленинизма (1926-1930). Руководил кафедрой украинской литературы в Киевском университете (1935-1936), начал выступать в прессе с 1923 года. Первая книга статей «В борьбе за пролетарскую литературу» (1928). В статьях защищал принципы партийности и народности, а также метод социалистического реализма в советской литературе. Отдельные методологические ошибки Коваленко связаны с неправильными указаниями руководителей РАПП в ОАПП.

Следует добавить, что этот критик погиб также в тюрьме.

Ковальчук Яков, писатель. Еще не реабилитирован. Следует включить в Энциклопедию.

Козорис Михаил (1882—?), писатель. Член Союза писателей «Западная Украина». Репрессирован в период культа личности.

Колесник Петр Иосифович, родился в 1905 году. Член Союза писателей «Новая Генерация». Упоминается в

17-м томе, как литературовед способствующий развитию франковедения (о Иване Франко), а также на странице 564, как человек способствующий успешному развитию историко-биографического жанра. Репрессирован в 1936 году, реабилитирован в 1956 г. Следует включить биографические данные в следующее издание Энциклопедии.

Коляда Григорий (1904—?), поэт. Репрессирован в период культа личности. Жил в ссылке в Узбекистане. Не брат ли композитора Николая Коляды, погибшего в 1935 году в концлагере. Дать сведения в следующем издании Энциклопедии.

Коряк Владимир Дмитриевич (14. 1. 1889-12. 4. 1939), критик и историк литературы. Родился в Донецкой области в семье служащего. За участие в революционном движении был заслан в 1915 году в Тургайскую область, где пробыл до революции. Впервые выступил со статьями в 1909 году. После 1917 года работал в Харькове в органах Народного Просвещения и в Государственном издательстве Украины, а также преподавал украинскую литературу в высших учебных заведениях Харькова (1925-1936) и в коммунистическом университете имени Артема. Коряк принадлежал к организации ГАРТ и ВУСПП. Автор работ по истории украинской классической и советской литературы (Тарас Шевченко, 1919; История Украинской Литературы, 1929; Организация Октябрьской Литературы, 1925). В работах Коряка проявлялись идеи вульгарного социализма. Коряк — член ВКПб с 1920 г.

Следует добавить, что был репрессирован в 1937 г. как «националист, троцкист и враг народа».

Косынка Григорий Михайлович (Литературный псевдоним Стрилца) (17. 11. 1899-17. 12. 1934). Писатель, родился в Киевской области в семье крестьянина-бедняка. С детства батрачил, а позже работал на сахарном заводе. В 1914 году переехал в Киев. Начал печататься с 1919 года (рассказы «На бураки»). В некоторых рассказах Косынки замечается влияние буржуазно-националистической идеологии. Основная тематика произведений связана с жизнью крестьянского села, особенно в после-революционные годы («На золотых богов», 1922; «За воротами», 1924; «Мать», 1925; «Политика», 1926; «Сговор», 1930; «Сердце», 1933; «Гармония», 1933 и проч.). Повести Косынки — лирико-импрессионистического характера. Принадлежал к литературной группе «Ланка».

Следует добавить, что писатель был расстрелян, как враг народа.

Коцюба Гордей Максимович (15. 1. 1892-22. 3. 1939), писатель, родился в Харьковской области в семье крестьянина-бедняка. Закончил Петроградский университет (1917). Начал печататься с 1919 г. Автор романов — «Новые берега», 1933; «Плодородие», 1934; «Перед грозой», 1938 и нескольких книг рассказов, которые вышли в период с 1924 по 1933 гг. («Праздник в буднях», «Заговор масок», «Облава шахты», «Путем борьбы» и проч.). Основная тематика — социалистическое строительство в период первых пятилеток, трудовые подвиги шахтеров, строительство Днепротреста, жизнь села, а также исторические темы (Революционное действие на рудниках Криворожжся и проч.).

Следует добавить, что по существующим сведениям, Коцюба был арестован во время «ежовщины» и, предполагается — расстрелян в концлагере. Был реабилитирован посмертно в 1956 году.

Крымский Агафангел Ефимович (15. 1. 1871-25.1.1942), известный украинский советский ученый филолог восточных языков, писатель, академик УССР с 1919 года. Заслуженный деятель науки УССР с 1940 года. Родился в Волынской области в семье учителя. В 1889 году закончил Коллегию Павла Галагана в Киеве. В 1892 году закончил Лазаревский институт восточных языков. В 1896 году закончил Историко-филологический факультет Московского университета. В 1896-98 был в Научном Отделе в Ливане, в Сирии. В 1898-1918 преподавал в Лазаревском институте Восточных языков (с 1900 г. профессор). В это время написал чрезвычайно важные работы по семитологии, истории Ислама, истории и литературе арабов, персов и турок, а также исследования по «Хамасу», Абана Лахики, Павла Халевского и проч. Крымский — автор многих учебных пособий арабского языка, а также больше 500 статей по ориенталистике в русских энциклопедиях. Проводил большую работу по изучению украинского фольклора, а также новой украинской литературы. Печатал в Галицкой прессе о культурной жизни в России, а в русской прессе — о галицких вопросах. Крымский — это автор украинской грамматики (2 тома, 1907-1908) и многих научных статей, как например, «Древне-киевский говор», 1906; «Программа для

собирания особенностей малоросских говоров», 1910 и проч. Всего напечатал более 1000 научных работ. Он был сотрудником и другом Ивана Франка, М. Коцюбинского, Леси Украинки. Крымский горячо принял социалистическую революцию. С 1918 г. жил в Киеве, был одним из организаторов Академии Наук Украинской ССР и до 1928 г. был ее секретарем. Его серьезная работа «История новой арабской литературы» осталась в рукописной форме.

Нужно добавить, что эта рукопись не печаталась еще в Советском Союзе и что Крымский был снят со своей работы в Академии. Его перестали совершенно печатать. Крымский был выброшен и остался без работы. Жил в невероятно трудных условиях до конца 1930-х годов, когда советское правительство поняло, что это единственный ориенталист Советского Союза. Ему сразу же дали все почести снова и наградили Орденом Трудового Красного Знамени. Это, однако, продолжалось недолго и в 1941 году, после вспышки войны, за ним приехали агенты НКВД для того, чтобы отвезти его в более «надежное» место. Через несколько месяцев он погиб в этом «надежном» месте.

Крушельницкий Антон Владиславович (4. 8. 1878 — 13. 11. 1941), украинский писатель, критик, журналист. Родился в Галиции. Учился в Львовском университете. Учителем в городах и селах Галиции. Был министром просвещения в Петлюровском правительстве. В 1919 г. эмигрировал в Австрию. В 1920 г. выступал со статьями, в которых критиковал предательскую политику украинских буржуазных националистов и отзывался положительно о новом социалистическом строе («Писатель в социалистическом строе», 1920). В 1925 г. Крушельницкий возвратился на Западную Украину. Выдавал в Львове журнал «Нови шляхи» (Новые пути) и «Критика». В 1899 г. выпустил первый сборник рассказов «Пролетарий». Крушельницкий писал романы, рассказы, новеллы, драматические произведения, литературно-критические и публицистические статьи, переводы. В своем творчестве он прошел путь от буржуазного либерализма к демократизму. В его наилучших произведениях (сборник рассказов «Пролетарии», роман «Рубят лес» и проч.), Крушельницкий нарисовал положение трудящихся Западной Украины, критиковал москвофилов и украин-

ских буржуазных националистов, показав борьбу трудящихся за соединение в единую советскую семью.

Следует добавить, что Антон Крушельницкий не печатался в советской прессе с 1920 по 1960 г. Приехал с сыновьями в СССР в 1934 г. где вскоре был арестован и послан в концлагерь, где и погиб. Его оба сына — Иван и Тарас были расстреляны в 1934 году.

Крушельницкий Иван Антонович (1905-1934), писатель, критик, график и музыковед. Сын А. В. Крушельницкого. Родился в Станиславской области, учился в Венском и Пражском университетах. С 1929 г. работал в журнале «Нови шляхи» (Новые пути). С 1922 г. — научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук УССР в Харькове. Первое литературное произведение — сборник «Весенние песни», 1924 г., «Юный покой» и поэма «Радости жизни», 1929 г. В сборниках «Бури и окна», 1930, «Железная корова», 1932 и в цикле поэм «Война», 1932 Крушельницкий разоблачал подлинные намерения международного империализма развязать вторую мировую войну. Крушельницкий написал ряд драматических поэм, в которых показал ужасы первой империалистической войны, а также о роли галицкой националистической буржуазии. Крушельницкий автор литературно-критических и искусствоведческих работ.

Следует добавить, что был расстрелян в 1934 г. вместе с Косынской, Буревым, и многими другими.

Кулик Иван Юлианович (литературный псевдоним Р. Ролинато, Василь Роленко; 21. 1. 1897-14. 10. 1941), писатель, партийный и гражданский деятель, член коммунистической партии с 1914 года. Родился в Черкасской области в семье учителя. Провел детство в Умани. В 1911 году вступил в Одесское Художественное училище. В 1914 г. выехал в Америку. Принимал участие в деятельности социал-демократической партии С.Ш.А. В 1917 году возвратился на Украину. Кулик — участник великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Во время Киевского октябрьского восстания, был членом Военного Ревкома. В 1917 году был избран членом Главного комитета социалдемократии Украины, а позже — членом Центрального комитета советской Украины. Принимал участие в установлении советской власти в Кременчуге, Умани, работал в Укра-

инском отделе Наркомата в Москве, с 1919 г. член Коллегии Наркомата иностранных дел. С 1919 г. активный сотрудник коммунистического подполья Западной Украины и Польши, в 1920 г. — член Галицкого Ревкома, участник боев с белополяками. В 1923 г. вступил в организацию пролетарских писателей ГАРТ. В 1924-26 гг. работал советским консулом в Канаде, после возвращения на родину был членом ВУСПП, работал на партийных и советских должностях. В 1934 г. был руководителем Союза украинских писателей. В 1937 г. был избран членом ЦК КП(б) Украины.

Литературную деятельность Кулик начал рано в 1911 году в газете «Провинциальный Голос» (Умань), где напечатал свои первые русские стихи. Первые украинские стихи были напечатаны в 1918 г. Основные темы работы Кулика советского периода, это — тема «Родины», а также «Партии, как руководителя народа». В 1921 г. выпустил сборник стихов состоящий из двух разделов «Под ярмом» и «Красная Галиция». В 1923 г. выпустил два сборника стихов («Зеленое море» и «Выздоровление»). Одно из самых лучших произведений Кулика — это поэма «Черная эпопея» (1928-29), в которой описывается жизнь негров в С.Ш.А. В поэме «Карачай» (1927-30) выражены идеи интернационализма, дружбы народов. Перу Кулика принадлежат также работы «Записки консула», «Четырнадцатая трубка». Он был также и переводчиком, в его переводах (1928) вышла «Антология американской поэзии».

Нужно добавить, что после того, как был избран членом ЦК КП(б) Украины Кулик был послан в концлагерь, где и погиб через несколько лет. Был реабилитирован посмертно в 1957 году.

Кулиш Николай Гурьевич (6. 12. 1892-1942), писатель, член ВКПб с 1919 г. Родился в Херсонской области в семье крестьянина-бедняка, учился в гимназии. Участвовал на фронтах первой мировой войны (1915-1917 гг.). Возвратившись с армии работал в Олешках в Ревкоме, с 1922 г. был инспектором Губнарпросвещения Одессы. С 1925 г. жил в Харькове. Первые стихи Кулиша были опубликованы в 1917 г. в армейской газете. Его лучшие стихи опубликованы в форме драматической трилогии о советском селе, в период 1919-30 г. пьесы «Девяносто семь» (1924-29), «Коммуна в степях» (1924-31), «Прощай

село» (1930-33). В этих произведениях Кулиш изобразил борьбу сельской бедноты за советскую власть, борьбу против кулаков, организацию колхозного строя, религиозные пережитки и проч. Пьесы проникнуты пафосом советского патриотизма и социалистического гуманизма, в них проявляется идейно эстетическая сила творчества драматурга. В комедии «Так пропал Гусак» (1925-33) писатель высмеивал мещан запуганных революцией, Кулиш принадлежал к ВАПЛИТЕ. В отдельных его произведениях чувствуется влияние буржуазно-националистической идеологии, поверхность мировоззрения автора («Народный Малахий», «Мина Мазайло» и проч.).

Следует добавить, что этот писатель-драматург, вовсе не запуганный революцией перестал печататься в советской прессе в 1933 году. В 1934 г. он был арестован и выслан в концлагерь, где вскоре и погиб. Однако, всезаботящаяся партия реабилитировала его славное имя, и начиная с 1958 года он снова печатается в советской прессе с некоторыми «переработками».

Лакиза Иван, критик, репрессирован в период культа личности. Дать биографические сведения в следующем издании Энциклопедии.

Лебединец Михаил, писатель, расстрелян в 1934 году. Дать биографические данные.

Лебедь Ананий, литературовед, расстрелян в 30-х годах. Рекомендуем реабилитировать и привести биографические данные.

Лебедь Максим, поэт, репрессирован в сталинское время. Рекомендуем реабилитировать.

Лисовый Петр (1892-1943), писатель. (Настоящая фамилия Свашенко), печатался в «Литературной Ярмарке»; репрессирован в 30-х годах. Рекомендуем реабилитировать и привести биографические данные.

Лизановский Иван, публицист, редактор трудов Ивана Франко, ликвидирован в 1934 г. Рекомендуем реабилитировать и дать биографические данные.

Луцкий Остап (1883-1941), упоминается в 17-м томе, на странице 458, как представитель буржуазной критики и литературоведения, а на странице 556, как украинский поэт-декадент. Ввиду того, что московское издательство опубликовало некоторых русских поэтов-декадентов, считаем, что и Сов. Укр. Энцикл. пора опубликовать своих украинских «декадентов» и привести биографи-

ческие данные в Энциклопедии, упоминая, между прочим что Луцкий был арестован в 1939 г. и погиб в концлагере в Котласе.

Любченко Николай (Кость Котко, 1896-1934?), прозаик юморист, репрессирован в период культа личности. Рекомендуем реабилитировать и привести биографические данные.

Майфет Григорий, литературовед, упоминается в 17-м томе, на странице 458, как один из виднейших исследователей, который попытался якобы теоретически обобщить отдельные явления литературного процесса. Его произведения — говорит Украинская Сов. Энциклопедия — отличаются влияниями вульгарной социологии и формализма. Родился в 1903 году. Арестован в 1934 и был в ссылке.

Матяш Сергей, критик, расстрелян в 1934 году. Еще не реабилитирован. Следует дать биографические данные.

Микитенко Иван Кондратович (1897-1937), писатель-публицист, член ВКП(б) с 1925 года. Родился в Херсонской губернии. Учился в Херсоне в Военно-фельдшерском училище, и в 1914 году пошел на фронт. После революции 1917 года, принимал участие в работе революционных полковых комитетов. Демобилизовался в 1918 г. и работал в селах Херсонщины фельдшером, а также на культурно-просветительном фронте. Тогда же начал писать стихи и пьесы-агитки для кружков самодеятельности. С 1922 года, поступивши в Одесский медицинский институт, включился активно в литературную жизнь города, выступал в местной прессе со стихами, рассказами, повестями, фельетонами, а также литературно-критическими и публицистскими статьями на злободневные темы. Был руководителем Одесского филиала литературной организации «Гарт». В 1926 году переехал в Харьков (здесь закончил Медицинский институт в 1927 году) и стал одним из руководителей ВУСПП и ВОАПП. С 1932 до 1934 года член организационного бюро Союза украинских писателей и Союза писателей СССР. Член президиума 1-го Всесоюзного съезда писателей в 1934 году, секретарь Украинского Союза писателей в 1934-37 гг. Микитенко — участник международных анти-фашистских конгрессов защиты культуры (1935-1937), член Международного бюро борьбы против

фашизма, был членом Центрального Исполнительного комитета Украины с 1931 года. В ранних произведениях изобразил героичность сельской бедноты во время гражданской войны; показал социалистические преобразования в советском селе. В рассказе «Уркаганы» и в романе «Утро» (1933) изобразил судьбу беспризорных.

Основным жанром творчества Микитенко была драма.

Украинская Энциклопедия продолжает описывать его пьесы на пол страницы. Приводим последнее предложение из этого описания: «Последняя пьеса писателя — «Как всходило солнце» (1937) посвящается 20-й годовщине Октябрьской революции».

В этом же году автор этой пьесы был расстрелян, как враг народа. После 1957 года в СССР вышло много книг, посвященных Микитенко. Этим партия доказала еще раз, что она не забывает своих верных сынов.

Миронец Иван, критик (1900-1937?), репрессирован в период культа личности. Следует реабилитировать и привести биографические данные.

Михайлюк Андрей Семенович (12. 10. 1912-23. 10. 1937), писатель, родился в Киевской области в семье бедного крестьянина. Начал писать в студенческие годы. Учился в Киевском Электротехникуме. Издал сборник — стихи (1932) проникнут пафосом героических будней первой пятилетки. В следующих сборниках «Конец Идиллии» (1933) и «Солнечный день» (1936) Михайлюк нарисовал правдиво картины социалистического строительства на Украине и подвиги ее героев-труженников.

Солнечные дни идиллии кончились для Михайлюка в сталинской тюрьме, где был расстрелян с другими идеалистами.

Могиланская Лада, поэтесса, расстреляна в период культа личности. Дать биографические данные.

Музычка Андрей Васильевич родился в 1886 году. Упоминается на 458 странице 17-го тома, как украинский классик. Однако, в 9-м томе, где следовало бы ожидать статью о нем, не упоминается ни слова. Это один из немногих классиков, оставшихся в живых после длительного стажа в сталинских концлагерях.

Недоля Иван, драматург, репрессирован в период культа личности. Дать биографические сведения.

Никовский А. В. (1885-1942) погиб в концлагере. Упоминается в 17-м томе, как писатель враждебно настроен-

ный к советской власти. Член Союза Освобождения Украины. Следует дать в следующем издании биографические данные.

Новицкий Михаил Михайлович (1892-1964), литературовед, упоминается в 17-м томе на странице 458. Прошел школу сталинских концлагерей. С 30-х гг. в советской литературе не печатается. Следует реабилитировать.

Орловна Галина, писательница, репрессирована в период культа личности. В Энциклопедии не упоминается. Следует дать биографические данные.

Охрименко Вадим Иванович (23. 3. 1900-21. 11. 1940), писатель, член ВКП(б) с 1937 года. Родился в Киеве, начал печататься с 1924 года. С 1925 г. корреспондент газеты «Комсомольская Правда», с 1938 г. — газеты «Правды». Первое важное произведение — повесть «Цибала» (1928). Охрименко писал повести, рассказы, киносценарии о героичных жертвованиях советской родине. О людях и новостройке Украины. («Город энтузиастов», 1930; «Рассказы о Щорсе», 1934; «Каштаны», 1936; «На байдаках», 1937). Произведения Охрименко проникнуты юмором, тонким чувством красоты природы.

К этим указаниям Украинской Энциклопедии следует добавить, что Охрименко застрелился. Его произведения не печатались с 1937 по 1956 года. Один из переводов Охрименко («Золотой дождь») был напечатан в 1941 году.

Панив Андрей Степанович (30. 9. 1899-3. 11. 1942), поэт и писатель. Родился в Сумской области в семье волостного писаря. Закончил Харьковский институт народного образования в 1925 г., учительствовал и работал затем журналистом. Принадлежал к литературной организации «Плуг». Литературную деятельность начал с 1921 года. Автор рассказов «Село», 1925, двух книг стихов — «Вечерние тени» 1927, «Без границ» 1933. Панив пел о Советской Украине, о трудовых подвигах людей и о социалистическом преобразовании украинского села. К этим сведениям энциклопедии следует добавить, что погиб в концлагере.

Панченко Михаил, сценарист, репрессирован во время Ежовщины. Дать биографические данные.

Пилипенко Сергей Владимирович (22. 7. 1891-3. 3. 1943), писатель, журналист, член ВКП(б) с 1919 года. Родился в Киеве, учился в Киевском университете. Участник гражданской войны. Литературную деятельность начал с 1917 года. В начале 20-х годов редактировал газеты

«Коммунист», «Вести», «Селянська Правда» («Крестьянская Правда») и проч. Пилипенко — один из основателей литературной организации «Плуг». Опубликовал сборник сказок «Сказочница» 1922, «Сказки» 1927, «Свиньи на дубе» 1932, направлены против буржуазного мира, против пережитков прошлого у советских людей. Активный участник дискуссий в украинской литературе 20-х годов.

Следует добавить, что Пилипенко погиб в концлагере. В советской прессе не печатается с 30-х годов.

Пивненко Константин, критик, расстрелян в 1934 году. Дать биографические данные.

Поддубный Григорий (очеркист), репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Подмогильный Валерьян Петрович (2.2.1901-19.12.1941), писатель, родился в Днепропетровской области в семье крестьянина. Учился в Киевском институте народного образования (с 1921 года). Учителем, работал в издательстве «Книгосоюз». Начал печататься с 1919 года. Принадлежал к литературной организации «Ланка», а затем «Марс». В рассказе «Остан Шаптала» (1922), изобразил гражданскую войну, а также взаимоотношения города и села. В романе «Город» (1927), выразил непонимание НЭП-а и противопоставил село городу. Он перевел также произведения Дидро, Бальзака, Мопассана, Франса и проч.

Следует добавить, что погиб в концлагере.

Пионтек Люциана, поэтесса, репрессирована в период культа личности. Дать биографические данные.

Плевако Николай Антонович (9. 12. 1890-11. 4. 1941), литературовед и библиограф. Родился в Харьковской области, закончил Харьковский университет в 1916 году. Работал преподавателем украинской литературы в ВУЗ'ах Харькова и Киева. С 1926 года руководитель Кабинета библиографии Института Тараса Шевченко Академии Наук УССР (Харьков). Автор многих работ о Тарасе Шевченко, а также о Квитке-Основьяненко, М. Шашкевиче, Б. Гринченко и проч. Главный редактор двухтомной «Хрестоматии новой украинской литературы» (1923-26), где были помещены биографии семидесяти пяти писателей с точной библиографией.

Следует добавить, что погиб в концлагере.

Плужник Евгений Павлович (26. 12. 1898-2. 2. 1936), писатель. Родился в Воронежской области в семье крестьянина. Учился в Киевском зоотехническом инсти-

туте, преподавал на Полтавщине. Начал печататься с 1924 года. Принадлежал к литературной организации «Ланка». Первый сборник стихов «Дни» (1926), второй «Ранняя осень» (1927). Проявил себя как талантливый лирик. Воспевал социалистическую революцию («Усталые лошади», «Я знаю»). Ряд стихов были посвящены Ленину («Он», «Ленину»). Многие его произведения характеризуются грустью, трагическими явлениями гражданской войны и непониманием НЭПа. Писал также в прозе, и пьесы.

Следует добавить, что умер на Соловках.

Полищук Валерьян Львович (литературный псевдоним — Микита Волокита, Сонцвит Василь и проч. 1. 10. 1897-17. 3. 1942), писатель, родился в Ровенской области в семье крестьянина. Принадлежал к литературной организации «Гарт». С 1928 года возглавлял писательскую организацию «Авангард». В своих работах воспевал социалистическую революцию и духовный мир советских людей. (Сборник «Жмут красного», 1924; «Последняя война», 1927 и проч.).

Следует добавить, что умер в концлагере. В Советском Союзе не печатался с 20-х годов до 1960 г.

Полищук Клим, поэт, писатель, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Правдюк Алексей, критик, репрессирован в период культа личности. Дать биографические сведения.

Проценко Гавриил, критик, расстрелян в период культа личности. Дать биографические данные.

Пущенко Федор, литературовед, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Ричицкий Андрей (1882-1937), упоминается на странице 458 17-го тома, как автор работы о Шевченко. Не указано, почему был расстрелян. Дать биографические данные в следующем издании Энциклопедии.

Савченко Яков Григорьевич (1890-1937), поэт и критик, родился в Полтавской области в семье крестьянина. Учился в Киевском университете, учительствовал на Сумщине. В 20-х годах работал в прессе, принадлежал к литературной организации ВУСПП. Начал печататься с 1913 года. Ранние поэтические произведения характеризуются влиянием символизма. Первый сборник «Стихи» 1918, второй — «Земля» 1921. Отдельные стихи Савченко были опубликованы в Альманахе Мусажет. В не-

которых стихах воспевал советскую действительность («Ленин», «Нас миллион миллионов» и проч.). Савченко — автор литературно-критических работ, особенно произведений В. Сосюры, Д. Загула и других писателей.

Следует добавить, что Савченко был расстрелян за следующие символистические стихи (перевод дословный):

»Вверху каркает красный ворон,
Каркает на кровь. На бурю. На беду . . .
Красный ворон чует кровь«.

Савченко был реабилитирован и его стихи появились снова в украинской прессе в 1959 году.

Вышеприведенные строки служат ярким примером, как совершенно невинные стихотворения могут превращаться в оружие за свободу мысли, если в нем находить символ.

Этим то и объясняется ненависть сталинских прислужников к символистам. Следует отметить, что все хорошие современные советские поэты, как Евтушенко, Вознесенский, Окуджава и проч. пишут часто чисто символистические стихотворения (У Вознесенского пара туфелек — символ любви, у Окуджавы голубой шарик — возвратившаяся надежда, у Евтушенко маленькие рыбки — советская молодежь).

Савченко Юрий, литературовед, репрессирован в период культа личности. Дать биографические сведения.

Седлецкий Людвиг (Сава Крылач), писатель. Покончил самоубийством с женой Верой. Дать биографические данные.

Семенко Михаил Васильевич (31. 12. 1892-24. 10. 1937), поэт. Родился в Полтавской области. Учился в Петербургском психоневрологическом институте. Литературную деятельность начал в 1913 году. В сборнике стихов «Кверо-футуризм» (1914) и в других литературно-критических и художественных произведениях 20-х годов выступал как представитель украинского футуризма. Один из организаторов и участников литературных групп Аспанфут, Комункулът, Новая Генерация. Творчество Семенко было противоречивым. В 1919 году Семенко пишет поэмы «Товарищ Солнце, Весна, Степь», в которых приветствует социалистическую революцию. Стихотворение «Манифест» пелось красноармейцами, как революционная песня. Однако, реалистическим тенденциям произведений Семенко вредили — отрыв от жизни на-

рода, формалистический подход (сборники «Кобзарь», 1924), декадентство. Со временем, Семенко самокритически оценил свои формалистические тенденции в литературе, (стихотворение «Начинаю рядовым» 1932).

Добавить отрывок из стилистического эксперимента Семенко, стихотворения «Автопортрет»:

»Семенко енко нко михаил
Семенко мих михайлсе менко
О семенко михаил!
О михаил семенко!«

(Перевела с укр. Патриция Ширинкина)

Семенко никогда не проявлял себя националистом. Однако, он был расстрелян за национализм.

Серый Гаврош, поэт, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Слисаренко Алексей Андреевич (28. 3. 1891-3. 11. 1937), писатель, родившийся в Харьковской области в семье сельского ремесленника. Закончил Харьковскую сельскохозяйственную школу (1912). Начал печататься с 1911 года. Стихотворения Слисаренко «На берегу Кастальскому» (1918), и «Поэмы» (1923) характеризуются влиянием символизма и футуризма. Первый сборник рассказов «Плантации» (1925), а также «Сотни тысяч сил» (1925) и другие подлежат тому же влиянию. Слисаренко изобразил правдиво разные эпизоды первой мировой и гражданской войны, классовую борьбу на Украине в 20-х годах. Ему принадлежат также рассказы «Бунт» (1928), «Забастовка» (1932), романы «Черный ангел» (1929), «Хлебная река» (1932) и проч.

Следует добавить, что был расстрелян, как враг народа. Его произведения не печатались в советской прессе с 1933 года.

Синявский Алексей Наумович (5. 10. 1887-24. 10. 1937), литературовед, родился в Запорожской области. Профессор Харьковского института народного образования (1920-28), руководитель Диалектологической Комиссии Академии Наук УССР (с 1928 года), заведующий Отделом Диалектологии Института языковедения Академии Наук УССР (с 1930 г.). Одновременно преподавал украинское языковедение в Киевском университете и в Педагогическом институте (1932-37). Автор школьных учебников украинского языка и многочисленных научных работ в области украинской диалектологии, фонетики, грамма-

тики, орфографии и истории литературного языка («Диалектологический справочник», 1924; «Опыты звуковой характеристики литературного украинского языка», 1929; «Элементы языка Шевченко, их происхождение и значение», 1931»; «Нормы украинского литературного языка», 1932 и проч.).

Следует добавить, что был расстрелян в тот же день, как и Семенко.

Сказинский Роман, писатель, расстрелян в 1934 году. Дать биографические данные.

Скрыпник Николай Алексеевич (25. 1. 1872-7. 7. 1933). О его важности можно судить потому, что Украинская Энциклопедия посвящает Константину Симонову четверть страницы, а Скрыпнику целую страницу. Украинская Энциклопедия называет его государственным и партийным деятелем Украинской ССР. Мы остановимся только на его культурно-просветительной работе с несколькими краткими упоминаниями его политической деятельности. Данные эти взяты из Украинской Энциклопедии.

Смерчевский С. лингвист, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Соколовский Александр Александрович (1896-29.8.1938), писатель, родился в Конотопе, Сумской области в семье мелкого служащего. В 1915 году вступил в Киевский университет, в том же году был присужден к шести годам каторги за распространение листовок против империалистической войны. После Октября принимал активное участие в гражданской работе, сотрудничал в Музее Революции в Киеве. Литературную деятельность начал в 1920 году. В романах «Герои» (1928-32), «Присужденные к смерти» (1933) и в повести «Бунтари» (1934) писатель изобразил деятельность революционной организации «Народная Воля». Соколовскому принадлежит исторический роман «Богун» (1931), а также поэмы в стихах. Следует добавить, что Соколовский был ликвидирован сталинским режимом, но партия восстановила его имя в сердцах трудящихся. Начиная с 1959 года его книги снова печатаются на Украине.

Сорока Александр, поэт, ликвидирован в 1941 году. Дать биографические данные.

Был арестован в 1901 году, затем в 1902 году и выслан на пять лет в Якутию, но убежал по дороге в ссылку. В 1904 году был снова арестован, но сумел опять убежать. В 1905 году Скрыпник был снова арестован и выслан на пять лет в Туруханский край. Сумел убежать оттуда в 1907 году. Все это время работал подпольно. Был редактором профессионального журнала, делегатом разных легальных съездов кооперативов. Вскоре был снова арестован и выслан в Якутию, откуда убежал опять в 1913 году. В конце 1913 года редактировал большевицкий легальный орган — журнал «Вопросы страхования». Был также редактором газеты «Правда». Был снова арестован и выслан на пять лет в Тамбовскую губернию. Возвратился в 1917 году и работал в Центральном Совете фабрично-заводских комитетов, принимал активное участие в Октябрьской революции. Был членом Петроградского военно-революционного комитета. В 1917 году был назначен народным секретарем труда, а в 1918 году был назначен главой советского правительства Украины. Член ЦК КП(б)У с 1918 года. Проводил политическую работу в Красной армии. Был народным комиссаром Внутренних Дел УССР, народным комиссаром Юстиции и генеральным прокурором УССР. В 1927-33 — народный комиссар Просвещения УССР. С 33 года — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров УССР и руководитель Госплана УССР.

Перу Скрыпника принадлежат приблизительно 270 работ, посвященных разным вопросам науки и культуры, особенно истории партии, литературы, искусства, питания и проч. Был членом Академии СССР, Академии Наук УССР и Академии Наук Белорусской ССР. Зарекомендовал себя как пылкий публицист.

Цитируем из Энциклопедии:

«В 1933 году Скрипник под влиянием культа личности Сталина был необоснованно обвинен в национализме. Глубоко обиженный несправедливостью в минуту душевного падения покончил самоубийством».

Сегодня имя Скрипника звучит гордо в рядах партии.

Старицкая-Черняховская Людмила (1863-1941), упоминается в 18-м томе на странице 554, как помощница своего отца, известного украинского писателя умершего в 1904 году, а также как автор многих реалистических рассказов и пьес. Ее исторические драмы («Гетман До-

рошенко», «Иван Мазепа») «пропитаны националистическими тенденциями».

Если Старицкая автор многих реалистических пьес и рассказов на украинском языке, то неужели нельзя дать биографические данные об этой писательнице? Следует добавить также, что она была расстреляна и до настоящего времени не была еще реабилитирована.

Степовый Тодось (Диденко), драматург, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Тась Дмитрий (Могилянский), писатель, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Ткачук Иван Васильевич (25. 9. 1891-19. 10. 1948), писатель и журналист. Родился в Ивано-Франковской области в семье крестьянина. Учился в Коломыйской гимназии. В годы гражданской войны принимал участие в походе Красной армии на Западную Украину. Был редактором советских газет и журналов. Принадлежал к литературной организации «Западная Украина». Ткачук — автор сборника рассказов «Помста» (Месть), 1927; «Над Збручем», 1931; «За Кавказскими хребтами», 1932; «На украденной земле», 1933. В рассказе «Мать» (1948) и других рассказах показал социалистические преобразования в Западной части Украины.

Нужно добавить, что Ткачук провел много лет в сталинских концлагерях.

Тенета Борис, писатель. Повесился в тюрьме. Дать биографические данные.

Терещенко Иван, критик. Расстрелян в 1934 году. Дать биографические данные.

Тулуб Зинаида Павловна, родилась 28. 11. 1890 в Киеве. Писательница. Закончила Киевские Высшие Курсы для женщин в 1913 году и начала печататься с 1910 года. Писала в прозе и стихами. Тулуб — автор большого двухтомного романа «Людоловы» (1934-37) о жизни Украины в первой четверти 17 столетия в годы гетмана П. Сагайдачного. Роман «За бортом» (1962) посвящается жизни Т. Г. Шевченко в изгнании. Зинаиде Тулуб принадлежит ряд пьес, киносценариев, переводы с иностранных языков и проч.

К этим сведениям Энциклопедии следует добавить, что Зинаида Тулуб была выслана в концлагерь при совхозе «Эльген» на Колыме в 1937 году и возвратилась оттуда только в 1956 году. Партия реабилитировала ее имя и с 1957 года она снова печатается.

Фальковский Дмитрий Никанорович (3. 11. 1888-17. 12. 1934), поэт. Родился в Брестской области в семье рабочего кирпичного завода. Учился в Брест-Литовской гимназии. В 1920 году вступил в Красную армию. В 1920-23 гг. работал в Чрезвычайной Комиссии Белоруссии. Начал печататься систематически в 1924 году. Фальковский — автор поэмы «Чабан» (1925), сборника стихов «Горизонты» (1927), «На пожарище» (1928), «Полесье» (1931). В наилучших стихотворениях воспевал социалистическую революцию, природу родного края. Отдельные лирические стихотворения Фальковского характеризуются упадочническими мотивами.

Добавить: Фальковский был расстрелян как враг народа.

Филипович Павел Петрович (20. 9. 1891-3. 11. 1937), поэт, литературовед и профессор. Родился в Черкасской области, закончил Киевский университет. В 20-х годах принадлежал к неоклассикам и это сказалось на его творчестве (сборник стихов «Земля и ветер», 1922; «Простор», 1925). Работал над вопросами русско-украинских литературных связей («Шевченко и Декабристы», 1926; «Пушкин в украинской литературе», 1927 и проч.). Исследовал произведения И. Франка, Леси Украинки, Ольги Кобылянской и вопросы литературоведения.

Следует добавить, что Филипович был расстрелян, как буржуазный писатель.

Филянский Николай Григорьевич (19.12.1873-12.1.1938), поэт. Родился в Полтавской области в семье священника. Закончил Московский университет. По специальности — геолог и архитектор. После 1917 года руководил сельскохозяйственной школой на Полтавщине, работал в музеях Харькова и Запорожья. Сборник стихов «Лирика» (1906); «Календарium» (1911) характеризуется декадентскими и религиозными мотивами. В советское время Филянский сумел победить декадентские влияния и выступил с книгой «Целую землю» (1928), проникнутую философией жизнеутверждения. Опубликовал ряд работ по геологии, строительству и городскому питанию.

Следует добавить, что Филянский жил также в до-революционное время в Париже, а затем работал на заводах Урала. Был одним из виднейших украинских модернистов 20-х годов.

Филянский был арестован в 1937 году в возрасте 64-х лет и умер в тюрьме через несколько месяцев.

Хвылевый Николай Г. (1893-1933) упоминается три раза в советской Энциклопедии в 17 томе, но никаких биографических данных и вообще никаких сведений о нем не дается. На странице 140 упоминается, как националист, враг советского строя. На 187 упоминается опять, как националист, враг народов СССР и особенно русского народа. На странице 559 упоминается, как руководитель группы литераторов борющихся против принципов партийности, народности и реализма, под влиянием национализма. В следующем издании следует дать биографические данные этого великого украинского поэта, памфлетиста и писателя, который застрелился в 1933 году, не выдержав преследований.

Хвыля Андрей А. (1898-1938) упоминается в 18 томе на странице 458, как автор работ о Шевченке.

Следует дать биографические данные, указав что этот писатель, критик и публицист был расстрелян как враг народа. Пора реабилитировать.

Хоткевич Игнат Мартынович (литературный псевдоним *Игнат Галайда*: 31. 12. 1877-8. 10. 1938), писатель, артист и искусствовед. Родился в Харькове в семье повара. Закончил Харьковский технологический институт (1900), работал инженером на железной дороге. В 1895 организовал крестьянский театр, а в 1901 — первый украинский рабочий театр в Харькове. С 1896 года выступал на концертах, как бандурист. Принимал участие в революции 1905-1907 гг., а после ее неудачи эмигрировал в Галицию. Был организатором Гуцульского Театра. В 1912 году вернулся в Надднепровскую Украину и преследовался царской властью. После Октябрьской революции работал педагогом. В 1928 году сформировал капеллу бандуристов в Полтаве, а с 1934 года руководил классом бандуры в Харьковском музыкально-драматическом институте.

Первый рассказ Хоткевича «Грузинка» напечатан в 1897 году, ранние рассказы характеризуются влиянием модернизма (сборник «Стихи в прозе» 1902). Позднейшие работы — реалистичные. Более удачные — описание жизни гуцулов, лирико-романтический рассказ из жизни Гуцульщины «Каменная душа» (1911). В некоторых произведениях на исторические темы, написанных до 1917 года, (Драматическая тетралогия «Богдан Хмельницкий», роман «Берестечко») чувствуется влияние буржуазной историографии. Хоткевич — автор пьесы о революции 1905-1907 гг., драматических картин «На железной до-

роге» (1906) и «Село в 1905 году» (1929). Ему принадлежат научные исследования о Сковороде, Шевченко, Федьковиче, Кобылянской; учебники для бандуры; ряд исследований о украинской музыке, театр и проч. Хоткевич написал романсы на слова Шевченко, Франка, Украинки, Федьковича, Щёголева. Делал также переводы на украинский язык.

Следует добавить, что попал в категорию врагов народа и погиб в тюрьме.

Христюк Павел, публицист. Репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Чепурной Дмитрий, поэт. Репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Черняховская Вероника, поэтесса. Сошла с ума в концлагере. Дать биографические данные.

Чечвянский Василий Михайлович (настоящее имя — Губенко, 11. 3. 1888-26. 10. 1938), писатель сатирик. Брат Остапа Вишни. Родился в хуторе Чечве на Полтавщине в семье крестьянина. Закончил фельдшерскую Военную Школу. Служил в царской армии до 1917 года. В годы гражданской войны был в рядах Красной армии. Начал печататься с 1924 года. Был одним из основателей и активных деятелей журнала «Красный Перец». Сатира и юмор Чечвянского тесно связаны с жизнью страны во время строительства социализма и характеризуются политической остротой.

Следует добавить, что этот юмор пришелся не по вкусу Сталину и жизнь Чечвянского кончилась трагически в сталинской тюрьме. Чечвянский не печатался с 1930 года и до 1959 г., когда он был снова реабилитирован и из его книг «Цари природы», «Эх, товарищи», «Между прочим» было выбрано несколько рассказов.

Чигирик Виталий Елисеевич (4. 5. 1908-12. 1. 1941), писатель. Родился в Черкасской области. С малых лет был батраком. Во время советской власти учился на Курсах рабочих корреспондентов, работал журналистом. Принадлежал к литературной организации ВУСПП. Автор рассказов из жизни рабочих (рассказ «Про хорошую девушку» 1934 и проч.). Рассказ «Не умирайте дедушка» (1935) о людях колхозного села. В книге «Девушки» (1935) и в других произведениях изобразил трудовой

героизм советских женщин. Последний роман «Май» выпущен в 1937 году.

Следует добавить, что погиб в концлагере. Как всегда заботливая партия реабилитировала его славное имя.

Чупрынка Грыцько Абрамович (1879-1921). Вспоминается в 17 томе на странице 556 Энциклопедии, как поэт декадент, и на странице 112, как представитель мелкобуржуазной идеологии.

Следует дать биографические данные и указать, что был расстрелян.

Шаблювский Евгений Степанович (родился 25. 2. 1908), литературовед, член-корреспондент Академии Наук УССР (с 1934 г.). Родился в Волынской области в семье учителя. Кончил Киевский институт народного образования в 1930 г. и Киевский медицинский институт в 1932 г. В 1933-35 был директором Института Тараса Шевченко. Начал печататься с 1928 года. Автор многих монографий о Т. Шевченко, о его связях с русскими революционерами-демократами, а также автор работ по вопросам теории литературы, литературоведения и национальной специфики украинской литературы. Ему принадлежит ряд научных исследований о Лесе Украинке, В. Стефаннике, Б. Гринченко, русских писателях 19-го столетия М. Горького, польского поэта С. Р. Станде и проч. Ленинская премия присуждена в 1964 году.

Следует добавить, что Ленинская премия была присуждена Шаблювскому приблизительно через восемь лет после его возвращения из ссылки. Шаблювский не печатался в советской прессе с 1934 и до 1958 года. Это один из немногих советских писателей, который выдержал 20 лет концлагеря и затем получил Ленинскую премию. Он получил квартиру из двух комнат и кухни и право жительство в Киеве. Может ли он после этого упрекать в чемнибудь партию? Что касается литературной деятельности, то Шаблювский предпочитает неопасные темы. С 1958 и до 1964 года он выпустил не менее семи книг посвященных вопросам Шевченко.

Шаля Иван, лингвист. Репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Шевченко Иван Иванович (литературный псевдоним — Иван Драгунча). Родился 21. 9. 1902. Поэт и журналист. Родился в Кировоградской области в семье рабочего.

Учился в Кременчугском железнодорожном техникуме. В годы гражданской войны принимал участие в революционном подполье. Был на комсомольской работе редактором газеты «Молодое село», «Червоный юнак». Принадлежал к литературной организации «Молодняк». Начал печататься с 1920 года. Автор одной из первых украинских поэм, посвященных Днепрострою «Пороги» (1923), популярной песни («Двенадцать косарей» 1924), сборника стихов «Комсомольское» (1925), повести «Яшко» (1925). Во второй половине 20-х годов опубликовал цикл «Морских стихов». Шевченко принадлежат много литературных краеведческих материалов, циклов стихов про строителей Кременчугской ГЭС.

Следует добавить, что Шевченко не печатался в советской прессе с 1925 года. Вместе с другими писателями он попал в сталинский концлагерь. Соответственно Украинской Энциклопедии, Шевченко находится в живых, однако, в Энциклопедии не упоминается ни одно произведение Шевченко, которое было бы напечатано после 30-х годов, т.е. после того, как Шевченко достиг 25-тилетнего возраста. Считаем, что редакция Украинской Энциклопедии должна разъяснить этот вопрос в следующем издании.

Шевченко Роман, литературовед. Расстрелян в 1934 году. Следует реабилитировать.

Шкурупий Гео (Юрий) Данилович (20.4.1903-25.11.1937), писатель, родился в Бендерах, в Бессарабии, в семье железнодорожника. Учился в Киеве. Один из организаторов литературной организации «Аспанфут», «Коммукульт», «Новая генерация». Автор сборника стихов «Психетозы» (1922), «Барабан» (1923), «Угольки слов» (1925), «Для друзей поэтов современников вечности» (1929), поэмы — «Зима 1930 г.» (1933) навеянных футуристическими влияниями. В произведениях в прозе обращался, главным образом, к теме гражданской войны (сборник рассказов «Победитель дракона» (1925), «Январское восстание» (1928); романы — «Двери в день» (1929), «Мис Андриена» (1934).

К этим сведениям Энциклопедии следует добавить, что в поэме «Зима 1930 года» показывается борьба украинских крестьян против насильственной коллективизации. В 50-х годах такая тема считалась даже офи-

циально допущенной. Доказательство — печатание романа Стаднюка «Люди не ангелы». В 1935 году, однако, Шкурупий заплатил своей жизнью за эту поэму. В поэме высмеиваются недалекие ораторы, которые стали руководителями колхозов. Шкурупий был расстрелян в 1937 году.

Штангей Владимир, писатель, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Шульга-Шульженко Михаил, поэт, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Щепотьев В., литературовед, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные и включить в следующее издание Энциклопедии.

Щупак Самуил Борисович (1895-1942), упоминается в 17-м томе на странице 458, как *писатель, который производил исследования для теоретического обобщения отдельных явлений литературного процесса. Его произведения, как и других писателей той же группы, характеризуются влиянием вульгарной социологии и формализма.* Следует добавить, что Щупак погиб в концлагере и еще не реабилитирован.

Юринец Владимир, публицист. Репрессирован в период культа личности. Еще не реабилитирован. Дать биографические данные.

Яковенко Григорий, писатель, репрессирован в период культа личности. Дать биографические данные.

Якубовский Феликс Болеславович (1902-1937), *литературовед, критик. Родился в Киеве в семье юриста. Учился в Киеве, работал в Киевском филиале научно-исследовательского института Тараса Шевченко. Входил в литературную организацию «Октябрь», а затем в ВУСПП. Автор книг по истории украинской литературы («Силуэты современных украинских писателей», 1928; «От новеллы к роману», 1929; «Степан Васильченко», 1930; «За правильные изображения», 1931).* Автор статей и обзоров советской литературы.

К этим сведениям Энциклопедии следует добавить, что погиб в тюрьме.

Яловый Михаил Николаевич (Юлиан Шпол, 1895-1937). Вспоминается только в 17-ом томе на странице 611, как сценарист 20-х годов вместе с Шкурупием, Фальковским, Эпиком, которые были впоследствии ликвидированы. Пора реабилитировать также Ялового и установить имена его палачей.

Ярошенко Владимир Мусьевич (литературный псевдоним — Воляр, 1898-13. 7. 1937). Писатель, родился в Полтавской области в семье учителя. Учился в Киеве в Коммерческом институте. Участник гражданской войны. С 1923 года на редакторской работе. Принадлежал к так называемым, запоздалым символистам, а затем к литературной организации «Марс». Писал также на русском языке. Ярошенко написал много стихов и сборник рассказов, в которых изображаются успехи советского села. Ему принадлежат также литературные произведения в прозе «Грбовище», 1928; сборник рассказов, криминальная хроника, 1927, отрывки романа «За уголь, за нефть, за металл», сценарий «Земля» и проч. Его пьеса «Шпана» ставилась в театре «Березиль», 1922-23.

К этим сведениям Энциклопедии следует добавить, что Ярошенко был арестован в 1935 году, ликвидирован в 1937 году, но зато полностью реабилитирован в 1957 г. В 1959 г. в Киеве были напечатаны его стихи.

ЖЕРТВЫ КУЛЬТА ЛИЧНОСТЕЙ

В 1966 г.

КАРАВАНСКИЙ СВЯТОСЛАВ, укр. поэт, журналист. В 1944 послан в концлагерь. В 1965 снова арестован. В 1966 выслан в Мордовский концлагерь.

ИВАЩЕНКО, журналист в Луцке, приговорен к 2 годам тюрьмы.

ХРЫН БОГДАН, укр. критик, приговорен к 4-годам тюрьмы.

МАСЮТКО МИХАИЛ, критик, пенсионер приговорен в Львове к 6 годам тюрьмы.

ОСАДЧИЙ, лектор Львовского университета — 4 года тюрьмы.

ОЗЕРНЫЙ МИХАИЛ, критик. Приговорен в Ивано-Франковске к 4-м годам тюрьмы.

ШЕВЧУК АНАТОЛИЙ, укр. писатель, приговорен в Житомире к 4-м годам тюрьмы.

А. СИНЯВСКИЙ, рус. критик, писатель, приговорен в Москве к 7 годам лишения свободы.

ДАНИЕЛЬ ЮЛИЙ, переводчик, писатель, приговорен в Москве к 5 годам лишения свободы.

И ТАК ДАЛЬШЕ И Т. П.

»Народ, ты видишь, как судят твоих друзей!
Народ заступись за твоего трибуна!
Смерть кровожадным собакам!«

Илья Эренбург

ЗВЕРСКОЕ НАКАЗАНИЕ

Наказания появились сейчас же, как только человеческое общество смогло организовать. Тираны и председатели республик, палачи и секретари компартий пытались найти самое страшное наказание. Французы высылали каторжан в Новую Гвинею, англичане в Австралию, римский император выслал Овидия в Томис на Черном море, а Аржака и Синявского выслали вероятно в Сибирь.

Самое страшное наказание было придумано после первой мировой войны латышским правительством.

Когда правительству удалось арестовать одного из руководящих деятелей революции 1905 в Латвии, критика и публициста Вилиса Дерманиса, оно без всякой жалости, поступая совершенно по варварски, выслало Дерманиса в СССР. Там Дерманис был сначала использован в целях пропаганды, а затем безцеремонно ликвидирован в 1938 г.

Дерманис был реабилитирован посмертно.

* * *

Одна нога в стремянах.
Снега. Метель. Зима.
Изрубленные плечи,
Но где же голова?

А конь стоит и дремлет:
— Куда-ж ему, куда? —
Вошли до боли в землю
Копыта скакуна.

Взглянул назад он оком:
— Скорей бы он в седло!
И снова быстрой рысью
Коня уж понесло.

Идет, идет снегами,
На юг, на запад, на восток, —
За ним лишь кровь местами,
За ним лишь красный лед.

Идет, идет и станет,
На месяц дико ржет:
Неуж то он не встанет,
Неуж то не сойдет?

Одна нога в стремянах,
Снега. Метель. Зима.
Изрубленные плечи,
Но где же голова?

Вчера он пил с друзьями
Мечтал ли что конец?
Сегодня ж под снегами, —
Лежит уже мертвец.

(Перевод с украинского)

* * *

И вновь обгорелыми спичками
На серых стенах серые дни отмечаю,
И без конца топчу тюремный камень
И горя напиваюсь вдоволь.

Напившись, запрягаю я коней,
И догоняю молодые годы,
Лечу в далекие азорные просторы
Где расцветала юность удалая.

— Вернитесь — умоляю, — хоть на час!
— Не вернемся — раздалось глухо с далека.
Я на калиновом заплакал мостике . . .
Но вновь увидел вокруг глухие стены,

Кусочек неба распятый на решетке,
И недреманное око в дверном глазке . . .
Увы, увы, на вороных больше мне не гнаться:
Я в каменном, я в каменном мешке.

1937

(Дословный перевод с украинского)

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

В глазах партийных литературоведов, вина князя революционера П. А. Кропоткина состоит в том что он »как идеолог коммунистич. анархизма, отрицал диктатуру пролетариата, полагая, что всякая власть вырождается в произвол и насилие«.

В СССР диктатура пролетариата просуществовала несколько десятков лет и во все это время о произволе и насилии никто и не слышал.

Е. А. Тарануга

В. СИМОНЕНКО

СИМОНЕНКО НЕ ИЗДАЮТ В МОСКВЕ

»В середине октября довелось мне выступать в Одессе перед аудиторией, состоявшей из представителей нескольких союзных республик. Среди записок, полученных мною, несколько было о Василии Симоненко, очень интересном украинском поэте, умершем несколько лет назад.

Симоненко был удивительно человечным в выражении чувств. По настоящему политичен в своей лирике (не снижаясь при этом до кокетливой злободневности). Это — хороший поэт. Популярный поэт. Поэт!

На вечере в Одессе я говорил о том, что Василия Симоненко не издавали пока в Москве . . .«

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ

»Литературная Газета« 29 октября 1966 г.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Василий Симоненко родился в 1935 году в селе Биевцах на Полтавщине. В 1952 году закончил сельскую среднюю школу и в том же году поступил на факультет Журналистики Киевского университета, который закончил в 1957 году. Работал затем в газетах «Черкасская Правда» и «Молодежь Черкасчины». Перед смертью занимал должность корреспондента Центральной Украинской «Рабочей Газеты».

Произведения Симоненко не были собраны до сих пор в один сборник. Он печатался в центральной и провинциальной прессе Украины. В Советском Союзе были напечатаны следующие книги Симоненко: «Тишина и гром», Киев, 1962; «Притяжение земли», Киев, 1964; «Царь Плаксей и Лоскотон», Киев, 1963; «Путешествие в страну Наоборот», 1964. Он писал в стихах и прозой.

На Западе вышла в американском издательстве «Пролог» его книга «Берег ожиданий», содержащая часть его стихов и дневник. (На украинском языке).

ПИСЬМО МАТЕРИ

»Мой сын был коммунистом и потому я обращаюсь к Центральному Комитету коммунистической партии Украины с тем, что меня особенно волнует. Я знаю своего сына лучше, чем кто-либо другой. Рос он без отца, закончил сельскую школу с золотой медалью. Учился в Киевском университете и все то, что он приобрел дала ему советская власть. Я видела и слыхала, как его стихи из напечатанных книг читают и односельчане, и молодежь школ, студенты институтов, и я, потерпевшая большую потерю, потерю моего единственного сына, жила одним утешением, что моего сына уважают, и что наша советская власть не забыла его семьи.

Но совсем неожиданно мне сказали как-то соседи, что стихи и дневник моего сына передавались иностранными радиостанциями. Я была очень удивлена, как эти работы могли попасть в их руки. На похороны и после похорон приезжали из Киева товарищи моего сына — Иван Светличный, Анатолий Перепадья и другие — всех я не знаю, — а также люди с Львова и Киева и они попросили у меня рукописи сына. Я думала, что отдаю их в честные руки, что товарищи сына передадут их в Союз Писателей, но затем выяснилось, что-то другое. Они присвоили себе эти рукописи, пустили по рукам и это меня сильно огорчило. Я понимаю, что мой сын мог в некоторых вопросах и ошибаться, но он писал дневник для себя, а не для того, чтобы его читали и толковали, как кому захочется.

Я осуждаю это и прошу взять во внимание мое чистосердечное заявление.

Ганна ЩЕРБАНЬ

*Из статьи «Эверест подлости» Николай Негода,
«Советская Украина» 5 мая 1965.*

»Он наш, его произведения принадлежат нашему советскому народу и никому другому«.

(«Литературная Украина», 27. 4. 1965.)

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА СИМОНЕНКО

*»Читать без позволения чужие дневники
— Эверест подлости«.*

(Неизвестный афоризм дурачка Вилсона).

18. 9. 1962.

... Земля меня носит уже 28-й год вокруг солнца. Я успел сделать очень мало хорошего за это время. Зато научился молчать и быть осторожным, когда нужно кричать. А самое главное — я научился быть не добрым.

Вранье — вероятно моя профессия. У меня врожденный талант брехуна. Брехуны бывают трех категорий: одни врут для моральной или материальной выгоды, другие врут, чтобы врать, а третьи служат вранью, как искусству. Они, конечно, выдумывают или сочиняют логичные окончания для правды. Эти брехуны с моей брехунской кочки кажутся мне благородными. Они — резерв литературы. Без них жизнь была бы скучной, без них и правда стала бы короткой и бытовой, скучной и мелкой. Благородная брехня возвышает правду.

Руководствуясь этим я чаще всего принадлежу к третьей группе. Такие как я также необходимы для литературы — мы нашими слабыми мыслями угноим почву, на которой вырастет гигант, будущий Тарас или Франко. Жду его, как верующий — прихода Христа...

19. 9. 1962.

Дети часто говорят несознательно большую правду. Вспоминаю, как год тому назад мы с Алексеем гуляли около Казбекского базара. Увидевши памятник деспота, он спросил меня: — Папа, кто это?

— Сталин.

Он посмотрел на него одну секунду, а затем как будто бы между прочим спросил меня: — А почему же он туда полез?

Действительно, Сталин не был поставлен на пьедестал, а сам залез на него посредством вероломства, подлости, вылез кровавым и наглым способом, как все палачи. Теперь этот тигр, который кормился людьми, подох бы от горя, если бы узнал, какой хорошей находкой стали его бездарные лубочные памятники для сборщиков металлолома...

27. 9. 1962.

... Будьте вы прокляты никчемные деньги! Вы превратили меня в раба газеты и я не мог поехать вместе с Николаем к Каневу. Давно у меня не было такой потери, потому что правду говоря, не было кого терять...

8. 10. 1962.

... Кроме того в «Розах в трауре» я совсем не намеревался «опрокинуть богов». Я выступаю в этом произведении против новой религии, против лицемеров, которые не без успеха пытаются превратить марксизм в религию, в Прокрустово ложе¹, ложе для науки, искусства и любви. Грустные примеры с кибернетикой, генетикой, сильное прорастание поганок в литературе и живописи, постоянные клички к жертвованию и бесконечные обещания «рая на потом» — разве это действительно далеко от трагедии Бруно и Галлилея, псалмо и иконописания, от монастырей и царства небесного?

Если марксизм не выдержит перед непрерывным наступом догматизма, он осужден превратиться в религию. Никакое учение не смеет монополизировать духовную жизнь людей...

16. 10. 1962.

Не может быть ничего более страшного, чем неограниченная власть в руках ограниченного человека.

Руководитель колхоза села Еременко кричал на собраниях от бессилия и злобы: — Я вам сделаю новый 33-й год!

Конечно никто даже не подумал привлечь к ответственности этого негодяя. А этот дурень одной своей идиотской фразой уничтожает результаты работы десятков умных людей. Если бы у наших вождей было бы немного больше мозгов, чем есть, то такие крикуны любовались бы небом через решетки.

---

¹) Мерка, под которую насильственно подгоняют неподходящие под нее явления (по имени разбойника Прокруста, к-рый клал захваченные им жертвы на свое ложе и обрубал ноги тем, кто оказывался длиннее ложа, а тем, кто короче, вытягивал их).

21. 6. 1963.

Чуть не задохнулся от порохового дыма идеологических битв. Реализм одержал очередную победу не произведениями, правда, а административными ухищрениями.

... Реальной осталась так, как и была угроза формалистической глупости в литературе. Ведь разве это не формализм, когда сотни писак при помощи заранее подготовленных схем обсасывают десяток так называемых вечных идей — люби труд, уважай отца и мать, не смотри косо на соседей? Формализм начинается там, где кончается мысль.

Если поэт не приносит новых мыслей и эмоций — он формалист, как бы он не старался выдавать себя за реалиста. Реализм не может быть холуйским. Есть реализм, которому служил Шевченко, и есть реализм, который пользуется услугами Дмитерка². Это разные вещи! Не Дмитерки же преемники литературы. Они живут благодаря литературе, а не для нее.

Навряд ли меня можно назвать формалистом, а все таки не хотят ничего печатать.

6. 7. 1963.

На прошлой неделе мы были в Одессе, где местные твердолобы натешили нас своим идиотским ужасом: как бы чего не вышло. Фактически нам запретили выступать на Шевченковском вечере. Видимо Тараса некоторые боятся и сегодня. Обыватели от революции.

22. 7. 1963.

Вероятно началось мое угасание. Физически я почти безнадежный, хотя морально еще не истощился совершенно. Думая о смерти, не чувствую никакого страха. Может быть потому, что она еще далеко? Странно: я не хочу смерти, но и особой жажды жизни у меня нет. Десять лет — для меня больше чем достаточно.

---

²) Дмитерко, Любомир, р. 18. 3. 1911. Председатель Союза укр. писателей. Пишет шаблонные стихи о любви к труду, о борьбе за мир, о дружбе с народами соц. стран (с народами других стран — боже упаси!) и пр.

С иронией смотрю на пройденное. Мне скоро стукнет 29, а что я сделал, или хотя бы начал, что имело бы значение? Не жизнь, а вереница мелких забот, мелких неудач, мелких разочарований и мелких успехов!

Нет, не так я мечтал жить, как живу . . .

3. 9. 1963.

. . . Мои друзья притихли, от них не слышно ни слова. Органы печати стали еще более бездарными и наглыми. »Литературная Украина« кастрирует мою статью, »Украина« издевается над стихами. Каждый лакей делает что ему вздумается. Как тут не гореть благодарностью, как не молиться каждый вечер и каждое утро за тех, которые дали нам такую свободу. К этому можно еще добавить, что в мае мои стихи были выкинуты из журнала »Смена«, вырезаны в журнале »Жовтень«, а затем пришли отказы от журналов »Днепр« и »Витчизна«.

Ай-ай-ай, весело! Все мы под прессом.

Так ведь требуется для прогресса.

5. 9. 1963.

Теперь я стал в Черкассах еще более одиноким, так как нет даже и того коллектива, который был в »Молоді Черкащини«. Приятельские тропинки между мною и Негодой и Оглобленным, можно сказать, заросли буйным бурьяном. Одному из них я был нужен до тех пор, пока мог ему помочь. Другой оказался самым обыкновенным флюгером³. Не сомневаюсь, что он будет меня ругать с таким же азартом, с каким раньше хвалил меня. Он это продемонстрировал сам с нескольких трибун на разных митингах.

Но нам — свое дело делать.

Последняя заметка Симоненко в Дневнике была сделана 20. 9. 1963 г.

Симоненко жалеет, что у него нет душевных друзей в Черкассах и замечает, что сердце и мозг слабеют.

---

³) Непостоянный человек, часто меняющий свои взгляды, решения.

За несколько часов перед смертью Симоненко пишет свои последние строки. Это — письмо, написано по адресу Президиума Союза советских писателей Украины. Вот текст этого письма:

»Дорогие товарищи и старшие друзья!

Обращаюсь к вам в трагическую минуту своей жизни. Вероятно завтра меня больше не будет в живых. Конечно, литература перенесет эту безболезненную для нее потерю. Но я не могу расстаться с жизнью не подумавши о судьбе моей семьи, и особенно матери. Моя мать работала в колхозе 27 лет. Но несмотря на это обязана удовлетворяться ролью «иждивенки». Первый день моей смерти может стать первым днем ее нищенского прозябания. От всего сердца прошу вас не допустить этого, и если возможно выделить ей из литературных фондов хотя бы минимальную сумму, которая предотвратила бы мою мать от голодной смерти.

Все авторские права на мои произведения принадлежат моей семье: жене Людмиле Павловне, сыну Алексею и матери Щербань Ганне Федоровне.

12 декабря 1963

В. Симоненко.

ТВОРЧЕСКАЯ СВОБОДА

О Дмитрие Ал. Горбове Краткая Лит. Энц. пишет между прочим следующее: Родился в Москве в 1894. В своих суждениях об искусстве отдал дань идеализму. Сборник «Поиски Галатеи» подвергался критике. С конца 30-х годов обратился к переводу.

Коротко и ясно!

* * *

Поэт Владимир Державин посвятил себя так же целиком — переводу, начиная с незабываемого 1937 года.

Если бы великому Державину посчастливилось жить в период культа партии, то нет сомнения что и ему пришлось бы посвятить себя всецело переводам если не хотелось бы расстаться с жизнью.

ВОР

Деда то ли поймали, то ли арестовали,
Деда доставили в сельсовет,
Деда укоряли и ругали:
— Как же тебе дед, не ай-я-яй?
Красть на поле свой же урожай?
У кого ты крал? У себя же крал.
Это ж ведь стыдно красть собственный труд!
Повесив голову дед хмуро тер лоб,
И потягивал махорку.
Дед мигал толстыми веками.
Трудно смотреть в лицо позору.
Трудно ему с крестьянскою думою
Сразу постичь парадоксы эпохи.
Так — то оно так. — кашляя в кулак —
Воровать позорно . . . Чего ж там хуже . . . —
Рвись из груди несдержанным криком
Мой непокорный стих.
Почему он вор? С какой это стати?
Почему он пошел воровать свое?
Дали бы мне тот мешок нести —
Позор плюет в сердце мое . . .
Деда я должен презрением убить*,
Но в груди бушует гроза:
Кто обокрал, изуродовал его душу?
Кто его совести руки связал?
Где они откормленные серые,
Недоразвитые демагоги и брехуны,
Которые петлю надели дедовой вере,
Продираясь к креслам и чинам?
Их за решетку, их бы к суду
Их бы в карцер за грабеж!
Мало доказательств? Доказательством будут
Цепи украденных вер и надежд.

---

*) Симоненко получил задание описать »преступление« деда в газете.

СУД

Параграфы уселись за столом,
Примечания притаились по углам,
Глазами острыми подсудимую просверлили
Цитаты с штыками в руках.

И циркуляр смотрел через очки,
И грелись зеваки около печек,
И инструкции прыгали как привидения
Из мудрых телефонных трубок.

— Она чужая, — параграфы сказали,
— Она не наша, — молвил циркуляр.
— Неслыханная, — примечания пропищали,
И в зале поднялся шум и гам.

И строго циркуляр на них взглянул,
И зал зашевелился и затих
И распяли ее, несчастную
Во имя параграфов толстых.

Она напрасно слезно присягала,
Что не чинила и не чинит зла . . .
Была у судей логика железная:
Она ни в какие рамки не входила,

Она — новою мыслью была.

(Дословный перевод с украинского)

* * *

Как не крути,
Все одно выходит,
Стоило бы палачам давно зазубрить:
Можно мозг прострелить,
Который мысль породил,
Но мысли не убить!

ХОР СТАРЕЙШИН ИЗ ПОЭМЫ «ФИКЦИЯ»

Просветились!
Да еще и других хотим
просветить.

Т. Шевченко

Порода наша — мудрая по природе,
Мы знаем все, ведь все мы поняли,
И смотрит на нас тронута и гордо
Счастливый предок — чистосердечный шимпанзе.

Ему качаться на ветвях скрипучих,
И на тропичных тешиться ветрах . . .
А мы пойдем и целый свет научим,
Как нужно плавать в чернильных морях.

У нас такие все премудрые и умные,
Что лимитируем бумагу и чернила,
Вулканы сильные и бешеные действуют
В высоких хребтах бумажных гор.

Мы знаем все! Для нас нет тайн нигде!
Что будет завтра? Спросите нас.
Как сухая солома питает костер,
Так нас сжеминутно кормит мудрость;

Мы поднимем, мы подведем и мы пойдем,
Мы дойдем, мы достигнем высот!!!
Мы столько истин в один миг вам насыпем,
Что удивление вам навсегда оцепенит рот.

Чего шатаетесь по свету, будто пьяные,
Чего вы ищите, когда мы все нашли,
Когда ведут дороги сияющие
К нашему солнцу от вашей мглы.

У нас давно никто про горе и не слышал
И про другие нелепости и бредни.
Одна забота по нашим головам проходит:
А что если в эти мудрые бумажные горы
Внезапно бросить искорку огня?

НЕКРОЛОГ КУКУРУЗНОМУ ПОЧАТКУ, КОТОРЫЙ СГНИЛ НА ЗАГОТПУНКТЕ

Не слышно воплей. Ржавеют оркестры.
Ораторы устали от криков.
В гробу лежит не вождь и не маэстро,
А просто кукурузный початок.

Гроб из тупости, бездарностью обитый.
Бредут за ним усталые мысли:
Кого оплакивать? Кого тут мне судить?
Кому из сердца вышибать замки?

Кого хватать за грудь и за душу?
Кого проклинать за эту бессмысленную смерть?
Здесь умер початок, я кричать обязан,
Переполнен смятением и злостью.

О мой початок, за что тебя сгубили?
О мой початок, кому ты провинился?
О мой початок, легли в твою могилу
И людской труд, и щедрость нив.

Бессонные ночи, беспокойные дни,
Мозоли, пот, мыслей горячая боль,
Легли с тобой рядом в гроб.
И гниют под густым дождем . . .

Проклятие вам лукавые злодеи,
В каких бы вы не шлялися чинах!
Вы убиваете людские надежды
Так же, как вы убили кукурузный початок.

ВОРОТА

Дикими неведанными речами
Грезят ворота в тревожном сне,
Где стража бряцает ключами
И скрепляют защитные врата.

Привидения с кровавыми мечами,
В накидках черных, будто ночь,
Безформенными играют мячами —
Главами, снесенными с плеч.

Кровь стекает под флегматичные стены,
Вопли застыли на губах,
Сотни лет издевательств и мучений
Мертвых поворачивают в гробах.

Но не видит город в ночь мрачную,
Что стража осталась без мечей,
И новую жертву кидает под каменные стены
С грязной тряпкой на глазах.

ОДИНОЧЕСТВО

Часто я одинокий, как Крузо
Выглядываю из-за горизонта кораблей.
И мысль беспомощно грузнет
В клейком болоте слов.
На своем диком острове,
В шкурах с убитых надежд,
Просверливаю небо острыми глазами.
— Где ты Пятница мой?
Залпы отчаяний рвутся из горла,
Грохочут в равнодушную даль:
— Пошли мне Господи, хоть врага,
Если друга жаль послать мне!

КИЕВСКАЯ КРАСИЛЬНЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Киев 60-х годов никак нельзя сравнить с Киевом Ежовского периода. В настоящее время киевское население имеет много государственных учреждений для обслуживания.

В Ежовское время, например, на рынке отсутствовали краски, а если и были то плохого качества. Государственные красильни почти что отсутствовали. В настоящее время положение улучшилось, сейчас каждое министерство имеет свою собственную красильню. Министерство легкой промышленности имеет пять (включая цех окраски натурального меха). Министерство тяжелой промышленности имеет две модернизированные красильни, и т. д.

Самая интересная из них — это несомненно красильня Союза украинских писателей. Она обслуживает только часть городского населения, но именно ту часть населения, которая заслуживает большего внимания. Не удивительно поэтому, что здесь работает самый квалифицированный персонал под недремлющим руководством инженеров человеческих душ. Это название было дано им еще бывшим гением человечества, и они носят его с большой гордостью.

Всяких растяп, зевак или ротозеев здесь и со свечей не найти. Технический персонал здесь находится в состоянии постоянной боеспособности и работает в этом учреждении круглые сутки.

Их цель заключается в окрашивании материала, посланного писателями или поэтами, которые отказываются от метода самообслуживания, или которые не проявляют достаточной бдительности при самообслуживании.

Как хорошо известно, неполно обработанный материал, попавший случайно в руки врага, может быть использован для аморальных целей, направленных против единственной демократической страны мира.

Красильня хорошо оснащена оборудованием дистанционного управления (на командные кнопки нажимают в Москве).

Если бы вам дали экскурсовода, который провел бы вас по обширным цехам красильни писателей, вдоль технологической линии процесса, то вы попали бы сначала в цех сортировки.

Здесь высококвалифицированные кадры, закончившие университеты, и прошедшие специальные годовые курсы министерства государственной безопасности, ставят стихи или другой материал в ящик отходов, ящик материалов, пришедших в хорошем виде, (из цехов самообслуживания), ящик материалов, который нуждается в чистке, ящик материалов, нуждающихся в добавке розовой или красной краски, ящик материалов, которые нуждаются в первичной обработке, т. е. устранении их составных частей и добавлении посторонних примесей. Существует также ящик окончательной отделки, т. е. апертуры, в техническом жаргоне красильщиков.

Можно прямо сказать, что многие рабочие предпочитали бы бросить больше половины в ящик отходов. Это облегчило бы участь их коллег в последующих цехах. Такой подход оказывается, однако, неприемлемым государству, так как это существенно уменьшило бы валовую продукцию, которая определяется, либо тоннами книг в месяц, либо погонными метрами стихов.

Следует отметить, что до сих пор Красильня писателей не была переведена на новую систему экономики систему прямой связи с потребителями, с учетом их запросов. Переход на такую систему не предвидится в ближайшую пятилетку. Не предвидится также возможность перехода на пятидневную неделю, которая была уже внедрена в красильнях других министерств и учреждений.

Следует также отметить, что здоровое социальное происхождение — дочерей и сыновей влиятельных лиц киевских учреждений — сказывается положительно на качестве сортировки, этого важного этапа творческой работы.

Как видно из вышесказанного, из сортировочного цеха идут новые технологические линии. Это — параллельные линии конвейерного типа. Сырье, поступившее на одну линию процесса, обыкновенно не скрещивается с сырьем другого качества другой линии.

Сырье каждой линии подвергается разной технологической обработке. Например, рукописи посвященные I-му Маю должны иметь немного больше теплоты. Рукописи, в таком случае, посылают на конвейер термической обработки, причем технология термической обработки меняется, совершенствуется в зависимости от рецептов волевого руководства, коллективных руководителей и проч.

Для того, чтобы изобразить более рельефно картину этой необыкновенной Красильни, какую нельзя встретить даже в самых развитых капиталистических странах, как Америка или Англия, рассмотрим ее деятельность на нескольких примерах.

Вот в сортировочный цех попали рукописи Симоненко. Оказывается, что более 50 процентов, как например, Дневник, Вор, Ворота, Курдскому брату, Я, Суд, Украинский лев, Некролог кукурузному початку, Понеси меня на крыльях и т. д. идет на линию отходов производства. При таком большом проценте отходов извещается сейчас же управление красильни. Директор связывается сейчас же с местными органами Комитета государственной безопасности и вызывает начальника отдела пропаганды. Этот отдел соответствует капиталистическим отделам «Адвертайзинг Департмент» или «Паблик Рилейшенс Департмент». Отдел пропаганды пишет сейчас же статью, которая печатается в местной прессе. В этой статье (например, «Литературная Украина» 27 мая 1965 года) утверждается, что автор стихов, попавших в линию отходов производства, глубоко преданный советской власти, враг Запада, враг формалистов, символистов и прочее, и добавляется: «... Высокоидейные и художественно завершенные произведения того или иного писателя, искусство — это народное сокровище... Нужно беречь наши сокровища. Нельзя их разбрасывать. Они принадлежат народу и никому другому».

После этого из КГБ приезжает делегация, подбирает отходы производства и везет их на вечное хранение в свои погребы. Ведь нельзя же разбрасывать народное сокровище!

Поставщики сырья плохого качества вызываются на всякие президиумы и комитеты, где их подвергают критике и дают указания в какой форме предоставлять в будущем свой товар государственным закупочным пунктам.

Вторая технологическая линия, которая работает под большой нагрузкой, это — линия сырья предназначенного для новой обработки. Иногда сюда приглашаются авторы, чтобы они сами помогли переделать свое сырье. Если они отказываются, к работе привлекаются чистильщики, красители, хирурги, монтеры и реставраторы.

При совместной работе получается материал совершенно другого качества, но поступает в продажу под старым названием, т. е. со старой фирменной биркой. Иногда здесь грамм сильной краски меняет совершенно оттенок товара.

Вот например стихотворение Симоненка »Гранитные обелиски, как медузы«. Здесь автор встает на защиту своего украинского народа, которого руководители превратили в сплошную рану. Этот обманутый народ хочет счастливого будущего. Он готовит петли для своих палачей.

В процессе технологического преобразования стихотворения было решено заменить весь его смысл одним штрихом, т. е. одним заглавием. В красильне добавили заголовок »Пророчество 17 года«. Один из присутствующих инженеров душ выразил несогласие.

— »Читатели не поверят! Как можно пророчить в 60-ых годах о том, что уже свершилось в 18 году?! Это смешно.

— Не поймут — добавил другой инженер — в Москве тоже так делают. А если и поймут, то как докажут, если рукописи будут в наших руках?

— Этого не хватит — сказал начальник отделочного цеха — нужно при конце добавить чего-нибудь советского из периода 17 года.

— Вот мы на прошлой неделе — вмешался апретурщик ночной смены — вlepили одному расстрелянному поэту следующую концовку:

»И встанет право и любовь на свете,
И на страже правды встанет труд!«

— Лепи ее и Симоненко — сказал начальник. Пускай теперь поймет читатель, что было написано им, а что было добавлено нами.

— А вдруг эти рукописи Симоненко попадут на Запад?

— За это отвечают наши органы безопасности. Лепи концовку и посылай материал на склад готовой продукции«.

Стихотворение »Думка про счастье« прошло сначала по линии чистки. Здесь, выбросили следующие строчки иронизирующие над фальшивым пафосом журналистов:

»Вот показательная ситуация:
Старательная мать с тремя детьми,

Это — же замечательная иллюстрация
Для подтверждения наших идей».

В цехе ремонта строки —

»Пусть поменьше
Такого счастья

Встречать на советской земле».

Поправили на:

»Пусть поменьше
Трудного счастья

Встречать на советской земле».

В цехе апретуры добавили щеточкой только слегка,
вместо —

»Счастье капает
Серебряной минутой»

Получилось:

»Капля счастья
Звонкой минутой».

Стихотворение «Одинокая мать» не требовало много
работы. Некоторые доделки в апретурном цехе и «малая»
чистка в последней строке.

Вместо:

»И подвиг твой

. . . . .

Благословил расстрелянный народ».

Получилось просто:

»И подвиг твой

. . . . .

Благословил народ».

В стихотворении «Может быть так и нужно постоянно»
чистильщик приложил больше усердия и выкинул
первую строфу всецело. Какой же чистильщик мог бы
сохранить свою службу, если бы он оставил следующие
строки:

»Может быть так и нужно постоянно.

Делать то, что мы привыкли уже издавна,

Падать послушно на колени

Перед гениальными людьми».

Стихотворение, посвященное Украине «Смотрю в твои
зеницы» отняло столько времени, что чуть не подор-
вало валовой план производства. В очистительном цехе
было выброшено 50 процентов сырья. Из цеха стихо-
творение вышло без 3, 5, 6 и 7 строф. Вот например 3-я
строфа:

»Ради тебя перлы в душе сею,
Ради тебя мыслю и творю,
Пусть молчат Америки и России,
Когда с тобой я говорю«.

Вот две строки из 5-й строфы:

»Ведь не все черти живут на небе,
Есть их до черта и на земле«.

Вот две строки из 6-й строфы:

»Видишь, с ними я все время бьюсь
Слышишь — битвы старый гул!«

А вот 7-я строфа:

»Украина, ты моя молитва,
Ты моя вековечная безнадежность
И гремит над светом бой ужасный
За твою же жизнь и твои права«.

Напечатанные 1, 2, 4 и 8 строфы подвергались также переделке и подкрашиванию. Самая важная из них, это добавка одного пуда красной краски в последнюю строку:

Вместо — »Я прольюсь капелькою крови
На твое священное знамя«

Получилась сильно красная строка:

»Я прольюсь капелькою крови
На твое красное знамя«.

В стихотворении »Есть тысячи дорог« при чистке отпала 3-я строфа. Вот она:

»Если бы я мог забыть убогое родное поле,
За кусочек той земли мне бы все дали . . .
Ведь известно, что стерня никогда не колет ног
Тем, кто надевают холуйские лапти«.

При Киевской красильне существует также кружок по изучению Истории партии. Некоторые члены кружка посещают лекции еще с времен революции, но никто из них не может сказать, что это лишнее, потому что те самые вопросы освещаются каждый год по новому, и это дает им возможность знать всегда, кого нужно считать врагом народа, а кого нужно рассматривать, как истинного представителя народных масс. На этих курсах они узнают, что, хотя некоторые украинские писатели, как Демьян Бедный, вели себя или ведут себя, как настоящие свиньи, между свиньями и этими писателями есть существенная разница. От свиней можно получить

пользу только после их смерти. С писателями нужно стараться получить как можно больше пользы еще при их жизни. Один из приглашенных лекторов кружка говорил недавно, что ошибка Сталина заключалась в том, что он не видел этой разницы, и поэтому устаревшие Киевские бойни были превращены в современные Красильни только после смерти тирана.

Перед Киевской Красильней сейчас стоит большая почетная задача — прочистить, покрасить и отшлифовать все произведения расстрелянных писателей и издать их в такой форме, о которой не могли мечтать сами авторы. Тогда Украинская Энциклопедия сможет давать на своих страницах биографии не только реакционеров и фашистов, как например, румынский маршал Антонеску, китайский Чан Кай-ши, но сможет приводить биографии даже украинских, больших писателей, как например — Миколы Хвывелего.

М. В. Н.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

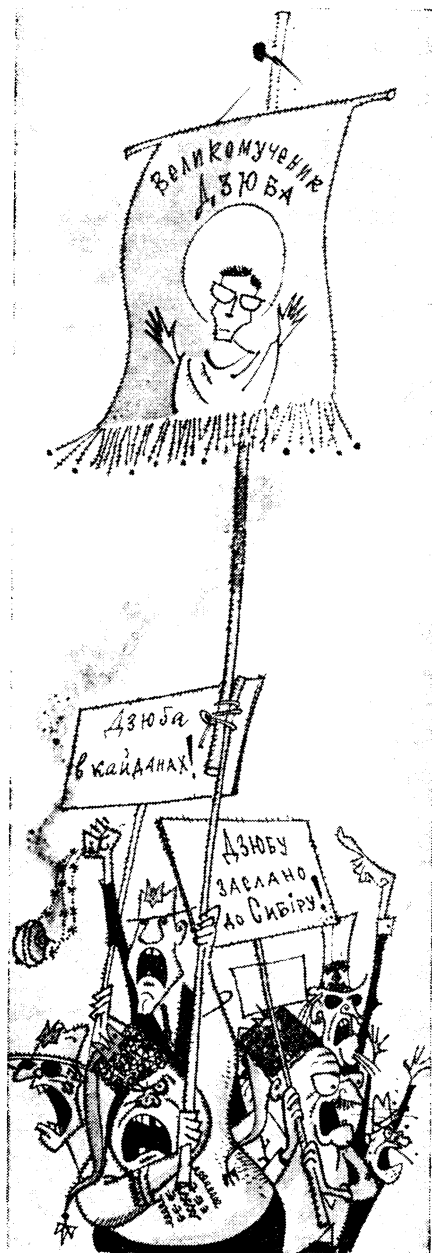
Собрание сочинений, том 10-ый

Первые 9 томов собрания сочинений были выпущены Госиздатом Художественной Литературы в Москве. Соответственно принципам международного разделения труда 10-ый том будет составлен в Лондоне издательством

F L E G O N P R E S S

Просим читателей, желающих задержать себе один экземпляр сообщить нам их адреса как можно скорее. Просим не посылать денег при заказе.

10-ый том будет содержать прозу и стихи, описание Ленина и французских проституток (так как только Эренбург мог их описать), реалистическое описание революции и иронически-презрительное описание чернокожих.

Эта каррикатура взята из сентябрьского номера (1966 года) украинского журнала «Перец». Автор большой сопровождающей статьи утверждает что, якобы, И. Дзюба не подвергался тем репрессиям которые были упомянуты в западной прессе и что хотя многие считают его мучеником за идеалы литературы, это не соответствует, мол, действительности.

Иван Дзюба родился в 1931 г. Окончил пединститут в Донецке и защитил диссертацию на кандидатскую степень в инст. лит. им. Т. Шевченко. Работал критиком в редакции укр. лит. журнала «Родина». В 1965 г. был арестован. После освобождения (из за шаткого здоровья) получил работу в редакции «Биохимического журнала».

В. СИМОНЕНКО

ФЕДОР АБРАМОВ

*храбрый защитник советского крестьянства.
Автор нашумевшего рассказа «Вокруг да около».*

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИВАНА ДЗЮБЫ ПО СЛУЧАЮ 30-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛЯ СИМОНЕНКО

*(И. Дзюба выступил 10 января 1965 года в Киеве,
в республиканском Доме литераторов)*

Декабрь и январь прошли для нас под знаком Василя Симоненко. К первой годовщине его смерти вышел по-смертный сборник «Земне тяжиння» (Земное притяжение). К сожалению в него вошли далеко не все лучшие стихи Василя Симоненко, хотя они ходят по рукам, — а те, которые вошли, не всегда напечатаны так, как они вышли из под пера автора. Но и в таком виде сборник дает богатый материал для крупного разговора о проблематике нашей общественной жизни и нашей литературы. Особенно, если брать творчество Василя Симоненко не как одиночное изолированное явление, а в связи со всей молодой современной поэзией.

Это последнее я подчеркнул не случайно. Можно было предвидеть, что будут сделаны всевозможные попытки оторвать В. Симоненко от всего процесса создания новых ценностей, который на протяжении нескольких лет происходит в среде молодой украинской литературы, и противопоставить его всем остальным молодым поэтам, чтобы побить их им. Ведь это же у нас в традиции: умершими бить живых. Разве те, кто травили Довженко при жизни, после его смерти не стали пользоваться его именем для борьбы против всякого нового честного слова, разве не пытались его авторитетом защищать «авторитет» лакировщиков?

Вот и теперь мы услышали недавно от одного высокопоставленного критика, что Василь Симоненко — «единственный зрелый поэт среди молодых». Ясно, почему он «единственный зрелый» для этого бонзы: потому что он умер и не может ответить этому человеку, так как он этого заслуживает, — на эту «безответственность» этот человек и рассчитывает. Но многочтимый бонза ошибается, пусть-ка он прочтет стихи Симоненко, там про него много сказано, не в бровь, а в глаз. А мы со своей стороны напомним, что те молодые поэты, которых

критик считает »незрелыми« были примером и вдохновением для Симоненко, как он теперь стал примером и вдохновением для нас всех.

Нет, не оторвать творчества Василя Симоненко от живого и радостного процесса создания украинской литературы. Только в связи с этим процессом его можно полностью понять, и в свою очередь оно дает огромный материал для характеристики этого процесса. Тут не место и не время подробно говорить о всех этих проблемах, какие из этого вытекают. Я только хотел бы вкратце остановиться на трех моментах, которые кажутся мне особенно поучительными в том »уроке«, который всем нам дал Василь Симоненко.

Первый. Василь Симоненко начинает с мелких сентенций, а приходит к философско-политическому мышлению, к творчеству идей, к поэзии, как арене самостоятельного мышления. От газетного морализирования до высокой публицистичности, до политической лирики шевченковского образца. От обычных силлогизмов он шел к сердечной полноте и чувственной красоте. И этот путь весьма поучительный, а одновременно он показывает, как много в нашей литературе пропадает сил и возможностей. Ведь большинство молодых поэтов начинали и начинают не с низшего уровня, чем Симоненко, и »стихийного таланта« у них наверно было не меньше. Так вот, многие из них могли бы стать такими, как Симоненко, — но такими становятся единицы. Остальные идут не вверх, а вниз — сколько уже на наших глазах измелчало, опошлилось и погибло талантов? В чем же дело? Причин, повидимому, много. Но здесь назовем две.

Когда человек говорит в полный голос — голос его крепнет. А когда привыкает говорить полупшепотом — этот полупшепот и становится »его нормальным« голосом. В. Симоненко мужественно говорил правду, и правда сама делала его все большим и большим. Поэту нужен простор »приложения сил« для того, чтобы его силы множились. А кто сужает себе простор, кто не пользуется своими силами, не напрягает их до конца и постоянно, у того мускулы незаметно слабеют, силы уменьшаются, тот мельчает. Есть в медицине такое понятие: »ленивое сердце«. У многих наших поэтов — ленивые души, ленивая совесть!

И второе. В. Симоненко был человеком немилосердно самокритически настроенным, вечно недовольным собой

— по высокому счету, а не по мелочам. У него было слишком высокое представление о литературе, слишком высокие идеалы и критерии, чтобы он мог довольствоваться тем, что он делал. Вышла его первая книжка, все ее хвалили, все восхищались, а Василь говорил о ней лишь иронически. Он ее уже не любил, потому что перерос ее. Сегодня он стоял выше чем вчера, а завтра становился выше, чем сегодня. Вот эта драгоценная способность постоянного роста мудрости, выростания, самоусовершенствования, эта жажда знаний, суровая дисциплина, самообразование — вот один из тех ценных уроков, которые дал В. Симоненко всем нам. Ведь, безо всякого преувеличения говоря, 90% украинских литераторов этих качеств не хватает, и потому они не продвигаются вверх, а ползут вниз.

Второй. Абсолютно не секрет, что В. Симоненко — прежде всего поэт национальной идеи. Любой, кто прочтет его книгу, увидит, какая именно идея является доминантой его поэзии. Правда, Леонид Николаевич Новиченко, который сидит здесь в президиуме, уверяет, что понятия «национальная идея», «национальное сознание» сейчас несущественны и незаконны, несовременны и являются немарксистскими. Я бы ему советовал сказать об этом китайским коммунистам, или итальянским коммунистам, или английским коммунистам, или польским коммунистам, или же, наконец, русским коммунистам. Или пусть скажет это Карлу Марксу, у него про все эти национальные вопросы, «национальное сознание», «национальный позор» есть, особенно в письмах, такие вещи, что если их сейчас процитировать, и не сказав заранее чьи это слова, то многих придется водой отливать. Очевидно, национальная идея есть и будет, сегодня она для нас актуальна, и означает идею полноты суверенного государственного и культурного существования украинской социалистической нации, полноты и суверенитета ее национального вклада в общее дело мира, демократии и социализма. Эта идея лежит в основе поэзии В. Симоненко, она ей воодушевлена.

Но я говорил это вот к чему. Первенство национальной идеи очень часто несет в себе угрозу полного равнодушия к другим идеям; у некоторых она убивает интерес к остальным проблемам человеческого духа. Были поэты, были и целые литературы, которые становились однообразными и монотонными из-за того, что в результате

исторических обстоятельств были вынуждены целиком отдаваться национальной идее, — и они многое теряли по сравнению с литературами, у которых не было потребности в господстве национальной идеи. Но есть и исторические прецеденты противоположного характера, когда национальная идея не вытесняет, а катализирует бескрайность других общечеловеческих идей. И само углубление в национальную идею, преданность ей ведет одновременно в наискровеннейшие глубины других социальных и духовных потребностей. Примеры этого мы видим у Шевченко, Франко, Леси Украинки; это мы видим у Шандора Петефи, Шиллера.

Но, если говорить об украинской литературе, далеко не у всех это было и есть.

Симоненко принадлежал к числу тех, кто остро чувствовал связь национальной идеи со всеми общечеловеческими ценностями, с понятием человеческого достоинства, чести, совести, с понятием личной и социальной этики и справедливости. Именно эти понятия достоинства, совести и справедливости и привели его к национальной идее, к новому осознанию Украины.

Когда-то Достоевский спрашивал: «Согласились бы вы построить мировую гармонию на одной единственной слезе одного единственного невинного ребенка?» — Так и мы спрашиваем: может ли быть «мировая гармония», может ли быть всечеловеческое общество, может ли быть общечеловеческая справедливость, для достижения которых нужна какая-нибудь хотя бы малейшая несправедливость по отношению хотя бы к одной нации, — в данном случае по отношению к украинской нации? Нет, такого сообщества и такой «гармонии», основанных на таком фундаменте быть не может. Вот почему национальный вопрос тысячами тончайших нитей связан с наискровеннейшими вопросами человеческой совести. Вот почему при высоком его понимании он может наполнить и современного поэта самым общечеловеческим содержанием и пафосом самопожертвования. К этому пришел и В. Симоненко, о чем свидетельствуют его опубликованные и неопубликованные произведения.

Наконец, третий момент. Имею в виду тот моральный урок, урок гражданской этики, который дал В. Симоненко.

Бывают эпохи, когда решающие битвы происходят на уровне социальной морали, гражданского поведения,

когда даже элементарное человеческое достоинство, сопротивляясь жестокому гнету, может стать мощной, мятежной, революционной силой. К таким эпохам, по моему, в значительной степени относится и наше время.

Исторически дело сложилось так, что значительная часть наших проблем заключается в несоответствии между словом и делом, теорией и практикой, планами и реальностью, в упадке общественной морали и вырождении общественной жизни. И, соответственно значительная часть наших задач сводится к устранению этой несоответственности и к утверждению высокой гражданственности, к поднятию национально-политической жизни. И тут помехой является огромная и тупая сила инертности, равнодушия и гражданской деморализации, порожденных эпохой Сталина и питаемых сегодня, с одной стороны, беспробудным официальным фарисейством, с другой — тем мелодраматичным скепсисом, в который с наслаждением и «изысканно» бегут от тяжелой гражданской обязанности, бегут из-за лени, из-за страха и от слепоты; жалким скепсисом мудрящего раба, который хочет сам себя обмануть и притворяется, будто он так занят игрой в парадоксы, что не замечает ярма на шее; тем скепсисом, который при всех своих современных и вечно-изменчивых пикантных одеждах сводится к старой премудрости интеллигента-ужа: «Летай или ползай — конец известен: все в землю ляжем, все прахом будем».

Вот почему может быть ничто не имеет сейчас такого значения, как высота гражданского поведения. Ничего другого люди так не ждут, как живого примера героического гражданского поведения. Людям нужен этот пример потому, что им нужна уверенность в том, что и сегодня такая героическая деятельность возможна, что и сегодня она не бесплодна, и сегодня, как всегда «безумство храбрых — вот мудрость жизни!» И сегодня, а может быть сегодня как никогда — можно и нужно бороться!

Вот в этом и заключается главный урок В. Симоненко. Личная принципиальность, бескомпромиссность и спокойное мужество соединились у него с высоким и полным сознания обязанности гражданским чувством, человеческое достоинство и самоуважение, человеческая честь и совесть были в его понимании главной опорой обще-

ственной жизни, в его творчестве отразилось возникновение среди украинской молодежи нового самочувствия, где через наслоения прошедшей эпохи бодро пробивается вечная зелень и молодость человеческого достоинства, человеческой свободы и независимости, неборимости и неисчерпаемого человеческого духа, «который тело рвет в бой!», который призывает стоять за свой народ и в этом видеть смысл своей жизни.

Такой урок дал нам Василь Симоненко и своим творчеством и всем своим морально-гражданственным существом. Теперь возникает вопрос: можем ли мы этот урок усвоить?

И вот в связи с этим меня лично тревожит и печалит не что иное, как наша «единодушная» любовь к нему, к Василю Симоненко.

Выходит так, что В. Симоненко сегодня любят все. Любит его «широкая общественность» и любят сановные чины. Любит редактируемая как стенгазета районного отдела милиции «Литературная Украина», и любит доктор философских наук, член-корреспондент Академии УССР, секретарь правления Союза писателей УССР Леонид Николаевич Новиченко. И все мы вместе очень любим Василя Симоненко. Настолько, что в ослеплении любви (а может быть и по своей скромности), кое-кто и не замечает, что ему как будто бы и не следовало его любить, что ему было не по пути с Василем при жизни, будет не по пути и после смерти! И хочется попросить их: будьте великодушны, не любите Симоненко! Но не такие они безсребренники, чтобы не любить. Они хитрые, они будут любить, ибо знают: ненавистью можно убить лишь живого, а вот любовью можно убить и умершего. Но мы все таки должны их убедить, что не в их интересах любить Симоненко, что он еще и с того света не раз, так даст, что придется им долго от него открепиться.

В то время, как они подписывали смелые гражданственные письма в редакцию с протестом против вырубивания елочек под Новый год — Василя Симоненко беспокоила рубка совсем других деревьев. А еще больше его беспокоил такой феномен: когда деревья никто не рубил, — вокруг него ходили специально приставленные квалифицированные садовники, на уход за ним отпускались средства из и без того отягченных государственных бюджетов, а оно все сохло. Люди проходили мимо него,

дивились и говорили: »Может быть такое уже плохое дерево, что само сохнет«. А »философы« поясняли: »Нет, дерево не плохое, равноправное, но таков закон истории!« А в это же время вдали от людского глаза под землей, этому дереву подрубали корни, используя всю »земле-ройную технику«.

В то время, когда они были великими реалистами, хорошо знали, что можно и чего нельзя, какое дело выигранное, а какое не выигранное, куда велено катится небезызвестному колесу истории, а куда не велено, и то колесо представлялось им на подобие коловорота в шахте, которое приводят в движение ослепшие от хождения по кругу кони, а непосредственный погоняла — это уже личный уполномоченный самой истории, который кнутом истолковывает ее скрижали, — в это время, в эту эпоху их торгашеского трезвомыслия В. Симоненко был безнадежным Дон Кихотом, говоря словами Леси Украинки, отказывался признавать так называемую »историческую прорву« »прорвой реальной« и требовал совершенно невозможного: »Пусть молчат Америки и России, когда я с тобою говорю«, а с кем он говорил, известно, — и все это, ох как невозможно и безнадежно с точки зрения ученого и премудрого поросенка, который прекрасно разбирается в законах истории и добросовестно высосал политическую мудрость из механизированного корыта. А как иронически и благородно он хрюкнет, услышав, скажем, вот такое:

Народ мой есть! Народ мой будет вечно!
Никто не перечеркнет мой народ!
Исчезнут все перевертни и пришельцы
И орды завоевателей чужих!
Вы, щенки, осатанелых палачей,
Не забывайте, выродки, нигде:
Народ мой есть! В его горячих жилах
Казацкая кровь пульсирует и гудит.

Непривычные это слова для начальства, непривычные и для робких патриотов.

В то время, когда они уверяли, что самая святая гражданская вера — вера в щедринских градоначальников, а самая глубокая гражданская мудрость — стоять перед ними навтыяжку, В. Симоненко написал другое:

Дрожите, убийцы! Думайте, лакеи!
Жизнь не налезает на ваш аршин . . .

В то время, когда они славословили и раздражались романами по поводу каждого очередного «похода», который должен был вот-вот осчастливить колхозное крестьянство, но почему-то вскоре оказывался склерозным, В. Симоненко в это время написал своего «Вора» и «Некролог кукурузного початка», который погиб на заготпункте.

Есть у нас категория поэтов, которая хвастается своим сельским происхождением и на этом основании считает себя великими мужицкими «демократами». Они ставят себе в обязанность «возвеличивать» «простых тружеников» всякими хитромудрыми словесами: тот назовет горемычного колхозника Прометеем, тот Гераклом окрестит, а тот насчитает в своем селе дюжину Антеев. И при этом они очень гордятся своим благородством: вот, мол, как умеем воздать честь народу. А то, что эти Антеи и Прометеи получали жалкие копейки за труд, не имели права на пенсию, а паспортов и поныне не имеют — это народолюбцев не смущало, и не думали они про то, нужна ли народу их дорогооплачиваемая краснобайская «честь», или может быть народу нужно что-либо совсем другое.

По другому это понимал Василь Симоненко, когда он писал свою «Думу про счастье».

В то время, когда один «добрый человек» в Кремле официально разделил всю творческую интеллигенцию на «чистых» и «нечистых», и пытаясь исполнить эту словесную шутку литературные янычары кинулись уточнять списки: кого в рай, кого в ад, — В. Симоненко пишет стих «Наказание» — о счастье быть изгнанным из рая.

Итак, сколько бы ни продолжать это сравнение, не только все параллельные прямые никогда не пересекут друг друга, но и прямая с кривой тоже не сойдутся никогда. Это, конечно, не означает, что кривая никогда не может стать прямой. Это не означает, что у кого-то есть право любить Симоненко, а кто-то этого права лишен. Нет. Но ведь В. Симоненко — не оперный тенор, которому с одинаковым азартом и одинаково «без последствий» для своего поведения могут апплодировать все — от философа до казнокрада. В. Симоненко — поэт совершенно определенной идеи и тот, кто заявляет о своей любви к нему, тем самым берет на себя и совершенно

определенные обязательства. Вполне можно его не признавать. Но не годится сегодня проливать слезы над Симоненко, а завтра, те же слезы будут капать на тяжело вымученный донос в «Литературную Украину» на Лину Костенко. Непристойно сегодня говорить о том, что тебя потрясла книжка Симоненко, а завтра, причем, как и вчера, вынюхивать и травить принципы Симоненко в украинской литературе; свою субъективную перепуганность выдавать за объективный закон природы и требовать ее от других, а свое положение, свой авторитет и свое знание использовать не для поддержания честного направления в литературе, а для того, чтобы набросить дымку интеллигентности на свои весьма корыстные функции жандарма от литературы.

Одним словом, таким людям надо сказать: льете слезы над Симоненко, заверяете, что любите его, — так учитесь у него быть людьми, а не теми доносчиками и фарисеями, про которых Шевченко сказал:

*»О род суетный, проклятый,
Когда ты сдохнешь? !.«*

Полезные адреса:

Лина Васильевна КОСТЕНКО, поэт, Киев, бульв. Лихачева, д. 8-б, кв. 20.

Леонид Николаевич НОВИЧЕНКО, Киев, пер. Коцюбинского, д. 3/17, кв. 30. Тел. 4-73-57.

(Просим читателей не упускать возможности звонить этому пережитку культа и передать устно то, что закон не позволяет нам передать письменно.)

РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Армянская писательница Есаян Забел родилась в Турции и жила в Париже. Жила, поживала, добра наживала. Но потянула ее женская любопытность к скалам советской Армении. Посетила она эту сказочную страну в 1927 г. и по возвращении написала путевые заметки под заглавием «Освобожденный Прометей». А в 1935 году переехала в страну Прометеев читать лекции в Ереванском университете.

*Тут все покатилося, тут все повалилося,
И не помню больше я, что там с ней случилось.*

Сначала профессоршу назначили в местную тюрьму и дали ей пару браслетов с прочной железной цепью. Затем решили освободить специалистку по Прометеем от тяжелой проволоки и в 1937 году расстреляли.

НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

Девятый Вал — журнал издаваемый в Петербурге в 1906. Вышло всего два номера.

Девятый вал — роман чешского писателя Виктора Дыка, 1930.

Девятый вал — сталинский роман Эренбурга.

ХОРОШО ОТРАБОТАННЫЙ РОМАН

Чувашского писателя В. И. Краснова-Асли нельзя упрекать в поверхностном отношении к своим произведениям.

Первую книгу своего романа «В гору» он выпустил в 1929 году. Писатель был недоволен своим произведением и решил его переделать. Новая редакция вышла в 1959 г. Затем писатель взялся за вторую часть романа и выпустил ее в 1964 г. Роман был закончен в течении 35 лет.

На протяжении почти всего этого периода писатель содержался на всем готовом в концлагере.

Наум Однопозов

ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Привет, старик, привет!
Я счастлив — тесен свет,
и фонари горят,
и лошади дыбят
над питерским мостом.

Пиитов страшен сон,
но книги продают —
и словно хлеб дают,
и словом одарят
как тыщи лет назад.

И слова строен храм
на зло всем комчертям,
а поглядишь вокруг —
нет виселиц, мой друг.
А если вдруг и есть,
и если их не счесть,
то все сгорят они
от слова. В наши дни.

И в четырех стенах
не будешь нем как прах,
и вековой гранит
тюрьмой не удивит,
и жизнь не украдут,
и темя не пробьют.
И мир не лжив, брат, нет,
хоть в мире — тень и свет.

И будет от веры
толк,
ибо поэт —
он бог,
ибо поэт — он! —
свет,
и ярче и чище —
нет.

И даже в мире
иллюзий,
и даже в мире
закатов
его одобрят
люди
и боги
своею печатью.

8. 12. 63, Рига

ПИТЕР

Нева закована в гранит.
Но март придет — и загремит!
И с полыньи начнется старт,
и будет в пеньи птичьим март.

Избелит изморозь асфальт.
Он сразу высохнет на ять,
и будет классов мишура —
так март встречает детвора,

так растворяются сердца,
когда им трудно в тихом гневе,
так из крашеного лица
творяют по набережным Еву.

Походка твердая легка,
но обгоняет ноги разум,
да кое-где уже алмазом
блестит петровская река.

ПОЭТ

Я сегодня проспал до полудня,
и ко мне, когда был в забытьи,
шли толпой нагрешившие люди
и молили грехи отпустить.

Шли убийцы, тираны народов,
лжесвидетели и стукачи,
обозлившиеся уроды
и обыденные трепачи,

бюрократы — мучители массы,
у которой все руки в крови,
и болваны всех наций и классов,
из которых она состоит,

и спесивые дети элиты,
и крикливые дети мещан,
шли садисты и антисемиты,
коммунизм шел и шел ку-клукс-клан,

шел Иосиф, за ним — супостаты,
палачи, и цари, и рвачи,
переученные прелаты,
недоученные врачи . . .

Так они человечно молили,
что мольбам и рыданьям я внял,
семисвечник зажег я старинный
и навек отпущенье им дал.

И тогда, без суда и без судей,
за безмернейшую доброту
очищенья молившие люди
пригвоздили поэта к столбу.

Но воскрес я, хоть спал до полудня,
и, все гвозди без слез удалив,
вспомнил толпы — и бездну безлюдья —
и уже никого не простил.

4. 6. 63

Поставили в Румбуле памятник жертвам фашизма.
На открытии евреям слова почти не дали . . .
Выступали русские и латыши.
Хорошо выступали.
Хорошо говорили.
Как тяжело жилось русским при гитлеровцах.
Как тяжело пришлось латышам при немцах.
Как прекрасно жить
в коммунистическое время.
Вспомнили, как гитлеровцы убивали невинных.
Как русских и латышей стогнали к ямам.
Как детишек перебрасывали
со штыка на штык.
Очень красиво говорили
коммунисты и беспартийные.
А потом и сам памятник открыли.
Только о том,
что в Румбульском лесу
на каждые сто трупов,
лежащих в общей могиле,
девяносто девять — еврейские,
не говорили.
Просто забыли.
По негласному приказу
гестапо и горисполкома.
Но главное — памятник.
Он открыт.
На нем надписи.
На русском языке.
На латышском языке.
На еврейском тоже (полгода хлопотали).
Еще главнее и важнее — стройка.
Той самой новой советской рабоче-крестьянской жизни,
в которой участвуем мы все.
В которой, по словам товарищей из ЦК,
нет места антисемитизму.

ХРИСТОС И МАГДАЛИНА

Памяти Б. Л. Пастернака

Когда его распяли, наконец,
все были очень довольны.
Шумно и весело все разошлись.
Обменивались новостями
и анекдотами из жизни римлян.
Давились от смеха,
заслышав ответы армянского радио
на вопросы радиослушателей
о жизни
в подвластной Пилату провинции.
Распятый уже не тревожил,
конец его их целиком успокоил.

Разбрелись по домам.
Хорошенько попили, поели.
Кто — грамматики мудрость зубрил,
кто — серебряники считал,
кто — возился в постели.
Чтоб народ — хоть в количестве
да прибавлял.
И хотелось подонкам,
рожденным холодными,
с жабьей ухваткой,
поверить
в полное
от пророка Христа
избавленье.

Потирал свои потные ручки Иуда.
Хааррашшо рассчитал!
Платят римляне, право, не худо!
Дачку можно построить!
С ваннами, зимним бассейном,
с бетонированным гаражом.
»Жить —

удивительно

и

хорошо!

А в нашей
буче,
боевой и кипучей,
и того
лучше!«

А друзья были верными,
да побоялись вмешаться.
Все ведь может случиться!
А вдруг и всамделе Иисус
был шпионом?!
Кто из них
от тюрьмы застрахован?!

И, кроме того, ведь ими,
учеными,
давно уж доказано,
что его воскресение,
загадочное,
но исторически верное,
лишь вопрос
промежутка времени.

Все они знали,
что им не терпеть на крестах,
дураки ли,
чтоб вписывать кровью
в историю имя!
Все ощущали боязнь
благородства Христа,
столь неугодного
толстым прислужникам Рима.

И падали звезды
в песок иудейской пустыни,
и седые евреи
писали трактаты пудовые,
и толпа веселилась.

А сердца оставались пустыми.
Только плакала женщина,
белокожая
и бедовая.

Только плакала женщина,
слышшая всем-всем
доступною,
только плакала женщина,
впившись ногтями
в пустыню.
Слезы были как звезды —
горячие,
красные,
крупные.
Только плакала женщина —
падшая Магдалина.

Приходил. Говорил,
что смертельно
устал
от дурацкой сумятицы.

Приходил. Говорил,
что креста
снилась черная-черная
кварта.

Не снимал,
а скрывал
ее тонкое,
в мускусе,
платице,
и всегда
чуть живую
ее выпускал из объятий . . .

В перерывах рассказывал —
смысл всего — наслаждение.
В перерывах рассказывал —
холодно
в горах познания,
никому не дано
перейти через пропасть
Пространства и Времени.

И пророчил Любовь,
как пророчат бессмертие
раненым.

И они хохотали
над жирным плюгавым Иудой
и над узаконенным
идиотизмом толпы,
и они забывали,
что оба — лишь смертные, люди.
Но никак
не могли
позабить,
что они —
не скоты.

Приходил. Доводил
до рыданий,
угроз
и проклятий.
Иногда,
как сквозь дым,
им мерещилось
ложе
распятьем.

— В этом мире,
где все,
как на сцене,
фанерно-смешно, —
говорил Иисус,
когда Магдалина сердилась, —
все
должно быть свободным,
святое оно
иль грешно.
Потому что не будет того,
что уж было,
потому что божественна искренность.
потому что — он верил! —
все лучше
становятся ближние . . .

На кресте,
от страданий,
из глаз его
сыпались искры,
а из них
вырастали цветы,
как стихи — голубые и рыжие . . .

Но толпа
не заметила их,
она торопилась
напиться.

Только слух
уже нес по земле
его странное имя,
и рыдала беззвучно,
ногтями
впиваясь
в пустыню,
потерявшая все —
и поверившая Магдалина.

И
кружится,
наполнена смехом
и страхом,
Земля.
И больны
честолюбием
грешные боги
и люди.

И
опасно
Христом быть.

Поймите —
Христом быть
нельзя,
если т о л п ы
приветствуют
подвиг
Иуды.

1962 г.

Примечание. В апреле 1962 года стихотворение было прочитано на Вечере Русской Поэзии в аудитории филологического факультета Рижского Университета. После овации преподавателями был объявлен перерыв в программе, а после перерыва началась «критика», вызвавшая смех в публике. Дело осложнилось из-за присутствия в зале нескольких уполномоченных КГБ (так мне сообщили потом)... В газете «Советский Студент (Падомью Студентс)» 27 апреля появился отчет о вечере под названием «Вечер начинающих поэтов» (вероятно, побоялись озаглавить «Вечер русской поэзии»). Вот они, «перлы»: «Выступавшие студенты и преподаватели (Полоцк, Пабауская, Гринфельд) единодушно осудили «произведения» Однопозова, отражающие индивидуализм, содержащие политические ошибки. В заключение вечера выступил писатель Н. Задорнов. Он резонно заявил, что на вечера поэзии надо приглашать членов Союза советских писателей поэтов, а не прозаиков... В подготовке и проведении вечера обнаружались серьезные недостатки и ошибки организационного порядка. Прежде всего, выявилось, что молодые поэты плохо воспитываются, их творчество часто лишено высоких идей, духа времени. Однопозов позволил себе непозволенное: читал вредные стихи, чтение которых не предполагалось... Никто из студентов и преподавателей не дал отпора неправильным выступлениям отдельных участников вечера. В дальнейшем эти недостатки будут решительно устранены». И т. д.

За подписью — *«Кафедра русской литературы».*

ЛИРИКА

Я жду тебя на привокзальной площади,
здесь люди, онемевшие как лошади,
здесь люди, отупевшие до жалости,
способные на всяческие пакости,

способные убить по приказанию,
глаза их — жабы, скользкие касания,
их души — мельче блох, грязнее мусора.
их провокациям всю жизнь учили, мучая

Я жду тебя на привокзальной площади,
а эти люди ходят здесь и мочатся
друг другу в души, откровенно радуясь,
что делают другому тоже гадости.

В стране, где жизни бег жесток,
где краток шаг и миг короток,
я жил не ради бранных строк,
не ради денег или шмоток.

Я просто жил на тех путях,
где все мосты враги взорвали,
где злоба, зависть к умным, страх
и ненависть в толпе возрастали,

где быть чуть выше — значит смерть,
где ниже быть — быть идиотом, —
почетно. Где убить уметь
похвально. Где не дремлет око

невежд. И в той стране лишь мы
на подлость наложили вето,
культуры тайные сыны,
свободы верные поэты.

Мы, повсеместны и сильны,
сегодня пламя — не огарки!
Во всех углах тюрьмы-страны
читаются пишмашподарки.

И я предсказываю ей
одну — для нас и для народа,
одну — без тюрем и лагерей,
одну — на жизнь и век — свободу.

Да будет свято время то,
когда народ спасли стихами.
когда снимали боль и стон
магнитофонными витками.

В стране, где жизни бег жесток,
где краток шаг и день короток,
я жил не ради лживых строк,
не ради славы лжепророка.

ПО ВЕЛЕНИЮ ВРЕМЕНИ

Когда, по велению Времени,
итог мы подводим всему,
в нас прежнее бьется знамение,
и жизнь не мешает письму.

Тенями колышутся близкие,
но мы остаемся одни
над книгами или записками,
и тянутся страшные дни.

В их мрачно-глухой монотонности,
в законности этих минут,
бывает с медвежью полостью
над просекой сани несут.

И кто-то невидимый гикает,
и кони незримые рвут,
и только завесою тихою
снежинки на морды их льнут

и тают, все так же невидимо,
и знаем, все так же одни,
что ждет нас овраг неожиданный
и темная пустошь зимы.

И знаем — не будет в селении
людей, чтобы выйти помочь,
когда, по велению Времени,
настигнет нас черная ночь.

Пройти гряды библиотек.
Богему всех столиц и наций.
Искатель тайн и человек —
самим собой в миру остаться.

И ранним утром, в Солнца медь
впиваясь взглядом бедуина,
прийти, молясь, и умереть
в чужих камнях Иерусалима.

* * *

Когда умирает политик, его
последний разок операторы втиснут
в кусок перфорированного вранья,
всю ночь некрологи редакторы пишут .

Когда умирает рабочий, поют
и пьют на поминках друзья по работе,
и долго судачит с подругой вдова,
идти за другого ей или помешкать . . .

Когда умирает крестьянин, село
старается высадить травкой могилу,
чтоб были жирнее удои коров,
пасущихся вечно на старом кладбище . . .

Когда умирает сапожник, стоит
попрежнему очередь около двери,
надеясь, что парень ушел на обед
и скоро вернется стучать по подошвам .

Когда умирает чиновник, в бюро
красуется долго портрет его в рамке,
и долго не может начальство решить,
кого посадить на свободное место . . .

И только когда умирает поэт,
когда умирает актер или художник,
трамваи звенят, ребятишки кричат,
танцуют студенты, смеются матросы,
и люди не верят, считают, что ложь,
и это похоже на апплодисменты.

ПЕСНЯ

Не все ли равно,
на каком углу
сто-ять . . .
Не все ли равно,
на каком костре
гореть . . .
Не все ли равно,
на каком кресте
рас-пать . . .
А вот предавать —
не уметь, не уметь.
Не все ли равно,
какие снега
ме-тут . . .
Не все ли равно,
какие дожди
ко-сят . . .
Какие ножи, какие штыки —
все — в грудь . . .
И все не уметь, не уметь
предавать . . .
Не все ли равно,
ку-да,
не все ли равно,
убивают умных
где . . .

Ты веришь, ты знаешь —
убьет Доброту Судьба,
а вот подчиняйся
безумной Судьбе . . .

А годы бегут,
минуты бегут
стрем-глав . . .
И так беспощаден
по залам пустым
твой путь . . .
И взорваны все мосты
и по-ез-да
обратно уже
никогда не вернуть . . .
А руки людей
всегда холодны
как лед . . .
А исключений-то —
времени нет
ис-кать . . .
И Слово тебя
вот-вот на лету
со-бьет . . .
И это — судьба
Неизвестных Солдат.

27. 2. 65. Рига

КОРРИДА

Владимиру Ромеру

Израненный бык
убежал я
с арены.
Дрожат бандерильи
в пробитом хребте.
А небо
арены
синее
сиены,
не боль
и не бой бы —
травы мне
да в тень.

Я знаю,
служитель
в смятении
замер.
В надежде —
скорей бы он
кровью
истек . . .
А потный торреро,
пьянчуга и фраер,
уж издали
мчится
подправить
бросок.

Летит его
красная
в золоте
шляпа,
и в золоте
сбруя
тупицы-коня.

Но пусть они
мчатся —
не рос я
кастратом,
крепки
от рожденья
рога у меня.

Кричат . . .
Это бесится люд
на трибунах
(такое дерьмо,
только кровью живет) . . .
Что ж,
я покажу им
сейчас,
как безумен
плебейский
запал
и плебейский расчет!

Я жду.
Эта шляпа
все ближе
и ближе . . .
Простецкая рожка . . .
Видать, из разинь . . .
Рога,
НА-ПРЯ-ГИ-ТЕСЬ!!!
Торреро, смотри же
на зелень травы
и небесную синь!

Смотри,
обоняй,
осязай!

Это — вольность!
Бык — муж,
а не вол,
он в ярме не умрет.
Но, видно,
тебе
самому
заколось
подставить
рогам
свой служивый живот.

Прислушался б
лучше ты
к песням
поэта,
почувствовал нежность
девичьей щеки . . .
Пойми,
это их
защищают
от смерти
на гибель
прописанные
быки.

Не хочешь?

Ну что же, торреро,
арена
(система)
тебя
заставляет
спешить.
Увидишь ты небо
синее
сиены
в тот миг,
когда страшно
захочется
жить.

Когда позади
и деньжата,
и слава,
а жизнь палача
(да,
не жизнь игрока!)
трепещет
на крепких
рогах —
не
на лаврах —
израненного
как Россия
быка.

ОТКРОВЕНИЕ

Ты знаешь, я уже чувствую —
здесь
будет пустыня.
Рекламные яркие трубки
обреченно пусты.
Пусты души людей,
уста и сердца пусты их,
пусты волны реки,
пусты рельсы путей.

Правда, по ним вагоны
катятся.
Как будто спешат
побрататься
со смертью.
А в вагонах
молчат мертвецы.
С газетами.
Не могут начитаться досыта.

Завидуют кому-то.
По-мелкому все торопятся.
Им всем хочется,
чтобы войны не было.
А она
будет.
Потому что сейчас
уж очень мелки люди.

Я говорю о всех.
Без исключения.
То есть о себе тоже.
Не сердитесь поэтому
на меня.
Кроме искренности
во мне нет ничего.
Если б вы знали,
как мне надоело
мое эротично-усталое,
длинноносо-ленивое лицо,
которому так и хочется
оглянуться.

Чтобы увидеть
красивые ноги
красивых женщин.
Это — прежде всего!
Это — не грязно.
Это — прекрасно.
Ведь с женщиной связаны
любовь,
жизнь,
новый человек,
разделенный смех.
А чаще всего —
любовь и радость,
бессонные ночи,
бессонные дни,
когда шторы на окнах кричат,
кричат о ласке и радости.

Обычных. Божественных.
Вечных.
А главное — человеческих.
Ведь человек не создан
убивать.
Он для любви создан.
Через плечо
я и деревья вижу.
Они
не зеленые.
Они —
рыжие.
Они очень любят
смеяться.
И очень любят
жизнь —
влюбленных,
троллейбусы
и собак.

Собаки тоже
рыжие.
Потому что они
не воют.
Война из-за самки —
это ведь не война.
Вот было бы хорошо,
если бы люди
научились жить
так чисто,

Уж очень мелки сейчас
люди.
Пусты души людей,
уста и сердца пусты их.
И очень пахнет войною.
Войною людей.
И пустыней.

1962 г.

ПУШКИН

Двадцатый век.
Но я
не в Ленинграде.
Я в Питере.
В немом Санктпитербурге,
где льнут к царю
сановнейшие
шлюхи,
где грабят Русь
во всю
»аристократы«,

где сосланы
на гибель
декабристы,
где стал шпицрутен
талисманом власти,
где при дворе —
лишь грязненькие страсти
и ни единой
человечной
мысли.

Где
по корону
царь
погряз
в злодействах,
где Бенкендорф
следит
за каждым
взглядом,
где
в праздники
военные парады,
но зреет
революция
предместьев.

Где есть
на Мойке
дом.

И в доме этом
по вечерам,
оставив Гончарову,
талантом редким
заклинает Слово
издерганный поэт . . .
До самого рассвета
горит свеча
в его библиотеке,
в глазах-мирах
Поэзия искрится,
и ей подвластны
немочь кровопийцы,
и вера в Русь,
и вера в человека,
и вера в честь,
и вера в откровенье . . .

Волшебен скрип
гусяного пера
по белому листу.
До самого утра
курчавый силуэт
дрожит
на окнах
тенью . . .

. . . . .

Поэт
убит.
И в рыжий дом на Мойке
я прихожу —
и почему-то плачу.
Хоть и мужчина —
не могу иначе.
(А может быть,
иначе и не стоит).

Да, честь хранить
и совесть —
нелегко,

рисковано
в стране,
где Слово —
в гетто!
Но к свету,
к свету
столько раз вело
Россию
откровение
поэта!

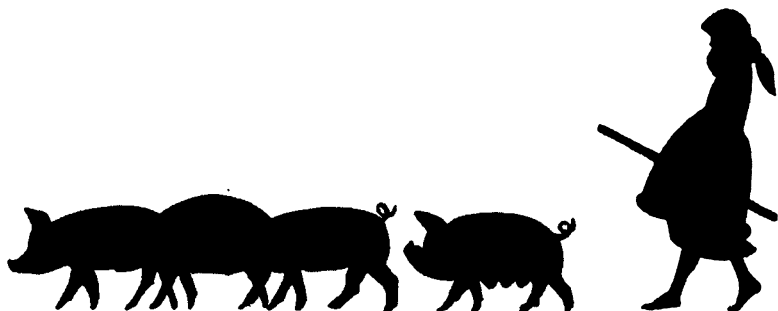
О, боже, боже,
как же тяжело
твоей руки
святой
прикосновенье
в стране,
где битое
в крови

стекло
у ног босых
Стиха,
Мазка
и Пенья!

И хоть в бреду
великий град Петра,
верь —
затрубит
Свободу
город мгlistый,
и честь страны
спасут они,
вчера —
поэты,
а сегодня —
декабристы.

Стихотворение читалось на вечере поэзии в рижском кафе «Юность» зимой 1961 года, после чего в вечерней газете «Голос Риги (Ригас Балсс)» появилась статья, в которой «врач-графоман» обвинялся... в порнографии. Стихотворение вызвало овацию.

Стихи напечат. под именем Однопозова (а также соотв. замечания) были получены по почте от неизвестного человека. Мы не знаем существует ли Однопозов в действительности или это псевдоним другого поэта.

С О В Е Т С К И Й Ф О Л Ь К Л О Р

Во всех странах мира, за исключением Советского Союза и стран с подобным политическим режимом, развитие культуры приводит к исчезновению фольклора. Талантливые народные поэты, умеющие читать и писать, предпочитают печатать свои стихотворения или любые произведения (как, например, песни), в существующих журналах, или выступать по телевидению. При существовании густых сетей библиотек и грамофонных пластинок, отпадает надобность в запоминании стихов или песен.

Фольклор исчезает в настоящее время даже у эскимосов, так как все их дети ходят сейчас в школы и учатся в техникумах и университетах.

В современных условиях культуры фольклор может процветать только в странах диктатуры, где поэты не могут печатать свои стихи по политическим причинам. Но даже и в этом случае он не может сильно развиваться, так как существует возможность печатания этих стихов в других странах. Испанский поэт, проживающий в Мадриде имеет всегда возможность напечатать свои стихи в Южной Америке, если они направлены против Франко. Ни одна западная диктатура не дошла до того, чтобы расстреливать поэтов за их стихи, и Маноле Глезос был в греческой тюрьме не за свои стихи, а за свою деятельность, направленную на свержение легального правительства.

С.С.С.Р. — это единственная страна в мире, где условия для развития фольклора не только не исчезли или ухудшились, а наоборот: советское правительство и коммунистическая партия создала такие условия для фольклора, которые русский народ никогда раньше не имел. Во-первых, культурный уровень русского народа на много поднялся по сравнению с культурным уровнем царского времени. (Нужно заметить однако, что это же

явление произошло и в любой африканской колонии). С другой стороны, советская цензура превзошла в несколько раз самых страшных царских цензоров. Другими словами, в СССР развитие культуры привело к увеличению количества людей, которые имеют возможность высказывать свои идеи в поэтической форме, но с другой стороны, возможность печатания этих идей сократилась настолько, что русские поэты (мы не говорим об официальных писцах) находятся в условиях догутенбергских времен, т. е. в стране без типографий. Нужно согласиться, что для поэтов, как Иосиф Бродский нет никакой разницы между полным отсутствием любой типографии или существованием типографий, в которых он никогда не может печатать свои стихи.

Таким образом в СССР существует сегодня масса людей, способных составлять песни и стихи, но не имеющих возможности нигде печатать их. С другой стороны эти люди помнят, что еще 30 лет тому назад в Советском Союзе было уничтожено больше тысячи поэтов разных национальностей за выражение своих чувств. Если бы у них была даже возможность печатать эти стихи, то очень часто они предпочли бы печатать их без всякого имени.

Советская пресса предпочитает всегда избегать дискуссии на острые современные темы и это приводит к необходимости разбирать эти вопросы вне прессы. (Следует вспомнить, что Хрущев предостерегал редакторов советских газет в 1963 году — не печатать материалов о концлагерях, так как это опасный вопрос и редактор не всегда может поставить его правильно).

Русский народ, однако, чувствует потребность, как и все народы мира, выразить свое негодование или свою злобу, свои желания и стремления, а иногда даже радость, хотя условий для большой радости у него нет. Все это привело к появлению невероятно большого количества песен и анекдотов, которые передаются из уст в уста, заучиваются на память, нигде не записываются (из-за страха возможности полицейского розыска) и подвергаются постоянной переделке либо для того, чтобы сделать их современными, либо для того, чтобы их улучшить. Авторы этих песен остаются всегда неизвестными и очень часто, как в любом народном творчестве,

окончательная форма их произведений, подвергаясь поправкам тысячи авторов, превращается почти в новое произведение. Рассматривая современный советский фольклор можно заметить, что во-первых, в нем есть много песен созданных еще в царское время, но измененных таким образом, чтобы они соответствовали современным условиям. Например, песня царских гимназистов имеет куплеты, как например:

»В небесах был совет,
И решил комитет,
Что Владимир святой исключается«.

Другая часть песен, это песни, которые были созданы сейчас же после революции, но »вышли из моды« сейчас же после Ежовщины, когда их пение вело непосредственно к ссылке или расстрелу. После 1956 года в период оттепели все эти песни вошли вновь в моду, их начали петь на вечеринках и подвергать частичным поправкам для согласования их с современной действительностью.

В третью категорию входят песни и анекдоты, созданные в послевоенный период, т. е. с 1945 года и до настоящего времени. В этих песнях советские певцы жалуются на социальную несправедливость, на то, что многие, которые воевали на фронте, были посланы в концлагеря, а те, которые не воевали, а сидели в тылу, были награждены медалями за смелость. Советские народные певцы жалуются в своих песнях на отсутствие товаров в магазинах или на черном рынке, выражают свою злобу за то, что им не дают возможности путешествовать по земному шару, издеваются над современным режимом, который они рассматривают как что-то временное, выражают свое недоверие всяким официальным обещаниям. Когда Хрущев обещал, например, им, что коммунизм будет достигнут в течение 20 лет, то в России появилось новое выражение »До прихода коммунизма« имеющее смысл: на всю жизнь, или до бесконечности. Например, советский гражданин, купив пару западных туфель с необычно толстой резиновой подошвой, воскликнул: — Вот это, да! Такая подошва выдержит до прихода коммунизма (т. е. — ее не сносить).

В Сталинское время настоящий фольклор (мы не говорим здесь о фольклоре созданном советскими писателями, и выдаваемом за »фольклор«) мог развиваться

без опасности, только в советских концлагерях. Там находились лучшие люди советского общества, там были тысячи людей, которые печатали свои стихи в советской прессе перед тем, как попасть в концлагерь. Там был создан вероятно самый интересный советский фольклор. (Мы имеем в виду именно советский, а не русский, так как все национальности принимали участие в его создании).

В настоящее время вероятно 25 процентов советских песен, которые поют на вечеринках и которые не могут быть напечатаны ни в одном советском журнале, это — песни о концлагерях и тюрьмах.

Сотни лет тому назад у южно-славянских народов существовали песни о «гайдуках», т. е. о разбойниках, которые скрывались от властей, жили в лесах и боролись против полиции, жандармерии, армии и проч. Эти гайдуки рассматривались простым народом, а со временем даже и высшим обществом, как народные герои.

В современном советском фольклоре замечается весьма подобное явление. На вечеринках поют сотни песен о ворах. Это единственные свободные люди Советского Союза, они не подлежат законам, у них нет материальных недостатков, карманы набиты деньгами, у них есть любовницы и все, что им нужно. Они грабят не людей, а правительственные учреждения. А полученные таким образом деньги — дарят менее храбрым, «честным» русским людям. Они имеют свои машины, катают девушек, одеваются элегантно, как лорды, умеют держать секреты, а смерть встречают храбро и без раскаяния. У них была интересная и богатая жизнь, а не жизнь «черных рабов», обыкновенного гражданина, перебивающегося от получки до получки. Для советской молодежи воры в этих песнях, это такой же идеал, как в старое время были гайдуки.

Они настолько популярны, что вошли даже в стихи известных поэтов, как Еvtушенко или Вознесенский (. . . Две сберкассы я ограбил и девченок двух обабил, — Евгений Еvtушенко. См. Студент № 4).

Они сто раз судились, плевали на расстрел,
Сухими выходили из самых мокрых дел . . .

(А. Вознесенский: «Мой любовный дневник»,
Флегон Пресс)

Большой популярностью пользуются песни о «плотской» любви, не поощряемые советской прессой («Голый Фауст» и пр.).

На следующих страницах мы печатаем тексты советских народных песен, частушек и анекдотов, которые по нашему мнению, можно рассматривать, как социальный документ отражающий советскую действительность с первых дней революции и до настоящего времени.

В следующем номере будем продолжать печатание народного творчества.

Просим читателей извинить нас за низкий вкус некоторых фольклорных произведений. Печатание таких произведений объясняется тем, что наш журнал не преследует как цель воспитание широких масс, а правдивое отражение советской действительности.

АРМЯНСКОЕ РАДИО (Народный Юмор)

— Что будет — закон посредине воды?

— Прокурор в ванне!

* * *

— Что будет: сидит в хлеву, ест сено и овес и видит задом также, как и передом?

— Слепая лошадь.

* * *

— Можно ли убить тещу полотенцем?

— Да, если в него завернуть утюг.

* * *

— О чем думает курица, когда удирает от петуха?

— Не очень ли она быстро бежит.

* * *

— Можно ли использовать женщину восемьдесят раз за ночь?

— Да, если ночь полярная.

* * *

— Можно ли изнасиловать женщину на бегу?

— Нет, так как подняв полу женщина бежит быстрее мужчины со спущенными брюками.

* * *

Многие слова русского языка которые на протяжении сотни лет имели свое определенное значение, потеряли большие семан-

тические преобразования в советском говоре. Вот например сегодняшнее значение слова правда.

Вопрос: »Правда ли что академик Амбарцумян выиграл в лотерее 50,000 рублей?«

Отвечаем: »Правда! Но не академик, а швейцар, и не в лотерее, а в картах, и не 50,000 а только 5 рублей, и не выиграл, а потерял!«

ЧАСТУШКИ

Записаны Е. Евтушенко

Куры дуры верещат —
Потерялся кочет
Мои губы аж трещат —
Целоваться хочут!

*

Ах ты, мой незряченький,
Все те невдогад.
Я — чугун горяченький,
Чо ж ты не ухват?

*

Не гляди, чо баба вдова,
Чо стара я на лицо.
Я как шишечка кедрова —
Все орешки на лицо!

*

Хошь меня в прикуску ешь,
Ну а хошь в накладку.
Уж ты съешь меня, утешь,
Только не в приглядку!

*

Эх, ещо, ещо, ещо,
Чо бы стало хорошо,
А не станет хорошо,
Все равно, ещо, ещо.

КИРГИЗСКИЕ ЧАСТУШКИ

Улонг айтыс

Улонг-айтыс — состязание импровизированными стихами, в котором участвуют юноша и девушка (чаще всего на свадьбах). Состязание ведется иногда в очень нескромном тоне.

— Ветер сбил мою кибитку,
Как верблюдицу верблюдов.
Дайте, девушки-красотки,
Мне, бездомному, приют.

— Между месяцем и солнцем
Много верст рассыпал Бог.
Поищи в степи просторной
Для себя иных дорог.

*

— Хорошо в седле татарском
По степи весь день скакать.
Будь мне девица попоной,
Не хотел бы я слезать.

— Если дерево большое,
От него большая тень.
Если девица не любит,
Полюбить ей, значит, лень.

*

— Я на дерево не влезу ль? —
Дашь твою потрогать грудь?
Не спуститься ль мне на землю? —
Дашь потрогать что-нибудь?

*

— Где растет трава густая,
Я пасу своих коней.
Мне желаннее, милее
Та, что волосом черней.

ЛАТЫШСКИЕ ЧАСТУШКИ

Вот времечко желанное,
Не жизнь, а сладкий сон!
Начальство пьет стаканами,
Мы ведрами дерем.

* * *

Мужики в деревне слабы,
Без приплода ваши бабы!
Ну, раз ваши уж не могут,
Хуторские вам помогут!

* * *

Когда с тобой мы встретились черемуха цвела,
И в парке тихо музыка играла,
А было мне тогда еще совсем немного лет,
Но дел уже наделал я немало.

Лепил я скок за скоком*, и на утро для тебя
Бросал хрусты* налево и направо,
А ты меня любила и часто говорила: —
Житье бластное хуже, чем отрава.

Но дни короче стали, и птицы улетали
Туда, где только солнышко смеется,
А с ними мое счастье улетело навсегда
И понял я, оно уж не вернется.

Я помню, как с Фаршмаком ты стояла на скверу
Он был бухой*, обняв тебя рукою
Тянулся целоваться, просил тебя отдаться,
А ты в ответ кивала головою.

Во мне все помутилось и сердце так забилося,
И я, как этой фрайер зашатался
Не помню, как попал в кабак, и там кутил и водку пил
И пьяными слезами обливался.

Однажды как-то ночью я встал вам на пути.
Узнав меня ты сильно побледнела
Его я попросил в сторонку отойти.
И сталь ножа зловеще заблестела,

Потом я только помню, как мелькали фонари
И мусора* в саду кругом свистели.
Всю ночь я прошатался у причалов до зари,
А в спину мне твои глаза глядели.

Любовь свою короткую хотел залить я водкою
И воровать боялся, как ни странно
Но влип в историю глупую, и как-то опер-группую*,
Я взят был на бану* у ресторана.

Сидел я в Всесознайке, ждал от силы пятерик,
Когда внезапно вскрылось это дело
Зашел ко мне Шапиро мой защитничек старик
Сказал — не миновать тебе расстрела.

Потом меня постригли, костюмчик унесли,
На мне теперь тюремная одежда
Квадратик неба синего и звездочки вдали
Сверкают мне, как слабая надежда.

А завтра мне зачтется мой последний приговор
И снова детка встретимся с тобою,
А утром поведут на наш тюремный двор,
И там глаза навеки я закрою.

* * *

Да я не скрою, да я не скрою,
Я познакомился весною,
С одной дамой молодой.
А у нее . . .

Дует, дует ветерок,
Ветерок, ветерок, поддувает ветерок,
Ветерок дуй, дуй!

Дама обнимает, ах обнимает, ах обнимает,
К себе на дачу приглашает.
Ну как тут было устоять?
Ведь у нее . . .

Дует, дует ветерок,
Ветерок, ветерок, поддувает ветерок,
Ветерок дуй, дуй!

Прихожу я к ней домой, к ней домой
Муж встречает вот такой, вот такой.
Муж меня хватает и обнимает, и прижимает
И вниз по лестнице спускает,
А в ней ступенек шестьдесят.
Пока летел пел —
Дует, дует ветерок, ветерок,
Ветерок дуй, дуй.

Поломал я руки, порвал все брюки,
порвал все брюки
И после этой самой штуки
Я больше к дамам не ходок,
Потому, что у них
Дует, дует ветерок, ветерок
Поддувает ветерок, ветерок
Дуй, дуй.

* * *

Пускай бренчит гитара звонкая,
А мы вдвоем с тобой пройдем,
Пройдем одни своей сторонкою.
Пускай ругают или хвалят-все-равно
Нам наплевать на самокритику
А тех, кто там пристанет к нам
Пошлем ко всем чертям.

Это кто же на скамеечке сидит?
Ах она, наша Валечка,
Смотри цыгана новенького подцепила
Сильна девка!
— А ты дурачек, что ты тут речи произносишь,
— Она нас двух не любит,
Она к другому прилипла.
Эх, расселся тут на виду
Ты ее в тень веди отпор от нее не получишь.
(Звук пощечины).
— Эй! Пошли цыган!
— Пошли, парень какой-то психованный.

А ну, милорд, возьми аккорд
Создай мне песней настроение,
Как видно тут нас не поймут
У нас другие точки зрения.
Пуускай ругают или хвалят
Все-равно. Нам наплевать на самокритику
А тех, кто там пристанет к нам
Пошлем ко всем чертям.

* * *

Цвели дрова,
В саду чирикали и квакали лягушки
А в том саду, а в том саду
Пел соловей, пел соловей.
А мы с Маруською
Молча шмекали ватрушки,
Потом пошли, потом пошли
С Маруськой в Загс
И расписались там для первого начала,
А что-бы брак, а что-бы брак
Наш закрепить, наш закрепить
Святая церковь нас
С Маруськой обвенчала.
Стояли мы, стояли мы
Пред алтарем, пред алтарем,
Держали свечи мы с таким большим фасоном
А пономарь (Апчхи! Партком)
Перекрестил нас колокольным перезвоном
Медовый месяц наш длился год
И счастье нам казалось даже близко,
Когда ж с Марусей, когда ж с Марусей
Мы съели мед, то убежденьями стали расходиться.
— Не называй меня на ты!
Пришли по почте мои рванные галоши!
Скажи зачем любовь крутила!
Скажи зачем платочек мне дарила!

* * *

Сам я Вятский уроженец
Много горького видал, да видал,
Всю Россию я объехал (с Алехой),
Даже в Турции бывал, дай, дай.

В Турции народу много
Турок много, русских нет, русских нет
И скажу я вам по чести
(С Алехой) жил я словно Магомет.

Много турок покалечил
На дорогах, Боже мой, Боже мой,
Кошелев по триста на день
(С Алехой) доставал одной рукой, дай, дай.

Турки думали, гадали
Догадаться не могли,
Собрались всем шалваром
(С Алехой) к шаху с жалобой пошли, дай, дай.

Шах им дал совет хороший,
Чтоб были целы кошельки, кошельки
Запирайте вы карманы, эх турки,
Да на всякие замки, дай, дай.

Ну, и тут я не промазал
Нигде промаху не дал, да не дал,
Долото достал большое (с Алехой)
Долотом замки сшибал, дай, дай.

* * *

Цыганка с картами
Дорога дальняя,
Дорога дальняя.
Казенный дом,
Быть может старая
Тюрьма центральная.
.....
Новое житье
Таганка.

Все ночи полные огня
Таганка.
Зачем сгубила ты меня
Таганка.
Я твой бессменный арестант
Пропала молодость, талант
В стенах твоих.

Прекрасно знаю я и без гаданья
Решетки толстые мне суждены.
А там по пятницам пойдут свиданья
И слезы горькие моей жены
Таганка.

Все ночи полные огня
Таганка.
Зачем сгубила ты меня
Таганка.
Я твой бессменный арестант
Пропала молодость, талант
В стенах твоих.

Иди любимая, иди хорошая
Иди кокеточка своей тропой,
Пускай останется глубокой тайною,
Что раз была весна для нас с тобой
Таганка.

Все ночи полные огня
Таганка,
Зачем сгубила ты меня
Таганка,
Я твой бессменный арестант
Пропала молодость, талант
В стенах твоих
Таганка.

Шлю тебе Тамара синеглазая
Может быть последнее письмо,
Никому его ты не показывай
Для тебя написано оно.

Рефрен:

Никому его ты не показывай
Для тебя написано оно.

Я сижу в Таганке, моя милая,
Проклинаю жесткую кровать
И не раз мечтаю поздно вечером
Милая тебя поцеловать.

Рефрен.

Я сижу и мой процесс кончается,
Мне судьба читает приговор
И чему-то глупо улыбается
Этот тупоглазый прокурор.

Рефрен.

Я еще раз оглянулся милая,
Но тебя нигде не увидел
И тогда шепнул на ухо рыжему,
Чтоб тебе письмо он передал.

Рефрен.

Говорят, что ты совсем фартовая
Даже перестала воровать,
Говорят, что ты совсем фартовая
Шабловку етала посещать.

Рефрен.

Шлю тебе Тамара синеглазая
Может быть последнее письмо,
Никому его ты не показывай,
Для тебя написано оно.

Рефрен.

Глупым дается радость
Нежным дается печаль,
Мне ничего не надо,
Мне ничего не жаль.
Да, да, да.

Жаль мне себя немного,
Жаль мне бездомных собак
Эта прямая дорога
Привела меня в кабак.
Да, да, да.

Что ж вы не пьете дьяволы,
Или я не сын страны,
Или я за рюмку водки
Да не закладывал штаны.
Да, да, да.

Внимательно смотрю я в окно
Воздух прозрачен и сух,
Мальчик стоит на улице
А он ковыряет в носу.
Да, да, да.

Ковыряй, ковыряй мой милый,
Суй туда пальчик весь,
Только с такою силой
В душу мою не лезь.
Да, да, да.

Я ведь такой не короткий
Глядь на бутылочек рай,
Я собираю коробки
Душу свою затыкай

Стихотворение написанное Есениным
превратилось в народную песню.

* * *

Я сын подпольного рабочего партийца
Отец любил меня и мною дорожил,
Но извела его проклятая больница
Туберкулез его в могилу положил.

Ну и оставшись без отцовского надзора
Я бросил мать, а сам на улицу пошел,
И эта улица дала мне кличку вора
И до решетки я не помню, как дошел.

А там пошло по плану и без плана
И в лагерях я побывал уже не раз,
А в тридцать третьем по скончанию канала
Решил на веки я с преступностью порвать.

Приехал в город, позабыл его название,
Решил на фабрику работать поступить,
Но мне сказали, что отбыл ты наказание
И просим, друг, наш старый адрес позабыть.

И так шатался я от фабрики к заводу,
Везде я . . . один лишь разговор,
Так для чего ж я добывал себе свободу,
Когда по старому, по прежнему я вор.

* * *

Когда фонарики кончаются ночные,
А мы на улицу боимся выходить.
Я неспеша иду, я никого не жду,
Я никого уж не сумею полюбить.

Сижу я на нарах, как король на именинах
И пью воду, когда другие пьют вино.
Капель стучит в окно, и мне уж все равно,
Я никого уж не сумею полюбить.

Дамы мне руки целовали, как шальные,
Одной вдове пропить помог я отчий дом
И мой нахальный смех имел всегда успех,
И моя юность раскалялась, как орех.

Жил я в шумном городе Одесса
Коса,
Много там блатных и фрайеров,
Там заборы служат вместо прессы
Коса,
Девки любят карты и вино.

Там жила хорошая девченка Женя,
За нее пускали финки в ход,
За ее красивую походку
Коса,
Колька обещал свести в кино.

В крепдешины я тебя одену
Коса,
Лаковые туфли я куплю,
Золотой кулон на грудь повешу
Коса,
И с тобой на славу заживу.

Крепдешина ты мене не купишь
Коса,
Лаковые туфли не найдешь,
Потому, как нет их в магазинах
Коса,
На базаре тоже не возьмешь.

Колька не стерпел такой обиды
Коса,
Кровью налилось его лицо
Из кармана выхватил он финку
Коса,
И вогнал под пятое ребро.

Ты меня не любишь, не жалеешь
Коса,
Разве я не молод и красив,
Без тебя не жизнь — отрав
Коса,
Вот за что тебя я погубил.

Выпьем за мировую,
Выпьем за жизнь блатную.
Ресторан и карты, и вино
Марьян*, молодых из бара
Карманщика Ивана
И что жил когда-то вор.
Эх, Марьян, молодых из бара
Карманщика Ивана
И что жил когда-то вор.

Парень он был красивый,
Статный, красноречивый,
Одевался с шиком он всегда.
Имел свою машину
Катал красотку Зину,
С шумом выезжая со двора.
Ох, и имел свою машину,
Катал красотку Зину,
С шумом выезжая со двора.

Любил носить бастоны,
Потом и чарльстоны
И в Ростове первым он был.
Любой курок пистона*
Тянул он у любого
И всегда любимчиком он слыл.
Долго он с ней катался,
Долго ею любовался,
Но однажды случилась беда.

Вместе со своей машиной,
Вместе с красоткой Зиной
Провалился в речку он с моста.
Так выпьем за мировую,
Выпьем за жизнь блатную,
Ресторан и карты, и вино
Марьян, молодых из бара
Карманщика Ивана,
И что жил когда-то вор.

Это было летом в жаркую погоду,
Когда сидели мы под липкою в скверу
В твоих глазах метался пьяный ветер,
Папироска чуть дымилася во рту.

Ты подошла ко мне похабною походочкой
И тихо на ухо шепнула мне — пойдём!
А через час поивши меня водочкой
Ты завладела моим сердцем, как рублем.

Я не был вором, а ты была блатная,
Ты уркаганом сделала меня,
Ты познакомила с малиной* и наганом
Итти на мокрую* не дрогнула рука.

Нас было пятеро фартовых ребяташек
И все барышники* имели барыши,
Четверых к стеночке поставили по делу,
Меня же надолго в тюрьму упекли.

Перчатки чарлстон, колесики* со скрипом,
Я на халатик тюремный обменял,
Я эти восемь лет много горя принял
И не один на мне волосик полинял.

Так что ж стоишь краснеешь и бледнеешь?
А ты такая, как восемь лет назад
С такой же гордою поднятой головою,
Так что ж дешевка опустила в землю взгляд?

С такой же гордою поднятой головою,
Так что ж дешевка опустила в землю взгляд?

Жулики и воры, злые атаманы
Выбирали новый комитет.
Речь держала девка
Звали ее Мурка,
Строгая и смелая была.

Надо начать дело,
Выпить захотелось
И пошли в шикарный ресторан.
Там звенит гитара
И танцует пара,
Мурка, да какой-то юный фронт.

Я к ней подбегаю,
За руку хватаю —
Мне с тобою надо говорить.
А она смеется
Ближе к фронту жметя:
Не могу с тобою больше жить.

В темном переулке
Костя встретил Мурку.
Здравствуй, дорогая, и прощай.
Ты зашухарила
Всю нашу малину
И за это жизнью отвечай.

Раньше ты любила
Сигарету »Тройку«,
А теперь не нужен даже и табак.
Раньше ты любила
Выпить с нами водку,
А теперь не нужен даже и коньяк.

Здравствуй, моя Мурка.
Мурка дорогая,
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину получай.

* * *

Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш,
Соломенную шляпу, в кармане финский нож.
А мать была артисткой, отец был генерал,
Сестрица гимназисткой, а я был хулиган.

Я мать свою зарезал, отца я застрелил,
Сестрицу гимназистку в уборной утопил.
И мать лежит в больнице, отец в сырой земле,
Сестрица гимназистка купается в г . . . е

И музыка играет, и барабаны бьют,
Меня за хулиганство на каторгу введут.
Теперь в тюрьме сижу я и думаю о том,
Как тетку Акулину убить бы кирпичем.

* * *

Прощай Валенчик, мой маленький котенчик,
Прощай Валенчик быть может навсегда.
Я сел в кичман*, и сам не знаю я на долго ли,
Прощай Валенчик и позабудь меня.

Ты будь попрежнему веселой и счастливой,
Найди по нраву себе мальчика хорошего
И полюби его всем телом и душой.

Меня ж прости, что сделал нехорошее,
Жаль, не могу тебя к своей груди прижать.
Последний раз забыл, клянусь, глаза невинные,
Последний раз забыл обнять, поцеловать.

Прощай Валенчик, мой маленький котенчик,
Прощай Валенчик быть может навсегда.
Я сел в кичман, и сам не знаю я на долго ли,
Прощай Валенчик и позабудь меня.

Приглашен был к тетушке
Прямо в дом — раздолье
Собралися с солнышком,
Как-то в воскресенье
Каждое утро с . . .
Вся родня у тетушки собирается.
Улица, улица, улица широкая,
Отчего ты улица стала кривобокая.

Были там у тетушки всякие копчения
Яйца со сметаной,
Винигрет с сардинами,
А свинья зажарена
Прямо с апельсинами.
Улица, улица, улица широкая,
Отчего ты улица стала кривобокая.

Сначала шли рюмочки,
А потом стаканчики,
А потом в глазах моих
Заплясали зайчики.
Я обнял жену свою
За широку талию,
А потом ее свекру,
Тетушку Наталию.
Улица, улица, улица широкая,
Отчего ты улица стала кривобокая.

А как дядька нас застал,
Замахнулся скалкою,
А потом, не помню кто,
Мне заехал палкою.
Тут все покатилося,
Тут все повалилося
И не помню больше я,
Что со мной случилось.
Улица, улица, улица широкая,
Отчего ты улица стала кривобокая

Утром встал я раньше всех
Морда вся украшена,
Фонари навешены,
Рыба стала страшною.
Весь пиджак изодранный,
На нем жир от курицы
Один сапог на столе,
А второй на улице.
Улица, улица, улица широкая,
Отчего ты улица стала кривобокая.

* * *

На Блатняновской открылася пивная,
Там собиралася кампания блатная,
Там были девочки Маруся, Роза, Рая
И спутник жизни Вася Шмаровоз.

Две полудевочки, один роскошный мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик
И возвращался на машине марки Форда,
И шил костюмы элегантно, как у лорда.

Красавец была там Роза молдаванка,
Прекрасная, как стародревняя гречанка.
И с ней зашел ее всегдавешний попутчик
И спутник жизни Вася Шмаровоз.

Держа ее, как держат ручку от трамвая,
Он ей сказал — о, моя Роза дорогая,
Я вас прошу, нет я вас просто умоляю
Плясать со мной прощальное танго.

Но тут Арончик пригласил ее на танец,
Он был тогда для них почти-что иностранец,
Он пригласил ее галантирейно очень
И посмотрел на Шмаровоза между прочим.

Но Роза танцевать уж не хотела,
Она уже с Ваською порядочно вспотела
И улыбнулась в ответ красотка Роза,
Но покраснела морда Васьки Шмаровоза.

И он сказал в изысканной манере —
Я вам советывал бы пришвартоваться к Вере,
Чтоб я в дальнейшем не обидел вашу маму
И отошел надвинув белую панаму.

Тут подскочил к нему маркёр известный Моня
О, чей хребёт сломали кий в кафе »Фанконе«.
Побочный сын мадам Олешкир Чертилесин
Известный бандорщик, красавец одессит.

Он подошел к нему с походкой пеликана,
Достал визитку из жилетного кармана
И так сказал, как говорят поэты —
Я вам советую беречь свои портреты.

Тут поднялася катавасия такая,
Передралася вся кампания блатная.
Здесь били девочек Марусю, Розу, Раю
И бил их лично Вася Шмаровоз.

АХ ТУРИ, ТУРИ, ТУРИ...

Как на Дерибасовской угол Ришельевской
О восемь часов вечера разнеслася весть —
У старушки бабушки, бабушки старушки
Шестеро налетчиков отняли-то честь.

Вот сот первесот бабушка здорова,
А вот сот первесот кушает компот.
Ой сот первесот и мечтает снова
Ой сот первесот пережить налет.

Гром прогремел
Золяция* идет,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Що та Одесса переполнена ворами,
И що настал критический момент,
Що заедает темный элемент.

* * *

Тихо лаяли собаки
В затихающую даль
И я явился к вам во фраке
Элегантный как рояль.

А вы лежали на диване,
Двадцати неполных лет
Молча я сжимал в кармане
Ох леденящий пистолет.

Расположен к низу дулом,
Сквозь карман он мог стрелять
И я все думал, думал, думал
Убивать, не убивать?

Было холодно и мокро,
Тени жались по углам,
Обливали слезы стекла
Как герои мелодрам.

И от сырости и лени
Превозмочь себя не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Выстрел! Дым! Сверкнуло пламя,
Ничего теперь не жаль;
Он лежал к дверям ногами
Элегантный, как рояль.

---

*) Изоляция.

* * *

Где ты мама, голубка моя?
Иссушила тоска тебе грудь.
До утра не смыкаешь ты глаз,
Глядя в улиц тревожную муть.
Съела жизнь нас — тебя и меня.
Стал я хитрым бродягой и вором,
И дана мне дорога одна, —
Красться ночью под шатким забором . . .
Дам я душу свою всю иссечь,
Познакомлюсь с замками тюрьмы,
Только мне бы, родная, тебя уберечь,
От грозящей беды и суммы.
Не терзайся, — отмыты твоею слезой,
Те рубли, что достал грабежом,
И не думай, что я замахнусь
В грудь чужую финляндским ножом . . .
Если б только я знал, где могила отца,
Поклонился бы ей до земли:
Дорогой, ты пойми и прости, что я вор!
И за сына Творца умоли . . .

Автор песни семнадцатилетний «Витька-Вихрь», неуловимый и смелый атаман шайки, ограбившей несколько магазинов в Ленинграде. По слухам он был сыном расстрелянного известного капитана военного корабля.

* * *

С одесского кичмана
Бежали два уркана,
С одесского кичмана на домой,
Но только ступили
На тухлую малину,
Как их разразило грозой . . .
Братишка, миляга,
Ширмач и бродяга, —
Один тут уркач говорит, —
Судьбу свою я знаю,
Что в ящик сыграю
И очинно сердце болит . . .

Другой отвечает: —
И я фарт свой знаю . . .
Болят мои раны в глубоке,
Одна утихает,
Другая починает,
А третья рана во боке . . .
Братишка, миляга
И я — доходяга!
Зарой мое тело на бану!
Пусть знают малахольные,
Легавые довольные
Геройскую погибшую шпану!

Кичман — тюрьма.
Бан — вокзал.
Фарт — судьба, удача.
Ширмач — карманный вор.
Перо — нож для убийства. Смарать, списать — убить. Расписать — изрезать лицо или поранить.
Тухлая — раскрытое милицией.
Пижон — жертва мошенника.
Браслеты — кандалы.
Куток — ночлежка.
Малохольный — глупый.
Ципер — вор.
Бабай — старик.
Академия — тюрьма.
Малина — притон.
Жара — опасность.
Пощекотать перышком — ударить ножом.
Хаза — притон.
Банщик — вокзальный вор.
Лепить скок — красть.
Хрусты — деньги.
Бухой — пьяный.
Мусора — полицейские.
Опергруппа — оперативная группа полицейских.
Барышник — продавец краденных вещей.
Колесики — сапоги.
Фарт — риск.
Знать по свободе — знать ког-нибудь еще перед тем как попасть в концлагерь или тюрьму.

В 1966 КРУЧЕНЫХ ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ

Алексей Крученых

О Алексее Елисеевиче Крученых советская пресса пишет меньше чем о любом другом советском писателе, несмотря на то что Алексей Крученых будет жить в истории советской литературы дольше, чем любой лауреат сталинской премии.

В 20-х годах Крученых был одним из самых популярных советских поэтов (вместе с Маяковским, Бурлюком и Каменским). С 30-х годов ему запретили выступать как поэту. С тех пор он влачит жалкое существование занимаясь разными архивами и скучными переводами.

Мы надеемся, что в недалеком будущем его имя будет реабилитировано и его произведения будут возвращены советскому народу. Было бы желательно, чтобы это случилось еще при жизни великого поэта. У нас есть все основания думать что с ним поступят так как и с Маяковским, признав его гениальность только после того как своими преследованиями заставили его застрелиться.

А. Е. Крученых проживает в Москве по адресу:
ул. Кирова, д. 21, кв. 51, тел. К 4-95-23.

КРУЧЕНЫХ В ИСТЕРИКУ ЗАЛ ПРИВОДИЛ

С того началось . . .
Политехникум,
диспут,
подвески вспотевшие
люстровых призм . . .
Москва не смогла
залезать их и выспать —
везде на афишах в сажень:
ФУТУРИЗМ.

. . . . .

Газеты орали:
»Их кисти — стамески!«
У критиков спазмы:
»Табун без удил!«
К ним вскоре
присоединился Каменский,

Крученых
в истерику зал приводил.
Что объединяло их?*

Ненависть к сытым,
к напыщенной позе
душонок пустых,
к устою,
к укладу,
к отсеянному ситом
привычкам,
приличиям,
правилам их.

. . . . .
В них все —
и неслыханность пестрой одежды,
несдержанность жестов,
несогнутость плеч, —
за ними —
толпою поток молодежи,
а против них —
»Русское слово«
и »Речь«.

. . . . .
Но все это
сделалось ясно-понятно
гораздо позднее
и гораздо грозней.
Тогда же
мелькали неясные пятна
во всей
этой пестрой,
веселой возне.
Москва разгадала,
Москва понимала,
что нет на таких
ни кольца,
ни гвоздя,

. . . . .
Теперь
начать о Крученых главу бы,
да страшно:
завоет журнальная знать . . .
Глядишь —
и читатель пойдет на убыль,
а жаль:

о Крученых надо бы знать!
Кто помнит теперь
о царевой России?
О сером уезде,
о хамстве господ?
А эти* —
по ней
вчетвером колесили
и видели
самый горелый испод.
И въелась в Крученыха
злое лихо
непомнящих роду
пьянчуг,
замарах . . .
Прочтите
лубочную »Дуньку Рубиху«
и »Случай с контрагентом
в номерах«.
Вы скажете —
это не литература!
Без суперобложек
и суперидей.
Вглядитесь —
там прошлая века натура
ползучих,
приплюснутых,
плоских людей.
Там страшная
простонародная сказка
в угарном удушьи
бревенчатых стен;
полынная жалоба
ветра-подпаска
с кудрями,
зажатыми промеж колен.
Там все:
и осторожная сентиментальность,
и едкая,
серая соль языка,
который привешен,
не праздно болтаясь,
а время свидетельствовать

---

*) Футуристы: Маяковский, Бурлюк, Крученых и Каменский.

на века.

Наклеят:

»Он мелкобуржуазной стихии
лазейку тайком
прорывает в марксизм . . .«

Плохие чтецы вы,
и люди плохие,
как стиль ваш ни пышен,
и вид — ни форсист!

Вы тайно
под спудом
смакуете Джойса:
и гнил, дескать, в меру,
и остр ананас . . .

А то,
что в Крученых
жар-птицею жжется,
совсем не про это,
совсем не про нас.

Нет, врите!

Рубиха вас разоблачает,
со всем вашим скарбом
прогорклым в душе.
Трактир ваш дешевый
с подачею чая,
с приросшею к скважине
мочкой ушей.

Ловчите,
примеривайте,
считайте!

Ничем вас не сделать
смелей и новей —
весь круг мирозданья
сводящих к цитате —
подросших
лабазниковых сыновей.
Вы, впившиеся
в наши годы клещами,
бессмысленно вызубрившие азы,
защитного цвета
литые мещане,
сидевшие в норах
во время грозы.
Я твердо уверен:

триумф ваш недолог;
закончился круг
ваших тусклых затей;
вы — бредом припомнитесь,
точно педолог,
расти не пускавший
советских детей.

К примеру:
скажите, любезный Немилов,
вы — прочно привержены
к классике форм
и, стоя
у «Красной нови» у кормила,
решили,
что корень кормила — от «корм»?
Вы бодро тянули
к чернилам ручонку,
когда,
Либединского
выся до гор,
ворча,
Маяковскому ели печенку;
ваш пафос —
не уменьшился с тех пор?
А впрочем,
что толку —
спросить его прямо?!
Он примется
с шумом цитаты листать.
Его наделила с рождения мама
румянцем таким,
что краснее не стать!

. . . . .

*(Н. Асеев: «Собрание сочинений»,
т. 3, Москва, 1964).*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Соответственно советским законам все те, которые знают о любом преступлении против советского государства, его руководителей и пр. но скрывают то, что знают, рассматриваются и следовательно караются как соучастники преступления. Закон довольно суровый, но все таки закон и ему должны подчиняться все граждане и организации.

Весь мир знает в настоящее время, что Сталин совершал преступления, убивал невинных, честных, преданных советских писателей, поэтов и пр. Скрывать эти преступления, это значит соглашаться с ними, быть их соучастником. Более десяти лет прошло с тех пор как стало известно о Сталинских преступлениях, но советские власти не шевельнули пальцем для того, чтобы найти всех виновных в смерти невинных писателей. Объясняется это тем, что все эти виновные продолжают занимать важные положения в советском партийном и государственном аппарате.

Краткая Советская Литературная Энциклопедия указывает иногда имена репрессированных писателей. Она пытается создать таким образом впечатление объективности. Читатель может подумать, что если такое уточнение отсутствует, то писатель о котором говорится не был репрессированным. В действительности такие уточнения делаются только для 5% из репрессированных писателей, а в случае писателей находящихся еще при жизни не достигают и 1%.

Вот как представляется советской публике писатель Н. Коржавин в К.Л.Э. т. 3, стр. 741:

»Коржавин Н. (псевд.: наст. имя — Наум Моисеевич Мандель; р. 14.X.1925, Киев) — рус. сов. поэт. Окончил горный техникум в Караганде, в 1959 — Лит. ин-т им. М. Горького. Печататься начал в 1941; с 1955 стихи К. по-

являются в центр. печати. В 1963 вышел сб. стихов «Годы» — итог двадцатилетней работы поэта. Осн. темы сборника — размышления о судьбе современника, об иск-ве, события истории, Великая Отечеств. война («Где вы, где вы...?», «Хлеб», «Дети в Освенциме», «Посвящение Карлу Либкнехту», «Инерция стиля», «Рафаэлю», «Осень в Караганде» и др.). В 1962 опубл. поэму «Рождение века» — о К. Либкнехте. Стихам К. свойственны гражданственность и философ. лиризм. Выступает и как лит. критик (статьи о С. Маршаке и др.). Лит.; Лазарев Л., «Годы». (Рец.), «Юность», 1964, № 2: Михайлов И., «Годы» (Рец.), «Звезда», 1964, № 4: Солоухин Вл., «Годы и судьбы», «Новый Мир», 1964, № 1.

А. А. Саакянц.

Можем сообщить нашим читателям что вышеподписанный литературовед не кто иной как армянский поэт Арамаис Адамович Саакян проживающий в Ереване, просп. Октемберян, д. 17, кв. 63-а, комн. 17.

Для того чтобы переменить комнату на дачу нужно же как то выслужаться.

Кто же Коржавин в действительности?

Ответ дает Евгений Евтушенко, в своей Автобиографии, стр. 86, (изд. Флегон Пресс):

«Крупнейшие русские поэты — Заболоцкий и Смеляков были в лагерях. Выслан был и молодой поэт Мандель (Коржавин). Не знаю останется ли его имя в русской поэзии, но оно останется безусловно в истории русской общественной мысли.

Это был единственный поэт, который при жизни Сталина написал и открыто читал стихи против Сталина. То, что Мандель читал их — его, видимо, и спасло, ибо поэта по всей вероятности сочли ненормальным и всего-навсего выслали.

*А там в Москве, в пучине мрака,
в шинели, он смотрел на снег,
непонимавший Пастернака,
суровый, жесткий человек».*

В 1961 году после двадцатилетней работы как поэт, почти 10 лет после смерти Сталина Коржавина не принимали еще в Союз Советских писателей.

А сколько таких репрессированных писателей?!

В нашем журнале № 4 мы описывали как В. Боков просидевший 9 лет в концлагере должен был проживать

в лесу и спать на деревьях после «реабилитации» потому что ни один город не смел прописать его. Прочтите заметку о Бокове в К.Л.Э. т. 1, стр. 673. Ни слова о концлагере, о несправедливости, о его хождениям по мукам. Был токарем, зоотехником, Закончил лит. инст. в 1938. Начал печататься с 1934. Антология «Русская частушка» напечатана в 1950 «Осн. темы — рус. природа и жизнь колхоз. села».

В том же номере «Студента» печаталось стихотворение идейного коммуниста Андрея Игнатъевича Алдана Семенова, начавшего свою деятельность еще в тридцатых годах. В Лит. Энциклопедии он не упоминается, хотя там приводится биографическая справка о русском писателе эмигранте Алданове, который покинул СССР сейчас же после революции и писал в Париже исторические романы; по словам энциклопедии — «поверхностные и реакционные».

Том первый вышел в 1962 году, а Алдан Семенов был реабилитирован в 1957. Литературная Энциклопедия вероятно не слыхала об этом писателе, хотя он живет у них под боком, в Москве, на Курбатовском пер., д. 15, кв. 5. Мы предлагаем Лит. Энциклопедии свои услуги и всегда готовы предоставить сведения о советских писателях которые трудно достать в СССР.

Литературная Энциклопедия не слыхала вероятно ничего также о знаменитом украинском писателе В. Блакитном, который в 1920-25 был членом ЦК КПБ (У) и ЦК СССР. Не слыхала она также о прозаике, драматурге и пародисте К. Буревом, растр. в 1934 г.

Весь мир слыхал о писателе Есенине-Вольпине. Литературная Энциклопедия о нем никогда не слыхала! Не слыхала она также о еврейских писателях Каменецкий, Кульбак, Клитеник, Блоштейн, Вайнберг, об армянском А. Вштуни, о казахском М. Даулетбаеве (1898-1938), о каракалпакском М. Дарибаеве (1909-1942) и о сотни других как например: Гедевшивили И., Зельдин Я. (1902-1941), Забар Н., Гамзай Т., Гиппиев Н., Андриенко И., Алзан В., Абов Г., Атаманюк В., Ахметов Х., Бачинский Юлиан, Божко Сава, Бузько Д., Вражлевый В., Воробейчик А. (1890-1941), Владимирова Е., Вольф Эрлих, Борукаев Т. (1890-1937), Бекенов Е. (1892-1938), Абуков Х., Амироков И., Казка А., Косынка Г., Кешоков П. (1871-1937), Кутасов И. (1910-1941), Исаков Ф., Ивачев Ф., Спандияр Кубеев и пр.

Литературная Энциклопедия нашла однако место на своих страницах для совершенно неизвестных писцов северной Кореи и Вьетнама, Африки и Азии, литературные заслуги которых заключаются в том что эти писатели посвятили одно из своих стихотворений или очерков Сталину или побывали туристами в СССР.

В энциклопедии приводятся биографические данные о румынском человечке Пауль Джорджеску, за то что он написал несколько статей как «Ленин и мы», «Ленинское учение о литературе» и затем соединяя их в одну книжку, выпустил под заголовком «Критические опыты». Неужели человечек который использует Ленина в качестве морской свинки для своих опытов более важен для литературной энциклопедии чем Микола Хвильовой под влиянием которого находились все украинские писатели 20-х и 30-х годов?

Если в последнем томе Литературной Энциклопедии не будут приведены биографические данные о всех вышеупомянутых писателях и о других советских писателях которые отдали свою жизнь за социальную справедливость в СССР, издательство Флегон Пресс будет вынуждено выпустить 8-й том Краткой Литературной Энциклопедии где будут приведены все соответствующие сведения о советских писателях.

Обозреватель

УЖАСЫ ПРОШЛОГО

Акын демократ Токтогул С. заклеил метким словом душителей киргизского народа в царское время:

»Безлошадным, как ездить нам

На поминки, на свадьбы к друзьям?«

(К.Л.Э., т. 3, стр. 526)

ДВОЙНАЯ СМЕРТЬ

Советская литература — единственная литература мира, которая может похвастаться тем что ее писатели и поэты умирают дважды.

Простым примером может служить поэт А. А. Коринфский. Кр. Лит. Энц. т. 3, стр. 741 пишет о нем: «Как поэт после 1917 по существу умолк».

Этот же поэт умолк как человек в незабываемом 1937 году.

ИЛЬЯ СТЯПАТЫЙ ПЕРЕШЕЛ НА САМООБСЛУЖИВАНИЕ

В 1916 году Эренбург напечатал книгу «Лик войны». В 5-ой главе этой книги говорится о жестокости и милосердии. Глава состоит из 12 отдельных частей.

В 1943 году Эренбург выпустил новую книгу, озаглавленную «Война», в которой пытается осветить те самые вопросы, но по новому, соответственно его новой точки зрения, сформированной под влиянием сталинских условий. В этой новой книге ему захотелось цитировать 4-ую часть главы «Жестокость и милосердие». Мы воспроизводим здесь эту часть главы по старой версии книги Эренбурга.

IV

Ужасная изступленная толпа, которая громит города и убивает людей. Ужасен человек от ненависти ослепший способный уничтожить все самое прекрасное. Ужасны гнев, злоба, безумие. Но во сто крат ужаснее жестокость холодного трезвого ума, приказ за №, смертный приговор целой стране вынесенный по соображениям стратегическим или дипломатическим.

Я видел, что сделали немцы с Суасонэ и Пикардией перед тем, как очистить их. Это не разгул пьяных солдат, это не военная необходимость, это даже не варварство полководца, это расчетливая работа конкурента. Когда-то воевали профессионалы, и целью войны было разбить армию противника. Теперь друг на друга пошли народы, надо уничтожить весь народ, опустошить его земли, разрушить его труды. В течении двух лет германцы изводили население. Одних угнали на работы, других посадили в тюрьмы, третьих расстреляли. За что наказывали? Да вот, жители должны были извещать о каждом снесенном курицей яйце. Старая Луиза утаила яйцо — в комендатуру. Новые названия улиц — Поль забыл, сказал не “Hindenburgstrasse”, а, по старому, “Rue de l’Eglise” — в комендатуру. Ребята в школе запели «Марсельезу» — в комендатуру. Немцы ушли, но дети путали французский язык с немецким, взрослые кла-

нялись в пояс, и все с мистическим трепетом повторяли «комендантура! комендантура!»

Перед уходом немцы приказали жителям деревень переехать в города, а в городах собирали всех на окраинах. Специальные команды «поджигателей» на велосипедах ездили по стране сжигая все по пути — фабрики, поместья, фермы, дома. Целые города — Багам, Шони, Нель, Ам — сотни деревень выжжены до тла. Взорван прекрасный замок Куси, лучшее наследие феодального периода. Сожжены церкви Багама и траси, древние башни Ама. Кругом пустыня на пятьдесят верст в глубину.

За это отступление Гинденбург получил высочайшую благодарность. Верно и поджигателям роздали кресты за усердие. Проект умерщвления стран был хорошо разработан и тщательно, методически, с немецкой аккуратностью приведен в исполнение.

Культурная армия превзошла в своей жестокости татарские орды.

В апрельское утро в Шольне глядел я на плодовый сад. Меня поразили эти нетронутые цветущие деревья; немцы знают, что эта провинция славится грушами и сливами; уходя, они не оставили ни одного плодового дерева, все срубили. А вот в Шольне у этих стен стояли разсаженные шпалерами нежные розовеющие груши. Я подошел ближе к стенам и увидел что все деревья — более двухсот — подпилены в корню. Это страшнее разрушенных городов. Рядом со мною стояли солдаты крестьяне.

Один из них сказал:

— «Сволочи! Зачем? Ведь сколько трудиться надо, чтоб это вырастить».

В его глазах были слезы не то обиды, не то злобы. Бедный селянин, он не мог понять, как можно в одну минуту уничтожить труды долгих лет. Может быть, и тот, кто, исполнял приказ, уничтожал этот сад, был тоже крестьянин, и у него где-нибудь в Баварии цветут теперь такие же груши. Гнев не знает границ и, если этот француз попадет когда-нибудь в его сад, он также будет рубить розовые хрупкие деревья.

Эренбург понял, однако, что цитировать вышеприведенную часть без изменений было бы не целесообразно в сталинское время. Зачем, например, говорить, что приказ сверху об уничтожении какого-нибудь населенного пункта можно считать жестоким? Ведь холодным, трезвым умом Сталин приказывал уничтожать то калмыцкое население Советского Союза, то колонию Поволжских немцев, то другие области и села. А разве Сталинград не был уничтожен приказом сверху немцами и русскими вместе по самым важным стратегическим соображениям? Ясно, что в такой новой обстановке первое предложение 4-й главы не пришлось бы по вкусу Сталину.

Также не мог понравиться Сталину конец этой главы, начинающейся с абзаца . . . »В его глазах были слезы . . .« Здесь сказано ясно, что гнев не знает границ: если немец разрушает сады француза, то француз будет разрушать сады немца, если он попадет в Германию. А не будут ли разрушать русские сады немца, если они попадут в Германию? В 1943 году такая возможность уже могла предвидеться и советская пресса разжигала в советских бойцах желание попасть в Германию и разрушить все до основания. Все были согласны с таким воспитанием. Сказать советскому бойцу, что это жестоко Эренбург, конечно, и не думал. Поэтому пришлось отказаться от цитирования последних четырех предложений. В середине 4-й главы находятся также высказывания, с которыми сталинская стратегия не могла никак согласиться. Когда-то воевали профессионалы — говорит Эренбург — и целью войны было разбить армию противника. А теперь к ужасу Эренбурга пошли друг на друга народы, и цель их — уничтожить весь народ, опустошить его земли, разрушить его труды. Эренбург в 16-ом году не соглашался с такой философией. Книга, напечатанная в 1943 году, предназначалась именно для этой цели, т. е. для воспитания советских бойцов в духе разрушения не немецкой армии, а всего немецкого народа. Вот цитаты со страницы 40-й книги »Война«: »Доктор Герман Генке говорит об анатомии . . .« На самом деле доктор — обыкновенная немецкая обезьяна. » . . . доктор перечисляет другие преимущества обезьян: у них цепкий хвост«.

Сколько раз я спрашивал себя, как могли немцы когда-то насчитывавшие в своих рядах поэтов, философов, композиторов, ученых стать породистыми фри-

цами? А доктор Гепке все объяснил: фрицы — это обезьяны которые произошли от людей...

Однако до хвоста фрицы не дотянут: эту породу мы уничтожим, а последнего фрица можно будет посадить в Зоопарк с надписью: »фриц вулгарис«.

По таким соображениям из рассмотренной 4-й главы Эренбург выкинул 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16--е предложения, т. е. от слова ... »когда« и до »комендантура« включительно. Предложения — »Взорван прекрасный замок Куси, лучшее наследие феодального периода. Сожжены церкви Багама и Траси, древние башни Ама«, служили в 20-м году для Эренбурга, доказательством варварства. В 43-м году Эренбург вспоминал, сколько церквей и замков было разрушено советской армией. Поэтому он решил выкинуть и эти предложения. Дальше, Эренбург упоминал в 4-й главе, что немецкая армия — это культурная, а не какие-то татарские орды. Такое утверждение в 1943 году могло лишить Эренбурга не только свободы, но и жизни, поэтому предложение »Культурная армия превзошла в своей жестокости татарские орды« было также выкинуто. Там же Эренбург говорит, что немцы уничтожали все методически, с немецкой аккуратностью. Аккуратность, однако, это — весьма хорошее качество, а приписывать любое качество немцам в 43-м году ясно, что было бы нежелательно. Нужно было выкинуть и это выражение (». . . с немецкой аккуратностью . . .«). Эренбург говорит дальше, что уничтожение садов »это страшнее разрушенных городов«. Так думал Эренбург в 16-ом году. Он вспомнил затем, как в сталинское время разрушались усадьбы из-за отсутствия права на получку дров из леса. Он вспомнил также, как налоги на деревья привели к добровольному разрушению крестьянских усадеб. Ясно, что Эренбург не мог оставить такое утверждение в 43-м году. Его пришлось выкинуть.

Говоря о разрушении французских садов, Эренбург писал в 16-ом году, что немцы не оставили ни одного плодового дерева. Другими словами, немцы разрушили только сады. В 43-м году нужно было что-то по-сильнее, и вырезав одно слово »плодового« получилось так: ». . . уходя, они не оставили ни одного дерева, все срубили«.

Уничтожение это, Эренбург объясняет, было сделано

не по военным причинам, а просто ввиду того, что это были конкуренты. Такое объяснение показалось Эренбургу в 43-м году не подходящим, и поэтому в 5-м предложении он выкинул слова — «... это не военная необходимость, это даже не варварство полководца», а также слово «конкурента», и вместо прежнего смысла предложения, что это — не военная надобность, а скорее коммерческая, получился смысл, что это работа не пьяных солдат, а трезвых (... «это не разгул пьяных солдат, это не военная необходимость, это даже не варварство полководца, это расчетливая работа конкурента...»). «... это не разгул пьяных солдат, это расчетливая работа»).

Эренбург произвел также другие изменения, как например, вместо двух провинций Суасоне и Пикардия, он решил упомянуть только «Пикардию» и заменить предложение на единственное число, вместо множественного («... очистить ее», вместо «... очистить их»). В 16-м году Эренбург писал, что немцы поджигали дома, но дома ведь могут быть и буржуазные?! В 43-м году он уточнил, что это были крестьянские дома. К буржуазным домам, по новой версии, они вероятно не прикасались. Эренбург произвел также несколько стилистических изменений, заменив слово «ездили» словом «разъезжали», «фабрики» заменил «заводами», «команды» — «отрядами», «груши» заменил «грушевыми деревьями», «провинцию» заменил «областью». Несколько слов выкинул по тем же стилистическим соображениям, как например, «в корню, вот, эти, зачем». Эренбург добавил также несколько слов не меняющих смысла, но придающие все-таки некоторый оттенок. Вместо «роздали кресты» он поставил теперь «роздали железные кресты», вместо «стояли солдаты» поставил «стояли французские солдаты». Вместо «по пути» поставил «на пути», вместо «глядел я» поставил «я глядел».

Все эти поправки Эренбург был вправе делать сколько хотел. Никто не мог ему запретить это, так как первоначальный текст принадлежал ему же. Новый поправленный текст был напечатан в книге Гослитиздата «Война» в 1943 году на странице 23, но при этом Эренбург сделал то, что делал всегда, а именно — врал нагло. Перед цитированием этого текста, Эренбург пишет: «Вот страница, написанная мной в 1916 году». Следует затем новый обработанный текст, соответственно вышеприве-

денным примерам, а после этого, заявление Эренбурга: *Я не изменил ни слова*, это написано 26 лет тому назад».

Переходя на систему самообслуживания, Эренбург дал государству несколько пудов литературы по заниженной цене (в результате больших экономий по позициям «оклад сверхштатных цензоров»).

В настоящее время, по методу Эренбурга производится 80% валовой продукции советской литературы.

Для успешного внедрения метода разработанного Эренбургом, лауреаты сталинских и лауреаты ленинских премий развернули массовое соревнование. Переходное Красное Знамя было вручено бригаде сталинских лауреатов руководимых бывшим агрономом Кочетовым.

Не плохо поработала также бригада любителей меда (см. стихотворение Евтушенко — Мед) Михаила Шолохова). После смерти Сталина, Шолохов применил метод самообслуживания для уничтожения своей рукописи о благородном дядюшке с трубкой и подбитой рукой. После несчастного случая со своим другом, потерпевшим крушение, и известного во всем мире под именем Кукурузника, Михаил Шолохов приступил к быстрому уничтожению рукописи о гениальном клоуне, которая между прочим была уже обещана нескольким западным издателям.

Таким образом лауреат сталинских и нобельской премий может сказать также как и Эренбург: «Я не изменил ни слова» и при этом добавить храбро: «Я просто уничтожил две рукописи которые не были готовы вовремя и из за которых я мог потерять мои бочки меда».

ШОССЕ ЭНТУЗИАСТОВ

Первый сборник стихов поэта Н. И. Дементьева вышел в 1930 г. под названием «Шоссе энтузиастов». Через пять лет подвергнутый критике и преследуемый бериевцами и партийными организациями поэт покончил собой 28. 10. 1935.

Первый сборник Евтушенко назывался так же «Шоссе Энтузиастов». Поэт преследовался неоднократно наследниками Сталина и думал серьезно покончить собой. Приобрел даже револьвер. К счастью русской литературы Хрущев был удален вовремя с престола.

БОРИС СЛУЦКИЙ

... В то время, когда в Союзе писателей шла суетливая возня вокруг золотых и серебрянных медалей, по Москве чеканно военной походкой ходил прекрасный поэт Борис Слуцкий, напечатавший только одно стихотворение, да и то в сороковом году. И, как ни странно, он был спокойней и уверенней всех нервничающих кандидатов в лауреаты. Оснований для спокойствия у него как-будто не имелось. Несмотря на 35 лет он не был принят в Союз Писателей. Он жил тем, что писал маленькие заметки для радио и питался дешевыми консервами и кофе. Квартиры у него не было. Он снимал крошечную комнатушку. Его стол был набит горькими, суровыми, иногда по-бодлеровски страшными стихами, перепечатанными на машинке, которые даже бессмысленно было предлагать в печать. И тем не менее Слуцкий был спокоен. Он всегда был окружен молодыми поэтами и вселял в них уверенность в завтрашнем дне. Однажды, когда я плакался ему в жилетку, что мои лучшие стихи не печатают, Слуцкий молча выдвинул свой стол и показал мне груды лежащих там рукописей.

— Я воевал — сказал он — и весь прошит пулями. И воевал я не за то, чтобы эти стихи лежали в столе. Все переменится. Наш день придет. Нужно только уметь ждать этого дня и кое-что иметь к этому дню в столе и в сердце. Понял?! —

Я понял.

Е. Евтушенко, Автобиография.

СТИХИ

Лакирую действительность —
Исправляю стихи.
Перечесть удивительно:
И смирны и тихи,
И не только покорны
Всем законам страны —
Соответствуют норме!
Расписанью верны!

Чтобы с черного хода
Их пустили в печать,
Мне
    за правдой
        охоту

Поручили начать.
Чтоб дорога прямая
Привела их к рублю,
Я им руки ломаю,
Я им ноги рублю,
Выдаю с головою,
Лакирую и лгу.

Все же кое-что скрою,
Кой-кого сберегу.
Самых сильных и храбрых
Никому не отдам.
Я еще без поправок
Эту книгу издам!

1

Евреи хлеба не сеют.
Евреи в лавках торгуют.
Евреи раньше лысеют.
Евреи больше воруют.

Евреи люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в райкопе.

Я все это слышал с детства
И скоро совсем постарею,
И все никуда не деться
От крика: »Евреи, евреи!«

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Несу в себе, как заразу,
Эту проклятую расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось не лживо:
»Евреев не убивало!
Все воротились живы!«

2

А нам, евреям, повезло.
Не прячась под фальшивым флагом,
На нас без маски лезло зло,
Оно не притворялось благом.

Еще не начинались споры
В торжественно-глухой стране,
А мы, припертые к стене,
В ней точку обрели опоры.

Я строю на песке, а тот песок
Еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой остался,
А для меня распался и потек.

Я мог бы руку долу опустить,
Я мог бы отдых пальцам дать корявым.
Я мог бы возмутиться и спросить,
За что меня и по какому праву? . .

Но верен я строительной программе . . .
Прижат к стене, вися на волоске,
Я строю — на плывущем под ногами,
На уходящем из-под ног песке.

ПРОПАГАНДА

Сегодня я ничему не верю —
Глазам — не верю.
Ушам — не верю.
Пощупаю, — тогда, пожалуй, поверю — все
без обмана.

Мне вспоминаются хмурые немцы,
Печальные пленные сорок пятого года,
Стоявшие — руки по швам — на допросе.
Я спрашиваю — они отвечают:
— Вы верите Гитлеру? — Нет, не верю.
— Вы верите Герингу? — Нет, не верю.
— Вы верите Геббельсу? — О, пропаганда!

— А мне вы верите? — Минута молчания.
— Господин комиссар, я вам не верю.
Всё пропаганда. Весь мир — пропаганда.

Четыре слога про-па-ган-да
Гудят в ушах моих еще сегодня:
Всё — пропаганда. Весь мир пропаганда.
Если бы я превратился в ребенка,
Снова учился в начальной школе,
И мне сказали такое:
Волга впадает в Каспийское море!
Я бы, конечно, поверил, но прежде
Нашел бы эту самую Волгу,
Спустился бы вниз по течению к морю,
Умылся его водой мутноватой —
И только тогда бы, пожалуй, поверил.

. . . . .

Лошади едят овес и сено!
Ложь! Зимой сорок восьмого года
Я жил на тощей, как жердь, Украине.
Лошади ели сначала солому,
Потом — худые соломенные крыши,
Потом их гнали в Харьков на свалку.
Я лично видел своими глазами
Суровых, серьезных, почти что важных,
Молча, неспешно бродивших по свалке,
Они ходили, потом стояли,
А после падали и долго лежали,
Умиралаи лошади не сразу . . .
Лошади едят овес и сено!
Нет! Неверно! Ложь. Пропаганда.
Всё пропаганда. Весь мир пропаганда.

ЗЛЫЕ СОБАКИ

Злые собаки на даче.
Ростом с волка. С быка!
Эту задачу
Мы не решили пока.

Злые собаки спокойно
Делают дело свое.
Перевороты и войны
Не проникают в жильё,
Где благодушный владелец
Многих безделиц,
Слушая лай,
Кушает чай.
Да, он не пьет, а вкушает
Чай.
За стаканом стакан.
И, между делом — внушает
Людям, лесам и стогам,
Что заработал этот уют,
Что за работу
Дачи дают.

Он заслужил, комбинатор,
Мастер, мастак и нахал,
Он заработал, а я то?
Я-то — руками махал?
Просто шатался по жизни?
Просто гулял на войне?
Скоро ли в нашей отчизне
Дачу построят и мне?

Да, мне вот не выйти на речку
И не бродить меж лесов,
И не повесить дощечку
С уведомленьем про псов.
Елки зеленые,
Грузди соленые
Не про меня!
Дачные псы обозленные,
Смело кусайте меня!

* * *

Мы все ходили под богом*
У бога под самым боком . . .

Стоя на мавзолее,
Был он сильнее и злее,
Мудрее Того, Другого,
По имени Иегова,
Которого он низвергнул,
Извел, пережег на уголь,
А после из бездны вынул
И дал Ему стол и угол.

Мы все ходили под богом
У бога под самым боком . . .

Однажды я шел Арбатом.
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных,
С ним рядом дрожала охрана.

Было поздно и рано.
Серело. Вставало утро.
Бог глянул жестоко и мудро
Всепонимающим взглядом,
Всепроникающим оком . . .

Мы все ходили под богом
И даже стояли с ним рядом.

---

*) бог тут, конечно, — Сталин.

БОЛЕЗНЬ

Докучная ранняя старость,
Похожая на поражение.
А кроме того на усталость,
А также — на отраженье
Лица
    в сероватой луже,
В измытой водице ванной.
Все звуки становятся глуше,
Все краски темнеют и вянут.

Куриные вялые крылья
Мотаются за спиною.
Все роли мои — вторые! —
Являются передо мною.
А мне все равно, все едино.
И слышно, как волосы стынут
И застывают в седины.
Я выдохся. Я — как город,
Открывший врагу ворота.
А был я добрый и гордый,
Солдат своего народа.

Теперь я лежу на диване.
Теперь я хожу на вдуванье.
А мне — приказы давали.
Потом — ордена давали.
Всё, как ладонью, прикрыто,
Сплошной головной болью
Разбито мое корыто.
Сиж у него сам с собою.
Так вот она, середина
Жизни.
    Возраст успеха.
А мне — все равно, все едино.
А мне — наплевать. Не к спеху.
Забыл, как спускаться с лестниц,
Не открываю ставни.

Как в комнате, я в болезни
Кровать и стол поставил.
И ходят в квартиру нашу
Дамы второго разряда,
И я сочиняю кашу
Из пшеничного концентрата,
И я не читаю газеты,
А книги — до середины.
Но мне наплевать на это.
Мне — все равно. Все едино.

* * *

Дай, Боже, счастья женщинам,
Здоровья дай им, Боже,
Пусть будет лучше меньше нам,
Пусть будет им побольше.

Они не в силах выдержать
Того, что нам под силу,
Слезинки с глаз не вытерши —
С зеленых, карих, синих.

Дай Бог удачи девушкам
И женихов достойных
Самим найти. Да где уж им!
Тебе ж — ничего не стоит.

Тебе не стыдно, Боже,
Когда девчонка плачет?
Иль эти слезы, Боже,
Для Вас ничего не значат?

Они все слезы выплачут, —
На что это похоже?
А Ты их можешь вылечить,
Будь человеком, Боже!

КЛЮЧ

У меня была комната с отдельным ходом.
Я был холост и жил один.
Всякий раз, как была охота,
Я знакомых к себе водил.

Мои товарищи жили с тещами
И с женами, похожими на тещ, —
То слишком толстыми, то слишком тощими,
Серыми и однообразными, как дождь.

С каждым годом, старея на год,
Рожая то сыновей им, то дочерей,
Жены становились символами тягот,
Статуями нехваток и очередей.

Мои товарищи любили жен,
Они мне говорили все чаще и чаще:
Отчего ты не женишься? Эх ты, пижон!
Что ты понимаешь в семейном счастье?

Мои товарищи не любили жен:
Им нравились девушки с молодыми руками.
С глазами, в которые погружен,
Падаешь, падаешь, падаешь, как камень.

Я был брезглив (вы, конечно, помните),
Я глупых вопросов не задавал
А просто давал им ключи от комнаты —
Они просили, и я давал.

* * *

Дадите пальто без номера,
Я где-то забыл, повидимому.
Или не взял, повидимому.
Давайте, пока не выдали.
Давайте, покуда кто-нибудь
Мой номер еще не нашел,
Ищи потом его где-нибудь:
Схватил, нашел и ушел.
Какое ваше пальто? —
Это? Вот это? То? —
Да нет! Все это пижонство —
Велюр! Коверкот! Шевиот!
Мое пальто — полужесткое —
Девятый годок живет!
А цвет какой? —
Цвета медного
Сукно. Какое сукно?!
Шинельное, полубессмертное,
Такое сукно оно.

Не эта ли ваша шинель? —
Вот та, что висит на стене?
Да что вы на самом деле?
Ведь я лейтенантом был.
Солдатские это шинели —
Ни в жисть! Никогда! — не носил.
Моя шинель офицерского
Покроя,
Сукна — венгерского,
Кофейного цвета сукна!
Такая шинель она!
— Эх, с пьяными не житье!
Хватайте ваше тряпье!

БАЛЛАДА

В сутках было два часа — не более,
Но то были правильные два часа!
Навзничь

                                опрокидываемый болью,
Он приподнимался и писал.
Рук своих уродливые звезды
Сдавливая в комья-кулаки,
Карандаш лоя,
                                как ловят воздух,
Дело доводил он до строки.
Никогда еще так не писалось,
Как тогда в ту старость и усталость,
В ту болезнь и боль,
                                в ту полусмерть!

Все казалось:

                                две строфы осталось,
Чтоб в лицо бессмертью посмотреть.
С тихой и внимательною злобой
Глядя в торопливый циферблат,
Он,
                                как сталь выдерживает пробу,
Выдержал балладу из баллад.
Он загнал на тесную площадку —
В комнатенку с видом на Москву —
Двух противников, двух беспощадных,
Ненавидящих друг друга — двух.
Он истратил всю свою палитру,
Чтобы снять подобие преград,
Чтоб меж них была одна политика —
Этот новый двигатель баллад.
Он к такому темпу их принудил,
Что пришлось скрести из всех закут,
Самые

                                весомые минуты —
В семьдесят
                                и более
                                секунд.

Стих гудел,

как самолет на старте,
Весь раскачиваемый изнутри.
Он скомандовал героям: »Шарьте!«
А себе шепнул: »Смотри!«

»КАК ДЕЛАЮТ СТИХИ«

Стих встает, как солдат. Нет, он — как
политрук,
Что обязан возглавить бросок,
Отрывая от других отмороженных рук
Землю — всю. Глину — всю. Весь песок.

Стих встает, а слова, как солдаты, лежат,
Как славяне и как елдаши,
Вспоминая про избы, про жен, про лошади.
Он-то встал, а кругом — ни души.
И тогда политрук . . . Впрочем, что же я вам
Говорю — стих! — вынимает наган:
Бьет слова рукояткой по головам,
Сапогом бьет слова по ногам.

И слова из словесных окопов встают,
Выползают из-под словаря
И бегут за стихом, и при этом поют,
Мироздание всё матеря,
И хватаясь (зачеркнутые) за живот —
Умирают смиренные и тихие.
Вот как роту в атаку подьемяют,
И вот
Как слагают стихи.

Андрей Вознесенский совсем недавно снова сорвался, опубликовав свою »Полуторку« — образец, по общему мнению, такой пошлятины, что дальше уже ехать некуда.

Владимир Чивилихин, 8. 1. 1963.

ЧЕЛОВЕК

Царь природы, венец творенья
Встал за сахаром для варенья.

За всеведением или бессмертьем
Он бы в очередь эту не влез,
Но к вареньям куда безмерней
И значительней интерес.

Метафизикам не чета я,
И морали ему не читаю:

Человек должен сытно кушать
И чай с вареньем пивать,
А потом про бессмертье слушать
И всезнаньем мозги забивать.

* * *

Я судил людей и знаю точно,
Что судить людей совсем несложно —
Только погода бывает тошно,
Если вспомнишь как-нибудь оплошно.

Кто они, мои четыре пуда
Мяса,
    чтоб судить чужое мясо?
Больше никого судить не буду.
Хорошо быть не вождем, а массой.

Хорошо быть педагогом школьным
Иль сидельцем в книжном магазине
Иль судьей . . .

    Каким судьей? Футбольным!
Быть на матчах пристальным разиней.

Если сны приснятся этим судьям,
Так они во сне кричать не станут.
Ну, а мы? Мы закричим,
    мы будем
Вспоминать бывшее неустанно.

Опыт мой особенный и скверный —
Как забыть его себя заставить?

Этот стих ошибочный, неверный.
Я неправ.
Пускай меня поправят.

* * *

Надо, чтобы дети или звери,
Чтоб солдаты или, скажем, бабы
К вам питали полное доверье
Или полюбили вас, хотя бы.

Обмануть детей не очень просто.
Баба тоже не пойдет за подлым,
Лошадь сбросит на скаку прохвоста,
А солдат поймет, где ложь, где подвиг.

Ну, а вас, разумных и ученых?
О, высокоумные мужчины —
Вас водили за нос, как девчонок
Как детей, вас за руку влачили.

Нечего ходить с улыбкой гордой
Множественно купленным за орден.
Что там толковать про смысл и разум,
Множественно проданный за фразу.

Я бывал в различных обстоятельствах,
Но видна бессмертная душа
Лишь в освобожденной от предательства
Слабенькой улыбке малыша.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ФРАНЦУЗСКАЯ БУЛКА

Столько разной провизии
Припасли на дорогу,
Что хватило б дивизии
На пять суток, ей-богу.

Но дружили мы с чаркою,
Пели песню простую,
За беседою жаркою
Съели все подчистую.

И осталась нагрузкою
У меня за границей
Только булка французская
Из алтайской пшеницы.

Вот каналы, и станции,
И деревни в тумане.
Едет булка по Франции,
Тихо спит в чемодане,

А парижские улочки
И бульвары в каштанах
Забастовкою булочных
Нас встречают нежданно.

Ты без хлеба обедаешь,
Улыбаясь неловко, —
Ничего не поделаешь,
Раз у них забастовка.

В пионерском движении
Мы с тобой вырастали,
С детских лет уважение
К забастовкам питали.

Нашу булку французскую
Починать я не буду.
Потому что сочувствую
Я парижскому люду.

Только рано ты празднуешь,
Второпях забывая
Иль не зная, что разные
Забастовки бывают.

Этой схватки участники
Не рабочие Сены:
Просто требуют частники,
Чтоб повысили цены.

Положение острое.
Забастовщик, смотри же,
Ем я булку московскую,
Как штрейкбрехер, в Париже

1956

ЧЕРЕЗ БУЛКУ ФРАНЦУЗСКУЮ

Ты влекла меня, Франция,
С незапамятных пор!
Вот француженки грация
И какой-то собор . . .

Вижу улочку узкую
И широкий причал,
Через булку французскую
Я тебя изучал.

Вот везу ее, черствую,
Не включаю в меню —
Голодаю, упорствую,
Для другого храню! . .

Не с вершины той булки ли
Весь Париж я постиг?
В самописке забулькало —
Починался в ней стих . . .

Я пустил на простор его —
Это в наших руках!
Вышло, кажется, здорово!
А по-вашему как?

Белла Ахмадулина — гордость и слава России.
А. Вознесенский на Пленуме Правления московских писателей.

СПРАВОЧНИК СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Справочник писателей это зеркало литературы соответствующей страны.

В справочнике можно найти все: количество поэтов, прозаиков, критиков, или имена писателей реабилитированных при жизни. Там даются их адреса, телефоны или красноречивые псевдонимы: Семен Михайлович Каган — Бытовой (хлебнувший горя); Адамбеков — Арыстан (познавший аресты); С. Штейн — С. Снегов (познавший места с многомесячными снегами); Шатуновский — Г. Нерадов (а сколько таких писателей как он!); Снегин Дмитрий — Д. Поцелуев (узко специализированный писатель) и пр.

Справочник советских писателей — книга высокого идеологического уровня подтверждающая все литературные догмы выдвинутые Марксом-Энгельсом-Лениным-Сталиным и разработанные Маленковым (теория превеличения) и его товарищем по несчастью Хрущевым.

Советская литература как видно из справочника, это не дадаизм или нео-формализм. Это литература глубоко проникнутая партийностью и идейностью, о содержании которой можно судить по работам Бычка В. В. (Киев, ул. Ленина, д. 68, кв. 21) и Дуряна Л. (Ереван, ул. Сталинградцев, 56), по произведениям Халтурина И. И., Холопова Г. К., Дудкина Д. К. и дальновидных писателей как Слипчук П. А.

Советская литература это боевая сила партии, которая наступает на всех фронтах совмещением новой тактики с применением старых проверенных приемов борьбы. В первых рядах атаки идеологического врага мчатся: Кулаковский А. Н., Нажимов Т., Воинов А. И. и Войнова А. И., наводящий панику Беспощадный П., под прикрытием Комара Б. А. Растерянного и бежавшего врага преследует сзади исподтишка, Щипачев С. П.

Продвижение литературы вперед обеспечивается Колесниками В. А. и П. И. и особенно Скороходовым М. Е.

Так как писательская организация передовой страны мира не гнездовой посев кукурузы, ее руководители не должны заботиться о том чтобы прочистить ее от бурьянов не менее 4 раз в год. Писательская организация передовой страны чистится по мере возможности. Глубокие междурядные чистки, вдоль и поперек, были произведены в 1934, 1935, 1936, 1937, 1938 в то время как поверхностные чистки производились в 1949, 1950 и в разных других годах. В результате этих чисток остался лишь один Бурьян Б. И. и Буряк Б. С.

Таким образом советская литература достигла высокого культурного уровня. Прямое доказательство — существование писателей Азбукин и Грубиян М. М.

В вечерней школе писателей преподается партийная объективность. Начальник кафедры писатель Кривда Г. Ф. О том как нужно прислушиваться к чаяниям и мечтаниям народа проводит лекции Глуховский Самуил Давидович.

Несмотря на выдающиеся успехи советской литературы (произведения Аржака и Синявского были переведены на все языки мира) существуют однако и некоторые недостатки.

Писатели лакировщики которые развелись как мухи во время культа личности существуют и сегодня. Довольно вспомнить Красильщикова Владимира Ильича (напоминающий о другом красильщике который начал всю эту историю), Красилниковых Виктора и Генадия и конечно Фарбера Александра Михайловича.

Члены писательской организации жалуются что в областных типографиях нет квалифицированных наборщиков в результате чего страдают непосредственно писатели. Это происходит когда наборщики пропускают буквы или слова (жалоба писателей Бейсов, Балданы и Балдаева). Особенно страдает, от самой часто встречающейся типографской ошибки — перемещение букв, невероятно популярный среди молодежи Пидсуха А. Н., проживающий в переулке Коцюбинского в Киеве д. 3/17, кв. 15.

Яков Васильевич подписывал сначала свои произведения настоящим именем — Башмак. После того как читатели начали спрашивать чем же все таки он пишет свои произведения (судя по качеству — ногами) он начал искать людей с которыми мог бы обменяться своей ши-

карной квартирой и именем, — лишь бы мог подписываться Колпак. Так как писателей с Колпаком трудно найти (за исключением Колпаковой Н. П. которая в то время была в ссылке) бедный Яков решил отказаться от мака и стал подписываться Баш (намек на башку — признался он на одной вечеринке где праздновали смерть Фадеева и пили тост за скорую кончину Кочетова и Суркова).

Можно сказать с уверенностью что советская литература после военного периода опираясь на писателей как Арский П. А., Пушкарев Г. М. и особенно Жапаков и при помощи партии произвела то что называется Пукк Х. Я. или по украински Звонак П. Б. (Звонак выходит довольно часто в издательствах Минска а Пукк в издательствах Эстонии — да не только одной Эстонии).

Да здравствуют блестящие советские писатели Овечкины (Александр и Валентин), Курочкины и Кретовы, Кривошеевы и Кривощекеры (поэты Илья Петрович и Леонид Давидович), Долговы и Короткевичи, Коршуновы и Пташниковы, Бедные, Безыменские, Беззубовы да в придачу Вшивковские.

Да здравствует руководство которое принимает нужные меры что бы все начинающие литераторы превратились как можно скорее в Костенки и Костины, в Костюки и Костыря.

А. Молчаливый,
Председатель ассоциации
посмертно реабилитированных писателей СССР

ТАК ИМ И НУЖНО!

Хотите знать почему Крат. Лит. Энциклопедия не дает биографические данные киргизских поэтов Арстанбека, Калыгулы, и Молдо Кылыча?

По мнению сов. баеведов (К.Л.Э., т. 3, стр. 526) эти акыны реакционеры, акыны-защитники, известные под именем »заманистов« выступали в противовес акынам-демократам Токтогул и Тоголок, прибежали к помощи ислама, призывали к безропотности »рабов Аллаха« перед судьбой и выражали открыто бай-манапские тенденции.

ОБ АВТОРЕ КНИГИ «АБХАЗКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ЗАГАДКИ И СКОРОГОВОРКИ»

Дмитрий Иосифович Гулия родился 21. 2. 1874 года в бедной крестьянской семье.

Краткая Литературная Энциклопедия (т. 2, стр. 440) посвятила этому писателю длинную статью из которой цитируем:

»Вдохновенные строки он посвятил Коммунистической партии . . .«

Быть членом партии, отдать ей все свои силы, об этом мечтал Гулия еще в своей бедной юрте. Но прежде чем отдать свою жизнь этому высокому идеалу он решил хорошо подумать, обсудить этот вопрос с передовыми чабанами Абхазии.

Как легко догадаться решение могло быть только одно. Таким образом Гулия подписал заявление о поступлении в ряды партии в 1955 г., когда ему стукнул 81 год.

Загадка: На что делают тонкий намек советские писатели в пословице: »Хвалить ты ее хвали, но в ряды ее не при!«?

В 1960 году, перед самой смертью, народный поэт Абхазии произнес голосом дрожащим от сожаления: »Какая замечательная была бы жизнь в наших коллективных юртах если бы только в ряды партии можно было вступать посмертно!«

МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ПИСАТЕЛЬ

В царской России многие талантливые люди умирали простыми смертными так как у них не было возможности использовать свои таланты. Советская власть положила конец этому недопустимому положению рабочего класса.

Для красноречивого примерчика следует упомянуть писателя Ивана Степановича Исакова который напечатал свои первые рассказы в 1959 г. в журнале Твардовского.

Рассказ »Крестины кораблей« вышел в честь 65-ой годовщины крещения писателя, родившегося 22. 8. 1894.

Есть надежда что при праздновании 81 годовщины крещения Иван Степанович может стать членом Союза писателей.

П. НОВИЦКИЙ

БОРЬБА ЗА ВАГНЕРА

1

Вся буржуазная музыкальная культура нового времени развивалась под знаком Вагнера. Могущество его творческой мысли, богатство его гигантской неисчерпаемой фантазии покоряли самые самостоятельные умы. Творчество Малера, Шенберга, Штрауса, Шрекера, Скрябина отмечено глубочайшим влиянием Вагнера. Даже Кшенек и Хиндемит, высмеивавшие психологизм и патетическую истступленность Вагнера, вернулись к истокам его стиля и стали под его знамена. Именем Вагнера пытаются прикрыть циническую опустошенность буржуазной культуры. Международный фашизм объявляет Вагнера знаменем антимарксистского и антиматериалистического движения. Фашизму Вагнер нужен для обоснования расовой теории, для борьбы с пролетарским интернационализмом. Альфред Розенберг в книге «Миф XX века» видит в творчестве Вагнера идеал северо-западного понятия красоты, сущность всего искусства Запада. «Лознгрин» и «Мейстерзингеры» объявляются воплощением эстетического идеала германского фашизма. Фашистские последыши буржуазной культуры пытаются присвоить себе Вагнера, пытаются спасти капиталистическую культуру именем Вагнера, как они это делали с именем Гете и других гениальных художников, но это им не удастся, ибо несомненна и огромна революционная сила гения Вагнера в разрушении основ буржуазного искусства и в зарождении нового стиля культуры.

Одной из самых плодотворных и великих идей Вагнера является идея *синтетического искусства*. Вагнер был величайшим революционером в области искусства не только как художник и мыслитель, подвергший жесточайшей критике всю систему буржуазного искусства, но как основоположник новой художественной системы. Он строил новую систему искусства путем объединения и взаимодействия выразительных средств всех крупнейших искусств. Он пытался использовать для раскрытия колоссальной тематики и выражения глубочайших идей технику и фактуру литературы, живописи, музыки, театра. Он требовал, чтобы искусство воздействовало не на отдельные чувства человека (например, зрение или слух), но на всю его художественную восприимчивость в целом. Он протестовал против дифференциации и распыления театральных форм, против величайшего преступления раздробленной и аналитической буржуазной культуры, разорвавшей искусство синтетической античной трагедии на драму и оперу. Он поставил себе и европейскому искусству генеральную задачу — вернуть театру его исконное *синтетическое единство*.

Основой и центром синтетического искусства Вагнер считал *театр*. У него было чрезвычайно высокое представление о театре как о важнейшем государственном институте, воспитывающем новое человечество, как о средоточии лучших стремлений народа, как о монументальном искусстве массовых празднеств, выражающем величайшие философские идеи века. Он мечтал о театре, создающем новые мифы — драматические поэмы об освобожденном человечестве.

Особо ответственную роль Вагнер отводил в синтетическом театре *слову*. Он построил целое учение о взаимодействии *слова и звука*. Носителем мысли в театре прежде всего является слово. Если оно имеет эмоциональное звучание, получает музыкальную обработку, то сила его воздействия удесятывается. Вагнер требовал, чтобы поэт-драматург был композитором и чтобы композитор был поэтом-драматургом. Слово и звук, в свою очередь, должны быть подчинены *драматическому действию*. Сценический образ и музыка — две стороны драматического восприятия. Вагнер мечтал о соединении симфонии с *видимым сценическим действием* при посредстве слова-песни.

Вагнер прежде всего является театральным художником. Его нельзя рассматривать только как гениального композитора-музыканта. *Его музыка сплошь театральна.* Она насыщена драматическим содержанием. Он никогда не сочинял симфоническую музыку ради нее самой. Он сочинял симфоническую музыку для театра. Оркестр для Вагнера — средство раскрытия психологии действующих лиц, средство музыкальной характеристики драматических образов и драматического действия, инструментальный аппарат, связанный с драмой. Оркестр не подчинен слову, но дополняет и углубляет его. Оркестр живет полной жизнью, когда с его звуковой тканью тесно переплетаются вокальные партии. Правда, Вагнер-композитор дает полный простор оркестровой стихии. Он стремится всячески увеличить и усилить материальные средства оркестра. Оркестр в создании Вагнера представляет собою бушующий инструментальный океан. Но везде, даже там, где ему принадлежит доминирующая роль, он сохраняет свое *драматическое театральное качество.* Даже в грандиозных эпических симфониях оркестр является основой трагического действия. Он подготавливает, комментирует, разрешает сценические поступки героев.

Вагнер является величайшим художником драматической музыки. Обновления всей художественной жизни он ждал от обновления современной драмы и выводил ее возрождение из духа музыки. Слово должно принести музыке глубину мысли. Музыка должна дать слову глубину переживания. Мысль и переживание, слово и музыка должны показать *действующего человека, героя, перестраивающего мир. Поступки героев воплощает музыкальная драма, музыкально-драматическое действие.*

Всей глубины этих мыслей Вагнера о синтетическом искусстве не могла осилить и освоить индивидуалистическая, раздробленная, частно-собственническая, комнатная, эгоистическая культура упадочной буржуазии. Идеи Вагнера о синтетическом театре еще ждут своего воплощения.

4

Понять Вагнера трудно и тяжело. Его надо любить или ненавидеть. Он с большим трудом осваивался буржуазной художественной интеллигенцией. Популярность Вагнера началась, когда началось гниение буржуазной

культуры. Когда он стал проповедывать идеи, близкие идеям Шопенгауэра и Ницше, когда он стал выступать с антисемитскими и антикоммунистическими статьями, когда он начал обрабатывать германскую мифологию («Парсифаль») для нужд бисмарковской империи, тогда он был усвоен филистерами и мещанами.

За Вагнеровское наследство происходит борьба между буржуазией и пролетариатом.

Есть два Вагнера. Следует различать революционные и реакционные элементы в его творчестве. Есть Вагнер, созданный огненным дыханием демократической революции, 1848-м годом, мечтатель и революционер, подвергавший непримиримой критике буржуазную культуру и буржуазное искусство (музыкально-революционные манифесты и трактаты: «Искусство будущего», «Искусство и революция», «Опера и драма»), художник пламенного героического энтузиазма, величайшей проблематики и революционного пафоса.

Это Вагнер — изгнанник, эмигрант, социалист, неутомимый борец с филистерами, ханжами, педантами и реакционерами. И есть другой Вагнер, искалеченный и отравленный буржуазной контрреволюцией, придворный капельмейстер саксонского короля, патриот и верно-подданный, озлобленный ненавистник пролетарской революции, писавший памфлеты на французских коммунаров и монархические марши, унижавшийся до проповеди антисемитизма, расовой теории и зоологического национализма, идеолог юнкерской реакции, один из духовных предшественников и учителей современного фашизма.

Этот Вагнер был полон *тревоги и смятения, чувства жизненной пресыщенности, глубочайшего пессимизма и обреченности.* И в этой своей буржуазно-реакционной сущности Вагнер был иногда страшен носителям и представителям капиталистической системы. Ибо он нес в себе, в глубине своих основных образов, пророчество о конце, о гибели буржуазного мира.

Вершиной могучего творчества Вагнера является, конечно, «Кольцо Нибелунгов», — цикл монументальных симфонических трагедий, гигантских по масштабам, тематике и формам, намеченный к исполнению центральным музыкальным вещанием. В образах этих музы-

кальных трагедий Вагнер хотел воплотить основные созидательные и разрушительные силы исторического процесса, хотел показать борьбу титанов за власть методами грабежа и убийства, вызванными алчным стремлением к золоту. Основная мысль «Кольца»: боги себя изжили, исчерпали и подлежат гибели наравне с эксплуататорской цивилизацией Альбериха (героя «Гибели богов», променявшего на золото творческие силы жизни). «Кольцо Нибелунгов» представляет из себя *гениальное утверждение неизбежности гибели старого эксплуататорского мира*, запутавшегося в непримиримых противоречиях и губящего все активно-творческое, светлое и радостное в жизни (солнечный образ Зигфрида).

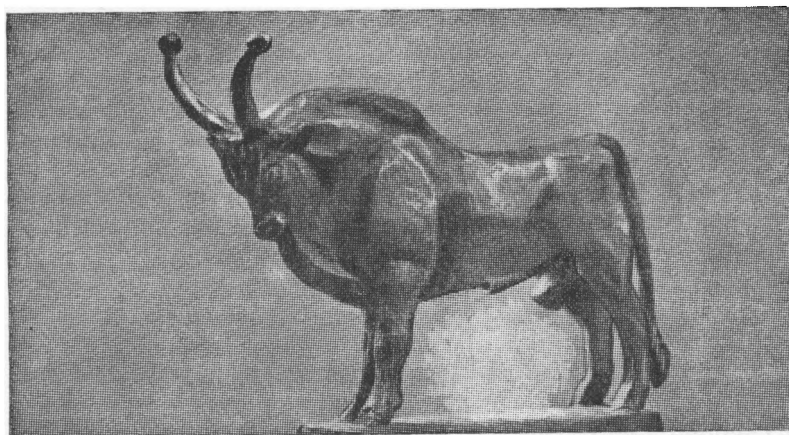
Вагнеровское творчество имеет социально-здоровые и социально-упадочные, гнилые корни. То, что в Вагнере исторически ограничено и смертно, пускай берут себе последыши капиталистической культуры! Пускай они возьмут себе филистерство, буржуазную ограниченность, духовное рабство и духовное позорное унижение Вагнера! Пускай они раздувают эпигонское и напыщенное тупое вагнерианство! Лучшее же в Вагнере принадлежит нам. Нам принадлежит пламенная борьба Вагнера с педантами, примиренцами и реакционерами, его идея синтетического монументального искусства, его мечта о новом человеке, об искусстве большого плана, ставящего и разрабатывающего мировые проблемы человечества, очищенные от всего исторически случайного и ограниченного. Последыши капиталистической культуры могут держаться за своего маленького Вагнера. Наш великий Вагнер послужит ураганами своего мятежного вдохновения, отрядами своей железной конницы, бушующей в его оркестре, силой своих пламенных идей — бурям и боям пролетарской революции!

Май 1934

Булат Окуджава — современный ашуг и рапсод,
народный певец.

Павел Антокольский «Литературная Газета».

МОЙ ЛЮБОВНЫЙ ДНЕВНИК

Сборник стихов Андрея Вознесенского содержит также
Ахиллесово сердце в нецензурированной форме.

Книга не должна попадать в руки малолетних
или студентов.

Цена \$1.50

Flegon Press

РИФМЫ ЛОВУШКИ

На виноградниках Шабли
Пажи графиню угощали.
Они ей оды посвящали
Но все же после увели.

На пустыре за буераком
Художник ставил деву в позу
И рисовал ее, березу,
Затем покрыл картину лаком.

Один нахальный парикмахер
В сердцах послал клиента к черту
Ты перережешь мне аорту!
Вскричал клиент в безумном страхе.

Стиль баттерфляй на водной глади
Нам демонстрируют две девы,
Плывя направо и налево
В большом бассейне в Ленинграде.

Тореадор попал в беду,
Схватил Кармен он за мантилью,
Она вскричала — Эскамильо,
Ты груб, с тобой я не пойду!

Один рассеянный вассал
Весь графский замок обошел,
Нигде уборной не нашел
И в книгу жалоб написал.

ЗА МНОГО ЛЕТ

«... Луговской, описывая свой »путь к пролетарской литературе« даже восклицает:

*Вы, очервив слова и сузив глаза,
Улыбались, как поросята в витринах...*

И т. д.

Поросята — это были мы, конструктивисты. Дальше идет речь о »небольшом враге«, о »сусликах«, »индивидуалистах-приспособленцах« и »мелкобуржуазной интеллигенции«. Все это были мы.

Я как бы игнорировала »великий беспорядок«, именуемый классово́й борьбой,...

В Гомеле один парнишка мне жалуется (это было уже после постановления ЦК, совсем недавно): »Я написал стихотворение, что автобусы не должны давить людей, а мне зачеркивают эту строку и пишут: »Не должны давить пролетариев«.

Мое пожелание: обратить сугубое внимание на критику, которая должна с необычайным жаром и упорством исправлять то, что она с таким упорством насаждала.

Книга »За много лет« (1964), из которой мы взяли вышенапечатанные отрывки интереснее любой другой книги Веры Инбер. Она содержит также часть материала вырезанного цензурой из ее предыдущих работ. Книга высылается по почте издательством Флегон Пресс за \$2.00.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

В 30-х годах Горький защищал Бабеля от нападков сталинистов, которые под руководством »литературоведа« Буденного, отождествляли Бабеля с героями его сборника »Конармия«.

По мнению краткой Литературной Энциклопедии, том I, стр. 388, Горький поступал правильно защищая писателя от »резкой критики« сталинских последышей.

В 1966 году последыши Сталина, возглавляемые Шолоховым, стали отождествлять Даниэля и Синявского с героями их рассказов и лишили этих писателей свободы на 5 и соответственно 7 лет.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

О ПОЭЗИИ

Что вы можете сказать о стихотворении «Вечер на стройке», которое не вошло в сборник «Антимиры»?

Это — стихотворение о моих принципах. Судья для меня, это люди на стадионах, в электричках, на стройках, а не профессиональные критики.

Можно ли считать, что это ваше самое любимое стихотворение?

Нет, мое любимое стихотворение — Гоя; в нем я хотел выразить в звуковой форме великую отечественную войну, т. е. хотел передать войну звуком поэмы, хотел чтобы это стихотворение стало колоколом для русского народа.

Что вам дороже — содержание или форма?

Поэзия, это музыка, а не содержание. Содержание без музыки не имеет никакого значения.

Евтушенко немного иначе смотрит на этот вопрос.

С Евтушенко мы друзья в жизни и в искусстве. В поэзии, однако, мы разные. Каждый поэт, это что-то новое по отношению к другому; я апельсин, а он — яблоко. Дело вкуса, трудно сказать, что лучше.

Что вы можете сказать о стихотворении «Рублевское шоссе»?

Это чисто символическое стихотворение. В молодых парах, едущих на мотоциклетах, я видел Рублевских ангелов.

Какую цель должна преследовать поэзия по вашему мнению?

Цель поэзии — задеть сердца и нервы людей. Поэзию понимают все, даже если иногда не понимают ее слов. В церкви ведь не все понимают слова, но понимают суть службы. Я видел раз, как одна проститутка плакала, когда я читал мое стихотворение. Вы не можете себе представить какое это было для меня счастье; ее плач произвел на меня особенное впечатление и я его никогда не забуду.

Что вы хотели сказать о «Озе»?

«Оза» — это поэма о моей любви. В действительности, мой дневник. Я считаю, что в механическом мире нет гармонии. Гармонию можно найти только в любви.

Вы очень много пишете там о туфлях. Что вы хотели сказать этим?

Пара туфель, это символ хрупкой любви, нежной любви, которую окружающие люди могут разбить вдребезги — в любое мгновение — и кончить мое счастье.

ПО ПОВОДУ ДВУХ ИЗВИНЕНИЙ

Заметка «Два извинения», напечатанная в 4-м номере Студента, вызвала большой шум во всем мире. В связи с ней, в Москве и Америке были созданы самые невероятные сказки.

Издательство Флегон Пресс хочет сделать следующие уточнения:

Стихотворение о Э. Неизвестном было уже напечатано в советской прессе и мы не считаем нужным перепечатывать его. Стихотворение «Сердце» было напечатано в изуродованном виде в советской прессе под заглавием «Ахиллесово сердце» и в нецензурированной форме было напечатано в книге «Мой любовный дневник» (Флегон Пресс, 1966). В результате просьбы Андрея Вознесенского и некоторых английских организаций, мы отказались от печатания подробностей личной жизни поэта.

Издатель А. Флегон подал в суд на г. Макса Гейворда, сотрудника Оксфордского университета за то что г. М. Гейворд взял у издателя пленку с записями поэта без всякого разрешения. Суд который откладывался два раза по просьбе г. М. Гейворда, присудил в сентябре Оксфордского сотрудника к уплате суммы 200 фунтов стерлингов и всех судебных расходов. На полученные деньги издатель А. Флегон выпустил книгу «Мой любовный дневник».

МОЛОДЫМ — ВЕЗДЕ У НАС ДОРОГА!

Калмыцкий поэт Давид Никитич Кугультинов вступил в ряды партии в 1943 г. в возрасте всего лишь 21 г. В 1945 он был необоснованно репрессирован и просидел в концлагере всего до 1956 г. Посидел бы еще немного и ему можно было бы петь: Старикам — везде у нас почет!

СТАЛИНИСТКА ПИШЕТ МЕМУАРЫ

19 октября 1963 года в газете «Известия» была напечатана большая статья сталинистки Татьяны Тэсс. Приводим отрывок из этой статьи.

»Есть умное и глубокое понятие: «вера в себя». Но есть и другое слово: «самоуверенность». Приходится порой видеть как разъедает она нестойкий ум. Хвастливая эта самоуверенность проявляется по разному: в кичливой категоричности суждений, в неуважении к окружающим, в стремлении доказать, что он «сам себе авторитет».

Самоуверенность неминуемо наказывается, и всегда достаточно больно. Когда в Ленинграде проходило заседание Европейского сообщества писателей, посвященное проблемам романа, в городе появился Евгений Евтушенко, которого, поскольку он поэт, никто не приглашал на это заседание. Этот молодой человек приехал в Ленинград, видимо, с единственной целью «похлопать по плечу» иных литераторов из западных стран и тем самым продемонстрировать всем другим, насколько он известен в мире. Писатели *рассказали мне** поучительную историю, которая произошла с Евтушенко, когда он оказался в гостинице, где жили французские и немецкие писатели. Он встретился там с известным западногерманским поэтом Гансом Энценсбергером. Не знаю понял ли сразу Евтушенко почему, холодно встретил его Ганс Энценсбергер, но ларчик, как мне *рассказывали товарищи*, открылся довольно просто. Ганс Энценсбергер сказал Евтушенко примерно следующее: Я уважаю людей, чья самоуверенность находится в рамках возможностей. Вы рассказывали мне в Германии, господин Евтушенко, что наш поэт Рильке чуть ли не был вашим учителем, что вы воспитаны на его стихах. Но здесь, в Советском Союзе, я узнал, что Рильке переводили на русский язык очень немного, да и давно, а вы ведь не

*) Я — не я! Лошадь не моя!

знаете немецкого языка, и как же он может быть вашим учителем?»

После появления вышеприведенного отрывка, западно-германский поэт Ганс Энценбергер написал несколько писем в газету «Известия», опровергая утверждения Татьяны Тэсс. Ганс Энценбергер заявил, что все это было выдуманно Татьяной Тэсс, что на самом деле с Евтушенко такого разговора никогда не было, что наоборот он питает большое уважение к Евтушенко. Западно-германский поэт просил напечатать свои письма в газете «Известия». Однако они не были никогда напечатаны и вся эта история, высосанная из грязных пальцев Татьяны Тэсс, по сталинскому рецепту, для дискредитирования больших поэтов, осталась неразоблаченной в советской прессе.

В настоящее время Татьяна Тэсс пишет мемуары о ее встречах с советскими писателями и журналистами расстрелянными в период культа личности. Можно себе представить, какие слова и фразы ставит она в уста мертвецов, зная хорошо, что реабилитированным мертвецам не под силу писать опровергательные письма.

Описание некоторых из ее встреч, это мастерство глупости. Одна из ее «встреч» с Ильфом и Кольцовым заключалась в том, что она сидела в приемной редакции, когда по этой приемной прошли несколько писателей. Впоследствии Татьяне Тэсс сообщили, что между ними были также Ильф и Кольцов. Она запомнила эту «встречу» на всю жизнь. Когда ей пришла очередь попасть в кабинет редактора, то редактор посоветовал ей впредь не заниматься стихами. Она поняла только через несколько лет, какой хороший совет ей был дан бесплатно. Позже, после появления письма Энценбергера в западной прессе, ей посоветовали не писать о живых, а только о мертвых.

Надеемся, что кто-нибудь посоветует ей вообще не марать бумагу, особенно когда эта бумага является одной из дефицитных позиций внутренней торговой сети. Имея ввиду именно таких писак как зловредная Т. Тэсс, которая позорит имя советского писателя, балкарский поэт, Кайсын Кулиев, прошедший школу жизни в сталинском концлагере, пишет следующее:

»Бумага стерпит все, но и она
Порой бывает от стыда бледна«.

Иосиф Антисталинец

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕЗКИ

В истории русской литературы существуют три Губера: два писателя и один поэт.

Бедняге поэту не довелось дожить ни до светлых дней коммунизма с обилием сельско-хозяйственных продуктов импортированных из Америки, ни до героических дней классовой борьбы Сталина и даже ни до пафоса гражданской войны закадычных друзей Ленина и Троцкого.

Несчастный Эдуард Губер не знавший даже сладости мечтания о интернациональной солидарности по примеру дружбы СССР-Китай, покинул сей грешный мир в 1847 г. в Питере (еще не покрашенном кровью Кронштадта).

Зато писателям Губер, Борису и Петру, счастье не изменило и им довелось дожить до социалистической уравниловки, до советского строя и увидеть его своими глазами.

Вспомнив слова неаполитанских туристов "Vedi Napoli e poi mori" они встретили с улыбкой глубокого наслаждения отряд НКВД который их расстреливал во имя социализма.

В настоящее время, говорит Краткая Литературная Энциклопедия т. 2, стр. 429, их имена были реабилитированы.

Теперь их мог бы читать без всякой опасности любой советский гражданин, если бы только их книги не были изъяты из библиотек и уничтожены.

Приблизительно то же можно сказать о трех Гиппиусах. Здесь однако всем трем счастье улыбнулось еще с колыбели, и все три познали сталинскую власть со всей ее прелестью.

Прыткая Зинаида не задержалась однако слишком долго в этом заповеднике и махнула быстро в Париж.

Поэт Владимир, »представитель раннего декаденства«, и его брат, Василий, »близкий к акмеизму«, хотя подвергались преследованиям и репрессиям, дожили до 1941 и 1942 гг.

Произведения Владимира не печатались с 1928 г. но они не пропали в подвалах НКВД. Они находятся сейчас, утешает нас К.Л.Э., т. 2, стр. 187, в отделе рукописей ИРЛИ (Инст. Русской Лит и Искусства).

Подобный список можно продлить многими другими именами как например Дементьевыми.

Два из трех Дементьевых назывались Николаем.

Поэт Николай был ликвидирован 28. 10. 1935, в то время как писатель Николай побывал в Сибири только мимоходом, »по службе«.

Весьма интересный случай представляют собой писатели Годованец. Об одном пишет Украинская Советская Энциклопедия т. 3, стр. 325, а о другом Кр. Лит. Энци., т. 2, стр. 221.

Здесь совпадение тройное: оба называются Микита Павлович Годованец. Один: поэт-сатирик, а другой: поэт-баснописец т. е. оба пишут в одинаковых областях.

Но в то время как сатирик родился 14 сентября, баснописец родился 2 Ноября.

Баснописец родился в Бершадском районе, в то время как сатирик родился в Джулинском районе.

Баснописец начал печататься до революции с 1913 г. (К.Л.Э.) а сатирик вероятно после, а именно в 1917 (Укр. Сов. Энци.).

Несмотря на одинаковые имена судьбы этих двух поэтов значительно отличаются. В то время как сатирик работает в периодической прессе с 1924 г. непрерывно, баснописец прервал свою работу после 1932 г. Вот что пишет о нем К.Л.Э.: »После двадцатилетнего перерыва в результате необоснованных репрессий в период культа личности Сталина, Годованец возвратился к литературной работе«. По мнению шепетильных литературоведов перерыв длился на 6 лет больше так как книга: »Байки« вышла в 1932 г., следующее издание этой же книги вышло в 1957 г. и новая книга вышла только в 1958 г.

В 1930 г. баснописец выпустил книгу »Чертополохи« (на укр. »Будяки«) а сатирик в том же году выпустил книгу: »В колективе« (укр. »У колективі«).

В 1928 г. сатирик выпустил книгу »Для качества и культуры« в то время как баснописец не выпускал ничего в этом году.

В остальном их работы похоже как две капли воды. Каждый из них выпустил следующие книги: »Бедняк Клим«, 1927, »Парася на заупокойной службе«, 1929, »Трактор и рало«, 1931.

Родились эти оба поэта в Винницкой области в селе Викнино в 1893 г. от одних и тех же родителей, но братьями не были.

Самое интересное это то, что те которые написали, проверили и одобрили биографические статьи о Годованце имеют титулы университетских профессоров, докторов филологических наук, академиков лауреатов и председателей научных советов.

А вот посмотреть на их «конечный продукт» и невольно вспомнишь о книге Годованца вышедшей в 1958 г. под заглавием «Осел на хате».

Для согласования и удовлетворения киевских и московских литспециалистов и партакадемиков следовало бы издать эту книгу, в новой переработанной форме, под заглавием «Вислюки на макушке социальной пирамиды».

Ибрагим Нинович Абдуллаев

ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ПИСАТЕЛЕЙ

На протяжении нескольких десятилетий писательские организации в погоне за выполнением плана не уделяли особого внимания культурному уровню своих членов. При помощи быстро реквалифицированных передовых доярок и кочегаров СССР смогло занять первое место в мире по количеству писателей, писак и писцов. После смерти Сталина советские университеты смогли увеличить свою годовую производительность так как многие профессора повозвращались из концлагерей. Это открыло новые возможности писателям недоучкам, советским инженерам душ. Многие из них смогли поступить в школы и университеты. При этом особенно отличились в учебе осетинский поэт Давид Гаврилович Дариев который получил высшее образование в 1958 г. в возрасте 47 лет (К.Л.Э., т. 2, стр. 528), калмыцкий писатель Бем Окунович Джимбинов получивший высшее образование в области общественных наук в 1961 г. когда ему исполнилось также 47 лет (см. К.Л.Э., т. 2, стр. 652), русский поэт Д. М. Ковалев, получивший высшее литературное образование в 1957 г. когда ему исполнилось всего лишь 42 года (т. 3, стр. 622), его коллега, русский писатель Михаил Николаевич Алексеев, и другие писатели подобного возраста.

FLEGON PRESS

2, FLORENCE STREET,
LONDON, N. 1.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЛЕГОН ПРЕСС
ВЫСЛАЕТ ПО ПОЧТЕ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ И ПЛАСТИНКИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:**

- А. Солженицын:** **ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА**, 7-ое издание вышедшее в хороших технических условиях, 7/6
- ” ” **МАТРЕНИН ДВОР**, 2-ое издание, 5/-
- И. Бабель:** **КОНАРМИЯ**, 3-е издание в улучшенных технических условиях. Нецензурированное (в отличие от всех других существующих на рынке) 12/-
- Е. Евтушенко:** **АВТОБИОГРАФИЯ**. Без добавлений или вырезок существующих переводов 15/-
- Е. Евтушенко:** **КАЧКА**. Сборник стихов. Содержит стихи неопубликованные в СССР или опубликованные с изменениями. За стихотворение Качка 4 директора Московского Телевидения потеряли свою службу. 15/-
- Б. Пильняк:** **УБИЙСТВО КОМАНДАРМА**. (Повесть непогашенной луны). Номер Нового Мира содержащий эту повесть был конфискован властями. 5/-
- Ф. Абрамов:** **ВОКРУГ ДА ОКОЛО**. За этот рассказ Абрамов подвергался репрессиям и был реабилитирован только после падения Хрущева. 5/-
- А. Яшин:** **РЫЧАГИ**. За этот рассказ Яшин подвергался на протяжении многих лет ожесточенной критике со стороны сталинистов. 3/-

- Н. Аржак:** **ЧЕЛОВЕК ИЗ МИНАПА.** Первая сексуальная советская повесть. Остроумная и увлекательная. 5/-
- Б. Окуджава:** **ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК.** По мнению Паустовского это самый талантливый поэт молодого поколения. По мнению М. Михайлова из Югославии это самый популярный человек Советского Союза. 6/-
- М. Волошин:** **ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ.** Поэт еще не был реабилитирован в СССР 8/-
- Б. Ефимов:** **ЖЕРТВА КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ.** О Сталине и о других вождях в период 30-х годов. Сам Борис Ефимов считается преданным сталинистом.
- СТУДЕНТ:** Журнал авангарда советских писателей. Журнал публикует материалы, написанные в СССР, но которые не могут печататься там из за цензуры.
- А. Шабалин:** **20 ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ.** Автор описывает революцию с такой объективностью, что его ругают и коммунисты и западные фашисты. Это вероятно единственная книга напечатанная в СССР, которая дает беспристрастную картину русской революции. Читается как детектив. Имеет словарь для англичан. 5/-
- Л. Кондратов:** **РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ** £ 2. 0. 0
АНГЛИЙСКО-РУССКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ СЛОВАРЬ 10/-

КНИГИ ДЛЯ КУРЯЩИХ

- А. Вознесенский:** **МОЙ ЛЮБОВНЫЙ ДНЕВНИК.** Книга содержит стихи неопубликованные в СССР или частично цензурированные. Из за иллюстраций книгу нельзя давать детям или рекомендовать школьным библиотекам. Книга содержит иллюстрации для следующих строк Вознесенского:

»И ЩУПАЕТ ЛОЛОВРИДЖИД«
 »В РЕСТОРАНЕ ЛОВЯТ ГОЛОГО«
 »СЛАВОВАТО РЕНУАРУ
 ДО ТАКИХ СИБИРСКИХ »НЮ«
 »Этот танец называется »Стриптиз« и
 пр. 10/-

РУССКИЕ ПЛАСТИНКИ

- Б. ОКУДЖАВА ПОЕТ СВОИ ПЕСНИ.** Большая долго-
 играющая пластинка . . . . . \$ 4.50
- ПЕСНИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ.** . . . . . \$ 1.50
- СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР.** Песни из концлагерей.
 (Песни про Сталина, про Пасху
 и пр.) . . . . . \$ 1.50
- СТУДЕНЧЕСКИЕ ПЕСНИ.** (Совет девушкам, Молодой
 жульман, Мне наплевать на самокри-
 тiku, Мадам попугай) \$ 1.50
- ДЕНЬ ПОЭЗИИ** В. Боков — Из сибирского цикла, Р.
 Казакова-Люби меня, Е. Евтушенко
 — Бабий Яр. . . . . \$ 1.50
- ИМЕЮТСЯ ТАКЖЕ ДРУГИЕ ПЛАСТИНКИ
 С СОВЕТСКИМИ ПЕСНЯМИ.

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

- A. Gorbatov: BLACK YEAR** 10/-
- F. Abramov: THE DODGERS** 10/-
- N. Arzhak: THE MAN FROM MISP** 5/-
- M. Bazakonov: SHAKESPEARE IN THE RED** 10/-
- WHO'S WHO in Translating and Interpreting** £ 5. 5.0
- SOVIET TRADE DIRECTORY** £10.10.0
- CZECH TRADE DIRECTORY** £10.10.0
- DIRECTORY OF SOVIET BOOKSHOPS** ... .. £ 1. 0.0
- SOVIET FOREIGN TRADE TECHNIQUES** ... £ 3. 3.0
- SOVIET MARKET** Monthly publication (per year) £12.12.0
- Nigel Hawkins: A SHORT GUIDE TO MOSCOW** 7/6
- DIRECTORY OF SOVIET SUGAR FACTORIES
 AND REFINERIES** ... .. £ 1. 0.0

О Б Ъ Я В Л Е Н И Я

Покупаем следующие русские книги:

- И. Эренбург: Хулио Хуренито, Геликон.
" Москва слезам не верит.
" В проточном переулке.
" Виза времени.
" Единый фронт.

Обращаться по адресу (ссылаясь на зак. А/49):

Librairie C. Cacoulides, Panëpistimiou 39, Athenes, Greece.

Издательство Флегон Пресс продает (или меняет на другие) телефонные книги следующих городов: Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Рига, Харьков, Новосибирск (Академгородок), Владивосток, Хабаровск, Челябинск. Цена: 300 долларов.

Издательство Флегон Пресс организует бесплатные поездки в СССР.

Для подробностей обращаться письменно по адресу редакции.

Если не хотите тратить много денег на гостиницу в Англии рекомендуем останавливаться в нашем доме гостей (на день или на месяц). Дом предназначен главным образом для молодежи.

Fremantle House, 13 Rosary Gardens, Kensington,
London, S.W.7. Tel. FRE 0909

Практика разговорного русского языка. Частные и групповые уроки, Лондон, Тел. FUL 1016.

Посещайте русский отдел самого большого книжного магазина в мире: FOYLE, 120 Charing Cross, Лондон.

О несчастной жизни Изи Крамера, работающего диспетчером на Братской ГЭС можно прочесть в книге Е. Евтушенко — «Качка».

Книги Флегон Пресс высылаются бесплатно советским читателям.

ТРЕБУЮТСЯ РУКОПИСИ

Издательство Флегон Пресс просит читателей посылать свои литературные произведения по адресу: Флегон Пресс, Лондон. Письма дойдут до нашей Редакции, даже без указания улицы или номера дома.

Рукописи могут посылаться в конвертах без марок, так как стоимость пересылки будет оплачена издательством по получении материала.

Издательство Флегон Пресс покупает также магнитофонные пленки для производства грамофонных пластинок.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ	3
Э. Межелайтис — КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА	5
Г. Соловьев — УЖЕ НЕ СПИНУ	8
В. Каверин — МЕДИЦИНА И ЖИЗНЬ	9
НОВОЕ ИЗДАНИЕ БАБЕЛЯ	11
Булат Окуджава — СТИХИ	17
Е. Храмов — МАЛЯРЫ	32
ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	33
СПИСОК УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	39
Д. Фальковский — СТИХИ	75
М. Драй-Хмара — СТИХИ	76
В. Симоненко — КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	77
ПИСЬМО МАТЕРИ	78
ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА	79
СТИХИ	84
КИЕВСКАЯ КРАСИЛЬНЯ ПИСАТЕЛЕЙ	89
ВЫСТУПЛЕНИЕ ИВАНА ДЗЮБЫ	97
Наум Однопозов — СТИХИ	107
СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	127
ЧАСТУШКИ	132
ПЕСНИ	134
АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ	154
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ	159
ВОСПОМИНАНИЯ ЭРЕНБУРГА	163
Борис Слуцкий — СТИХИ	170
Е. Долматовский — ФРАНЦУЗСКАЯ БУЛКА	184
Г. Соловьев — ЧЕРЕЗ БУЛКУ	186
СПРАВОЧНИК СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ	187
П. Новицкий — БОРЬБА ЗА ВАГНЕРА	191
И. Ефимов — ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ	196
А. Сурков — РИФМЫ ЛОВУШКИ	197
Вера Инбер — ЗА МНОГО ЛЕТ	198
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ О ПОЭЗИИ	199
МЕМУАРЫ ТАТЬЯНЫ ТЭСС	201
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕЗКИ	203